

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 5 (109)*

Вологда • 2020

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикующим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

История и перспективы исследований проблем
муниципального управления в ВолНЦ РАН.....7

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Виленский А.В.

Пространственный аспект коронавирусного кризисного развития российского
малого и среднего предпринимательства21

Мазилев Е.А., Ефремов И.А.

К вопросу улучшения административного предпринимательского климата34

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская-Полищук М.А.

Развитие партисипаторного бюджетирования
как фактор роста бюджетного потенциала территории49

Харионовская Т.Л., Никитина Н.А.

Развитие регионального фондового рынка как инструмент повышения
инвестиционной активности населения Вологодской области67

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Оставная А.Н.

Социальный потенциал учебных мигрантов в социально-экономическом
развитии региона (на примере Приднестровья)83

Кабакова Е.А.

Рабочие места как объект для инноваций в социальной сфере
(на материалах Вологодской области) 100

Проворова А.А.

Оценка социально-экономического ущерба вследствие заболеваемости
занятого населения арктического региона 117

Кожевников С.А., Патракова С.С.

Интеграционные процессы на Европейском Севере
в ракурсе межрегиональных миграций населения 134

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики:	
июль 2020 года.....	151
Мониторинг социального самочувствия населения	
Вологодской области в августе 2020 года	163

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН	173
Правила для авторов	176
Информация о подписке.....	179

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

History and Prospects of Studying Municipal Administration Issues
in Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences7

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Vilenskii A.V.

Spatial Aspect of the Coronavirus Crisis Development
of Russian Small and Medium-Sized Businesses.....21

Mazilov E.A., Efremov I.A.

Revisiting the Issue of Administrative
Business Climate Improving34

TERRITORIAL FINANCE

Pechenskaya-Polishchuk M.A.

Participatory Budgeting Development
as Territory's Budget Potential Growth Factor49

Kharionovskaya T.L., Nikitina N.A.

Regional Stock Market Development as a Tool for Increasing Investment
Activity of the Vologda Oblast Population67

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Ostavnaya A.N.

Social Potential of Educational Migrants in the Region's Socio-Economic Development
(the Case of Transnistria)83

Kabakova E.A.

Workplaces as the Object for Innovation in the Social
Sphere (Case Study of the Vologda Oblast).....100

Provorova A.A.

Assessing Socio-Economic Damage Caused by Morbidity
of the Employed Population of the Arctic Region.....117

Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S.

Integration Processes in the European North from
the Perspective of the Interregional Population Migrations.....134

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy: July 2020	151
Monitoring of the social well-being of Vologda Oblast residents in August 2020	163

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

New VoIRC RAS issues	173
Guidelines for the authors	176
Subscription information	179

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.1

УДК 332.14:342.55 | ББК 65.050.23:66.3,124

© Ускова Т.В.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ВОЛНЦ РАН*

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tvu@vscc.ac.ru

ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136); ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

В декабре 2020 года Вологодский научный центр Российской академии наук отметит свое тридцатилетие. Становление и развитие научного учреждения на Вологодской земле совпало с глубокими социально-экономическими и политическими преобразованиями и было сопряжено с множеством социально-экономических проблем, которые стали следствием принятой на вооружение либеральной концепции перехода страны к рынку. С самого начала деятельности Вологодский научный центр ориентировался на решение наиболее острых проблем области, одна из них – создание института местного самоуправления, способного выполнять свои функции в рыночных условиях хозяйствования. В связи с этим обеспечение органов местного самоуправления научно обоснованными рекомендациями, в том числе научно-методическое сопровождение их деятельности по созданию системы муниципального управления, было выбрано в качестве направления научных изысканий сотрудников центра. Цель написания представленной статьи заключается в подготовке обзора исследований, выполненных сотрудниками ВолНЦ РАН, по указанной проблематике. Показано, как формировалась тематика исследований, представлены основные научные результаты, полученные в ходе их выполнения, рассмотрен круг задач на перспективу. Статья позволяет оценить вклад вологодских ученых в муниципальную науку.

Местное самоуправление, муниципальное управление, социально-экономическое развитие, муниципальные образования, методы управления, методический инструментарий.

Для цитирования: Ускова Т.В. История и перспективы исследований проблем муниципального управления в ВолНЦ РАН // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.1

For citation: Uskova T.V. History and prospects of studying municipal administration issues in Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.1

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Введение

Одним из уровней публичной власти, наиболее приближенной к населению и обладающей значительной автономией и самостоятельностью в решении вопросов жизнедеятельности, выступает местное самоуправление. Суть этого института публичной власти состоит в признании права граждан быть источником власти, самим принимать решения по повседневным вопросам своей жизни и отвечать за их последствия¹. Тем самым местное самоуправление обеспечивает развитие демократии, инициативы и ответственности населения, т. е. способствует становлению гражданского общества.

Местное самоуправление получило законодательное оформление во многих странах мира. Накоплен огромный опыт вовлечения граждан в решение местных проблем. Детально отработаны все механизмы и процедуры самоуправления, отлажено взаимодействие с органами государственной власти. Вместе с тем каждая страна имеет свою специфику организации местного самоуправления. Не является исключением и Российская Федерация, где институт местного самоуправления прошел весьма длинный исторический путь, преодолевая препятствия и накапливая знания в сфере муниципального управления. Практический опыт и наработки отечественных ученых позволили сформировать теоретические основы местного самоуправления и муниципального управления. Наиболее существенный вклад в создание российской муниципальной науки внесли классики начала XX века Л.А. Велихов² и С.Г. Алексеев [1]. Дальнейшее развитие эти знания получи-

ли в трудах многих отечественных ученых, среди них: Т.Т. Авдеева и Ю.В. Филиппов³, Е.Г. Анимича и А.Т. Тертыйшный⁴, Е.М. Бухвальд [2; 3], С.Д. Валентей и Т.Я. Хабриева [4], А.Г. Воронин [5], О.Б. Глезер, Т.Л. Бородина, С.С. Артоболевский [6], А.П. Горбунов, В.И. Гончаров, И.Ф. Головченко⁵, В.Б. Зотов⁶, А.Е. Когут⁷, В.А. Лапин и В.Я. Любовный [7], В.Н. Лексин и А.Н. Швецов [8], Э. Маркварт [9], А.С. Маршалова и А.С. Новоселов [10], А.Н. Широков [11] и др.

Существенный вклад в развитие теоретико-методологических основ местного самоуправления и муниципального управления принадлежит и научным сотрудникам Вологодского научного центра РАН, в этом году отмечающего 30-летие со дня основания.

Социально-экономические условия в период организации деятельности научного центра на Вологодской земле

Создание и становление учреждения Российской академии наук на Вологодской земле совпало с коренными преобразованиями не только экономической, но и политической системы российского государства. Переход Российской Федерации на рыночные рельсы основывался на экономической концепции «шоковой терапии», в соответствии с которой руководством страны одномоментно был осуществлен комплекс радикальных реформ посредством либерализации цен, резкого сокращения государственных расходов, разгосударствления и приватизации. В долгосрочной перспективе эта реформа все-таки имела ряд по-

¹ Система муниципального управления: учеб. для вузов / под ред. В.Б. Зотова. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2008. 512 с.

² Велихов Л.А. Основы городского хозяйства: общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.: Наука, 1996. 480 с.

³ Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства: учебн. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2011. 276 с.

⁴ Анимича Е.Г., Тертыйшный А.Т. Основы местного самоуправления: учеб. М.: ИНФРА-М, 2000. 208 с.

⁵ Местное самоуправление и муниципальное управление: учеб. / А.П. Горбунов [и др.]; ред. А.С. Прудников, М.С. Трофимов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити, 2015. 543 с.

⁶ Система муниципального управления: учеб. для вузов / под ред. В.Б. Зотова. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2008. 512 с.

⁷ Когут А.Е. Система местного самоуправления: основы разраб. и применения в городах России / Рос. АН, Ин-т соц.-экон. пробл. СПб.: ИСЭП, 1995. 59 с.

зативных моментов (главный из них – был заложен фундамент рыночного механизма), однако в краткосрочном периоде в российской экономике и обществе преобладали негативные тенденции, в их числе значительный рост инфляционных процессов, граничащих с гиперинфляцией; стремительное сокращение реальных доходов граждан и обнищание населения; увеличение разрыва между различными слоями общества; падение объема инвестиций; сокращение ВВП и промышленного производства и др.

Кризисные явления охватили все отрасли национальной экономики и оказались характерными для всех российских территорий. Не стала исключением и Вологодская область. Как и в целом по стране, в ней уже с середины 1970-х гг. наблюдалось замедление темпов экономического роста. Этот вывод подтверждает динамика объемов производства промышленной продукции – ведущей отрасли региональной экономики. Если за пятилетие 1971–1975 гг. среднегодовые темпы прироста общего объема промышленной продукции в области составляли 6%, то в 1976–1980 гг. – 5,5%, а в 1981–1985 гг. – 4,1%. В 1986–1990 гг. среднегодовой темп прироста снизился до 1,7% [12].

Переход на рыночные условия хозяйствования только усугубил проявление системного кризиса. С началом рыночных реформ практически во всех сферах экономики региона предприятия сворачивали деятельность. Так, в 1996 году в Вологодской области объем промышленного производства достиг только две трети дореформенного уровня [13], сельскохозяйственное производство сократилось более чем наполовину, инвестиции в основной капитал составляли менее трети от уровня 1991 года.

Следствием сжатия экономики и роста инфляции стало резкое падение уровня жизни граждан. Организованный научным центром в ноябре 1993 года анкетный опрос населения Вологодской области показал резкое ухудшение социального положения населения региона. Около половины жи-

телей области оказались на грани нищеты. В 1993 году 46% населения Вологодской области имели среднедушевой доход ниже прожиточного минимума (в Российской Федерации этот показатель варьировал в пределах от 29 до 34%). В январе 1994 года доля населения региона, чьи доходы не достигали прожиточного минимума, составила в целом по области 54%, а в сельской местности – 79% [14].

Негативные процессы в экономике и социальной сфере, непринятие населением радикального курса реформ оказались одной из причин ухудшения социального самочувствия, выразившегося, прежде всего, в росте смертности и сокращении численности населения. Только за один год в Вологодской области смертность от неестественных причин увеличилась более чем на 17%. В 1993 году во всех районах наблюдалась естественная убыль населения [14].

Кардинальные изменения произошли и в политической жизни страны. Прекращение деятельности Советов народных депутатов всех уровней, объявленное соответствующим указом Президента⁸, явилось отправной точкой коренных изменений системы местного самоуправления. Местное самоуправление было выведено из состава органов государственной власти. Принятая 12 декабря 1993 года Конституция РФ закрепила местное самоуправление и его самостоятельность, в том числе и при определении структуры органов местного самоуправления. Органами местного самоуправления становились выборные представительные органы и выборные главы местных администраций. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» провозглашал, что «местное самоуправление в Российской Федерации – признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного зна-

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации».

чения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций»⁹. Обретя значительную экономическую самостоятельность, муниципальные образования получили в ведение весьма внушительный перечень вопросов местного значения. Помимо того, законодательством предусматривалась возможность передачи на места некоторых государственных полномочий. В то же время они во многом лишились привычных источников материальных ресурсов и опеки государства. Реформирование иерархической структуры власти и предоставление самостоятельности территориям поставило новые задачи в содержание и организацию деятельности органов местного самоуправления, внесло изменения во многие функции. Как и в других субъектах Федерации, становление обновленного института местного самоуправления в Вологодской области сопровождалось многими трудностями: требовались определение наиболее адекватных местным условиям форм организации местного самоуправления; развитие демократизации общества, направленной на повышение активности местного населения; совершенствование законодательства по обеспечению финансово-хозяйственной самостоятельности муниципальных образований; определение методов и инструментов регулирования происходящих на местах социально-экономических процессов. По существу, требовалось создать на местах систему муниципального управления, функционирующую в новых рыночных реалиях.

В таких условиях с декабря 1990 года началась история Вологодского научного центра, вначале как отдела Института экономических проблем Кольского научного центра РАН по изучению проблем социально-экономического развития Вологодской области, а с декабря 1993 года – в качестве самостоятельного научного учреждения «Вологодский научно-координационный центр Российской академии наук».

Муниципальное управление – приоритетная тематика исследований Вологодского научного центра РАН

С самого начала деятельности Вологодский научный центр РАН был нацелен на решение наиболее острых социально-экономических проблем региона. В 1990-х гг. такой проблемой стала не только организация местного самоуправления как института, истинного хозяина на территориях, обладающего всей полнотой реальной власти и несущего полную ответственность перед местным сообществом за состояние дел в муниципалитете, но и формирование системы управления, адекватной рыночным условиям хозяйствования. Методическое обеспечение органов местного самоуправления научно обоснованными рекомендациями, формирование методологии и методического инструментария управления социально-экономическими процессами в муниципалитетах выступило для вологодских ученых одной из приоритетных тематик исследований.

В середине 1990-х гг. в структуре Центра был создан исследовательский сектор, затем лаборатория, а впоследствии отдел проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (зав. отделом д.э.н. проф. Т.В. Ускова), научная работа сотрудников которого нацелена на развитие института местного самоуправления и совершенствование управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне.

Уже в середине 1990-х гг. научные сотрудники Центра (В.А. Ильин (рук.), А.А. Пашко, М.Ф. Сычев, И.Л. Браузе) исследовали проблемы становления рыночных отношений в районных муниципальных образованиях; доказали, что основой экономического и социального роста являются рациональное использование имеющихся ресурсов, правильный выбор приоритетов в развитии производств, отраслей, форм хозяйствования и обеспечение реального самоуправления; определили роль института местного само-

⁹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ.

управления как эффективного инструмента при координации деятельности хозяйствующих субъектов, бюджетной сферы и сферы социальных услуг; научно обосновали необходимость законодательного закрепления функций представительной и исполнительной ветвей власти, что позволило четко очертить круг их вопросов и компетенций [15].

Понимая важность получения от жителей области обратной реакции на реализуемую социально-экономическую политику, ВНКЦ РАН стал проводить социологические исследования. Учеными центра была начата разработка методологии и методического инструментария мониторинга как системы постоянного наблюдения за социально-экономическими процессами, проходящими в муниципальных образованиях. В Грязовецком районе анкетный опрос жителей по оценке социально-экономической ситуации осуществляется с 1995 года. Анализ полученных результатов позволил исследователям (К.А. Гулин) [16] сделать вывод о нестабильности социально-экономической ситуации в районе; определить проблемы, вызывающие наибольшую озабоченность жителей, в их числе снижение уровня заработной платы (61% от числа опрошенных в феврале 1997 года); задержки выплаты заработной платы, пенсий, стипендий (44%); инфляция (39%); развал экономики, остановка предприятий (38%); рост безработицы (32%) и др. Что касается уровня жизни, характера представлений о перспективах его изменения, то оценки населения районного муниципалитета чаще всего были негативными. Опрос убедительно доказал необходимость выработки научно обоснованной, социально ориентированной концепции развития района и корректировки реализуемой политики с учетом мнения широких слоев местного населения как главного носителя социально-экономических потребностей, полное удовлетворение которых является одной из задач органов власти на местах¹⁰. В 1996 году было организовано социологическое исследование в городе Вологде. Кроме условий проживания горожа-

не оценивали деятельность органов власти и местного самоуправления [17]. Проведенные опросы показали, что социологические методы могут дать качественную оценку происходящих процессов, определить реакцию населения на результаты преобразований, стать надежной основой для корректировки проводимой социально-экономической политики, обоснования управленческих решений, принимаемых органами власти, выбора методов и инструментов управления.

В качестве важнейшей задачи органов местного самоуправления законодательно было определено социально-экономическое развитие муниципальных образований. Однако вплоть до 1998 года в экономике и социальной сфере муниципальных образований нарастали негативные процессы. Основная причина такого положения – уход государства из экономики, выразившийся в либерализации всех форм жизнедеятельности, резком сужении масштабов государственного регулирования, отказе от целенаправленного управления и планирования на всех уровнях.

Вместе с тем в научных кругах, среди прогрессивной общественности тезис о несовместимости плана и рынка, взятый на вооружение отечественными реформаторами, отвергался. Участники проведенной в апреле 1997 года Советом Федерации совместно с Институтом экономики РАН международной научно-практической конференции «Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики» в качестве одной из основных рекомендаций выдвигали необходимость создания системы индикативного планирования и прогнозирования, органично связанной с долгосрочной социально-экономической стратегией и направленной на ее реализацию [18].

Взяв на вооружение эту идею, в конце 1990-х гг. вологодские ученые (В.А. Ильин, А.Н. Зуев, Т.В. Ускова) представили концептуальные подходы к построению системы управления социально-экономическим развитием муниципальных образований [19; 20]. В дальнейших исследованиях был определен

¹⁰ В дальнейшем анкета была существенно расширена, в нее был включен перечень вопросов, характеризующих эффективность муниципального управления, и исследование стало проводиться на регулярной основе.

круг задач по реформированию муниципального управления; обоснованы принципы управления в условиях рынка, в их числе приоритет стратегических целей над тактическими, социальная ориентация развития экономической сферы, системный подход к решению проблем, ориентация на собственные ресурсы, адаптация к изменяющимся условиям на основе обратной связи. Доказано, что наиболее адекватным инструментом управления территориальным развитием выступает индикативное стратегическое планирование, результатом которого является стратегия социально-экономического развития муниципального образования. Предложена многоуровневая система планирования и управления, содержащая подсистемы стратегического, тактического и оперативного управления, разработан методический инструментарий ее создания. Обоснован механизм реализации стратегии, в качестве инструментов которого выступают система непрерывного планирования, мониторинг социально-экономической ситуации и система контроля и стимулирования специалистов муниципалитета на основе степени достижения показателей плана [21]. Все эти наработки были апробированы и в разной степени полностью внедрены в практику муниципального управления в администрациях города Вологды, Грязовецкого, а позднее и Вологодского районов. Система муниципального управления, сформированная на основе научно-методических рекомендаций вологодских ученых, позволила органам власти на местах найти оптимальные решения острых социально-экономических проблем и обеспечила переход этих муниципальных образований к стратегическим формам управления [22–24]. В последующий период методология стратегического планирования была доработана и явилась

фундаментом при разработке стратегий развития муниципальных образований и отдельных отраслей.

Стратегии социально-экономического развития муниципальных районов, городских округов Вологодской области, разработанные сотрудниками ВолНЦ РАН

- Стратегия развития социальной ответственности в городе Вологде на период до 2025 года
- Стратегия социально-экономического развития Вологодского района до 2025 года и разработка Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Вологодского района до 2025 года
- Стратегия развития жилищной строительной индустрии на территории муниципального образования «Город Вологда» на период до 2025 года и ориентиров ее развития до 2035 года
- Стратегия социально-экономического развития Бабаевского муниципального района до 2025 года
- Стратегия развития промышленности в городе Вологде до 2030 года
- Стратегия развития потребительского рынка г. Вологды на период до 2020 года
- Стратегия развития Сямженского муниципального района до 2015 года
- Стратегические цели и приоритеты социально-экономического развития Грязовецкого муниципального района на период 2000–2010 гг. и до 2015 года
- Основные ориентиры экономического и социального развития Вологодского муниципального района на период до 2010 года
- Концепция социально-экономического развития города Вологды до 2010 года
- Концепция социально-экономического развития города Вологды до 2005 года
- Стратегия социально-экономического развития Грязовецкого муниципального района на 2003–2012 гг.
- Стратегия социально-экономического развития Череповецкого муниципального района до 2010 года
- Стратегия социально-экономического развития Вашкинского муниципального района до 2010 года
- Стратегия социально-экономического развития Сокольского муниципального района до 2005 года

Принятие Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и последующих законодательных актов, касающихся местного самоуправления, дало новый импульс исследованиям местного самоуправления, его экономических и правовых основ, ознаменовало новый этап развития системы муниципального управления. Закон устанавливал двухуровневую систему местного самоуправления в РФ. Помимо городов и районов он регламентировал организацию местного самоуправления в городских и сельских поселениях. В связи с существенными изменениями, вносимыми в территориальную модель организации местного самоуправления, в научном центре были начаты работы по методическому сопровождению этого процесса (Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, Е.А. Гутникова, С.Н. Дубов, А.А. Кольев; под рук. В.А. Ильина). В исследованиях значительное место занимали вопросы организации местного самоуправления в районном звене, требования к организационным структурам, оптимальному распределению полномочий между местными и государственными органами власти и внутри системы местного самоуправления на районном уровне.

Наиболее пристальное внимание в исследованиях уделялось проблемам обеспечения финансовой самостоятельности создаваемых муниципальных образований (А.И. Поварова, М.А. Печенская). Решение вопросов непосредственного жизнеобеспечения населения требовало значительных средств местных бюджетов. Однако на момент принятия федерального закона все городские и районные бюджеты области были дотационными. В 2002 году только в пяти муниципалитетах (г. Вологда, Череповец, Кадуйский, Вытегорский и Тотемский районы) доля собственных доходов в местном бюджете превышала 80%. В 17 из 28 муниципальных образований области этот показатель составлял менее 60%, причем в шести – менее 40%. Более того, имели место различия муниципалитетов по величине собствен-

ных доходов в расчете на душу населения (достигали 4,5 раза): в 2002 году в Кадуйском районе на одного жителя приходилось 5666 руб., а в Усть-Кубинском – только 1463 руб. Налоги, закрепляемые за местными бюджетами всех уровней, не обеспечивали их самостоятельность. Дополнительной финансовой нагрузкой на бюджеты являлись так называемые «нефинансируемые мандаты», когда ряд государственных полномочий передавался местным органам власти без предоставления им соответствующих финансовых ресурсов в полном объеме [25]. Таким образом, формировалась устойчивая тенденция, свидетельствующая о росте несоответствия экономической базы местного самоуправления возложенным на него полномочиям (кругу вопросов местного значения), что привело к упрочивающемуся дисбалансу доходных источников местных бюджетов и их расходных полномочий. Создание новых муниципальных образований не решало эту проблему. Научные сотрудники неоднократно подчеркивали, что важнейшим аспектом реформирования местного самоуправления должна стать оптимизация круга собственных полномочий органов местного самоуправления, их обеспеченность необходимыми экономическими, прежде всего финансово-бюджетными, ресурсами четкое разграничение полномочий региональных органов государственной власти и местного самоуправления, совершенствование межбюджетных отношений [26–28].

Помимо разграничения вопросов ведения требовалось разделить собственность между районным муниципалитетом и входящими в его состав сельскими и городскими поселениями. Органам местного самоуправления предстояло провести большую работу по инвентаризации собственности, завершить регистрацию земли в собственности и организовать кадастровый учет земельных участков, определить принципы распределения собственности между поселениями с учетом их расходных полномочий [29]. В ходе исследований было выяснено, что в собственности муниципалитетов находились в основном низкодоход-

ные и убыточные предприятия – объекты социальной инфраструктуры и затратный жилищный фонд. Следовательно, их передача на поселенческий уровень не могла решить проблему дотационности бюджетов. Кроме того, частое изменение налогового законодательства вело к сокращению доли стабильных доходных источников в пользу федерального и региональных бюджетов, не способствовало увеличению самостоятельности органов местного самоуправления на всех уровнях. Озабоченность вызывало и отсутствие на местах, прежде всего на селе, квалифицированных кадров, способных не только возглавить органы местного самоуправления, но и эффективно решать вопросы жизнеобеспечения территории.

Вместе с тем Вологодская область вошла в число пилотных субъектов Федерации, на территории которых с 2006 года внедрялась двухуровневая модель местного самоуправления. В области было организовано 372 муниципальных образования вместо двадцати восьми ранее функционирующих. С целью своевременного выявления проблем реформирования в научном центре было начато мониторинговое исследование, продолжающееся и в настоящее время. Мониторинг позволяет получать информацию о наиболее острых проблемах института местного самоуправления и выступает основой для разработки комплекса научно обоснованных мер по их устранению [30; 31].

Как показывали результаты опросов, на новом этапе развития института местного самоуправления наиболее значимой, не потерявшей остроты оставалась проблема обеспечения финансовой самостоятельности муниципалитетов. Низкую и крайне низкую обеспеченность собственными доходами в 2010 году отмечали главы всех муниципальных образований. Даже с учетом помощи из регионального бюджета ресурсная обеспеченность оставалась недостаточной для устойчивого развития [32]. В связи с этим в работах сотрудников Центра были обоснованы направления модернизации форм и механизмов управления [33].

Ситуация требовала поиска иных источников развития муниципальных образований. В этот период было начато исследование (Э.О. Орлова, М.А. Дубинин) по разработке методического инструментария для повышения самостоятельности института местного самоуправления посредством привлечения ресурсов частного бизнеса в муниципальную экономику на основе партнерства. Изучались методологические аспекты взаимодействия государства и бизнеса, исторические предпосылки современного понимания роли и места частно-государственного (муниципального) партнерства, передовой опыт зарубежных стран и российских муниципалитетов, оценивались исходные условия формирования системы взаимодействия власти и бизнес-структур, предлагалась методика для определения эффективности реализации инструментов партнерства. Рассматривая частно-муниципальное партнерство как форму объединения и использования материальных и нематериальных ресурсов местного самоуправления и частного сектора на долговременной и взаимовыгодной основе, исследователи обосновали методологические подходы этого механизма, предложили систему организационно-экономического и информационного обеспечения процессов взаимодействия бизнес-структур и органов местного самоуправления, включающую мониторинг партнерства [34; 35].

Дальнейшее изучение вопросов взаимодействия власти и бизнеса (С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова) позволило существенно развить и углубить исследования по указанной проблематике. В частности, подчеркивалось, что для достижения долгосрочных целей развития территории следует активнее привлекать частное финансирование, инновационные технологии и управленческий опыт бизнеса в инфраструктурных отраслях, прежде всего в жилищно-коммунальном хозяйстве, которое в большинстве муниципалитетов испытывает значительные финансовые трудности в решении острых проблем жизнеобеспечения местного населения. Однако из-за острого недостатка

финансовых средств инвестиционные программы организаций коммунальной сферы реализовывались лишь в нескольких муниципалитетах – крупных городах и населенных пунктах с емким рынком: Вологде, Шекснинском и Вологодском районах. При этом одними из главных факторов, тормозящих развитие партнерства органов власти и бизнеса ЖКХ, по мнению почти 79% руководителей муниципальных районов, 42% глав городских и 47% – сельских поселений, выступают несовершенство и нестабильность нормативно-правовой базы [36].

В качестве другой формы взаимодействия власти и хозяйствующих субъектов, перспективного инструмента управления экономикой территорий рассматривается социальная ответственность бизнеса. Сотрудниками Центра раскрыты сущность, особенности, институциональные и экономические аспекты социальной ответственности; выявлены проблемы и причины, сдерживающие ее развитие, главные из них – отсутствие финансовой возможности, слабое стимулирование со стороны государства и неразвитость законодательной базы; разработаны концептуальные подходы и методический инструментарий стимулирования социальной ответственности в муниципальных образованиях [37]. Внедрение обоснованных учеными предложений в практику муниципального управления дает возможность использовать ресурсы бизнеса в решении наиболее острых социально-экономических проблем территорий.

Чуть позже на первый план вышли исследования, направленные на расширение экономической базы муниципалитетов. Ученые Центра (Т.В. Воронцова, Е.А. Гутникова, Е.Н. Кожина, Е.В. Лукин, С.А. Селякова, Т.Г. Смирнова, А.Н. Чекавинский) приступили к разработке методов развития их производственной сферы, оценке имеющегося потенциала и обоснованию комплекса мер по повышению эффективности его использования [38–41]. Многие рекомендации, выводы и предложения, представленные в научных публикациях сотрудников, нашли применение

в практике муниципального управления и дали положительный эффект.

Вместе с тем проблемы социально-экономического развития территорий не теряют остроты, а некоторые из них приобретают устойчивый негативный окрас. В числе наиболее актуальных вопросов остаются концентрация хозяйственной деятельности в городских округах и прилегающих к ним районах; существенная неравномерность развития муниципальных районов, обусловленная заметными различиями в средствах, ресурсах, источниках, факторах и условиях развития; значительное отставание уровня и качества жизни сельского населения; низкая финансово-экономическая самостоятельность большинства муниципальных образований. Имеют место и нерешенность проблем в функционировании самого института местного самоуправления; дефицит квалифицированных кадров органов местного самоуправления; низкая эффективность и результативность взаимодействия органов государственной власти региона и органов местного самоуправления; низкий уровень использования современных форм и методов управления муниципальным развитием; неэффективность территориальной структуры муниципальных образований [42].

В то же время, как свидетельствовали опросы, более половины глав муниципальных образований подчеркивали, что развитие муниципалитетов в наибольшей степени зависит от региональных органов власти. Эта ситуация позволила вологодским ученым (Т.В. Ускова, К.А. Гулин, А.Н. Чекавинский, С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов, А.Е. Кремин) сделать вывод о настоятельной необходимости скорректировать реализуемую региональную социально-экономическую политику и направить фокус внимания на поиск современных методов ее реализации. В исследованиях подчеркивалось, что социально-экономическая политика, проводимая на региональном уровне, должна быть сконцентрирована на организации согласованных действий федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления

в целях создания максимально благоприятных условий для развития экономики и социальной сферы муниципальных образований путем привлечения частных инвестиций и повышения качества и доступности государственных и муниципальных услуг. Важнейшим направлением при реализации такой политики является согласование стратегических документов региона и муниципальных образований по целям, задачам, механизмам и роли разных уровней власти в решении проблем развития территорий; увязка стратегического и бюджетного планирования [43]. С принятием Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» это направление региональной политики получило законодательное закрепление.

Немаловажное значение для достижения устойчивого социально-экономического развития территорий имеет формирование адекватной современным условиям и качественной институциональной среды, которая в конечном итоге и определяет направления, формы и условия модернизации экономики. Важную роль в данных процессах играют институты развития, позволяющие сконцентрировать усилия на решении проблем социально-экономического развития муниципальных образований. Выполненная по этой проблематике научная работа показала, что в Российской Федерации институты развития не получили широкого распространения на местном уровне. Были определены факторы, сдерживающие развитие указанных институтов и снижающие их эффективность; раскрыты роль и проблемы функционирования таких институтов, как территориальное самоуправление, межмуниципальное сотрудничество, институты экономического развития – промышленные парки, бизнес-инкубаторы, корпорации развития, агентства и пр.; предложены комплекс мер, методический инструментарий и методы стимулирования их создания в муниципальных образованиях [44; 45].

Муниципальное управление на современном этапе и перспективы исследований

В последние годы в региональной социально-экономической политике произошли существенные изменения, потребовавшие корректировки в системе муниципального управления. Так, упомянутый ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» на муниципальном уровне регламентирует разработку стратегических документов только в районах и городских округах (глава 11, статья 39), однако он обошел стороной малые и средние города, а также сельские территории. В принятой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹¹ ставка также сделана на развитие крупных городов и агломераций. Такие перекосы в региональной социально-экономической политике не только не способствуют снижению уровня социально-экономической дифференциации и развитию единого экономического пространства, но и требуют организации научных исследований по созданию системы муниципального управления в сельских муниципальных образованиях, малых и средних городах.

Сельские территории занимают две трети площади страны, на них расположено около 150 тыс. сельских населенных пунктов, где проживает около 26% населения России. Подавляющее большинство созданных сельских муниципалитетов являются дотационными, не могут в полном объеме выполнять возложенные на них полномочия. Исследования, связанные с разработкой научно обоснованных решений по повышению роли муниципальных образований в пространственном развитии страны, статусом и местом института местного самоуправления в системе публичной власти в России в современных, быстро меняющихся условиях, выходят на первый план [46]. Существенные изменения следует внести и в систему стратегического планирования. В работах вологодских ученых неоднократно подчеркивалось, что принципиально

¹¹ Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

важным является стратегический подход в управлении названными территориями. Наличие стратегии социально-экономического развития на долгосрочный период в каждом поселении позволяет консолидировать власть, бизнес и население (общество) в решении проблем территорий, помогает молодежи видеть перспективы, в конечном итоге становится одним из главных факторов при принятии решения о том, чтобы не уезжать в город [47–49].

Недостаточно исследованными остаются вопросы о роли малых городов как фактора, интегрирующего экономическое пространство городской и сельской среды. Экономическое возрождение малых городов и их устойчивое развитие требуют создания соответствующего методического обеспечения управления социально-экономическими процессами как на региональном, так и местном уровне.

Принципиально важное значение для совершенствования муниципального управления имеют вопросы, связанные с рефор-

мированием местного самоуправления, повышением его финансово-экономической самостоятельности [50; 51], разработкой и принятием концепции или стратегии развития этого института в Российской Федерации [52].

Полагаем, что выполнение поставленной Президентом РФ на заседании Совета по развитию местного самоуправления в январе 2020 года задачи обеспечить эффективность местного самоуправления, устранить разрывы, несогласованность между регионами и муниципалитетами¹² будет способствовать серьезным изменениям в политике в отношении территорий, качественным изменениям на местах. Это, безусловно, окажет влияние на интеграцию экономического пространства страны, повышение национальной безопасности, устойчивое социально-экономическое развитие всех территорий и рост благосостояния россиян. А ученые Вологодского научного центра РАН приложат все усилия для дальнейшего развития муниципальной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII–XIX вв. *L'autonomie rurale des etats d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie*. М.: Изд-во Т-ва М.О. Вольф, 1902. 313 с.
2. Бухвальд Е. Муниципальная реформа: проблемы переходного периода и пути их решения // *Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук*. 2007. № 3. С. 135–153.
3. Бухвальд Е.М. Муниципальная реформа. Некоторые итоги прошедшего десятилетия // *Федерализм*. 2013. № 4 (72). С. 121–134.
4. Валентей С.Д., Хабриева Т.Я. Проблемы формирования местных бюджетов и муниципальной собственности // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2008. № 1. С. 49–57.
5. Воронин А.Г. Муниципальное хозяйство и управление: проблемы теории и практики. М.: Финансы и статистика, 2002. 176 с.
6. Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // *Изв. Рос. акад. наук. Сер. географическая*. 2008. № 5. С. 51–64.
7. Лапин В.А., Любовный В.Я. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство России. М.: Дело, 2005. 240 с.
8. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Местное самоуправление и муниципальное развитие как объекты системного анализа и регулирования. Исследования и проекты Института системного анализа РАН // *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. 2017. № 2. С. 28–32.

¹² Материалы заседания Совета по развитию местного самоуправления. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701> (дата обращения 15.09.2020).

9. Маркварт Э. Местное самоуправление в России перед главными вызовами современности // Рос. экон. журн. 2016. № 6. С. 3–17.
10. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Проблемы управления социально-экономическим развитием муниципальных образований // Регион: экономика и социология. 2009. № 1. С. 167–179.
11. Широков А.Н. Основы местного самоуправления в Российской Федерации: введение в муниципальное управление. М.: Муниципальная власть, 2000. 304 с.
12. Ильин В.А., Пашко А.А., Сычев М.Ф. Вологодская область: движение к рынку / под ред. П.А. Усачева. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1995. 131 с.
13. Ильин В.А. Некоторые итоги реформ в регионе – Вологодская область: препринт. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1996. 40 с.
14. Ильин В.А. О некоторых результатах экспертных оценок хода экономических реформ в территориальных социально-экономических системах (на примере Вологодской области): препринт. Вологда: ВНКЦ, 1994. 21 с.
15. Переход к рынку и местное самоуправление (Грязовецкий район в условиях перехода к рыночным отношениям) / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1996. 90 с.
16. Гулин К.А. Социально-экономическая ситуация в сельском районе (по итогам социологических опросов в Грязовецком районе в 1995–1997 гг.) // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 1997. Вып. 2. С. 18–32.
17. Ильин В.А., Жирнов Е.М., Якуничев А.С. Условия проживания населения: оценка и проблемы управления. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1997. 75 с.
18. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики: мат-лы междунар. конф. в Совете Федерации // Аналит. вестн. 1997. № 9 (54).
19. Ильин В.А., Зуев А.Н., Ускова Т.В. Проблемы организации планирования и управления социально-экономическим развитием муниципального образования // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 1999. Вып. 9. С. 13–25.
20. Стратегия управления муниципальными образованиями / кол. авт.: В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 115 с.
21. Ускова Т.В. Индикативное планирование развития муниципальных образований. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 158 с.
22. Районная экономика: вчера, сегодня, завтра / кол. авт. под рук. В.А. Ильина, В.И. Чиркова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 126 с.
23. Местное самоуправление в сельском районе: тенденции, проблемы, перспективы / кол. авт. под рук. В.А. Ильина, В.И. Чиркова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 190 с.
24. Экономика сельского района: состояние и перспективы / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007. 270 с.
25. Ускова Т.В., Амелин Д.Е. Организация двухуровневой модели местного самоуправления // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. Вып. 27. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. С. 53–56.
26. Поварова А.И., Ускова Т.В. Бюджетная обеспеченность муниципальных образований Вологодской области: состояние, проблемы, пути повышения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 1 (9). С. 45–61.
27. Печенская М.А., Ускова Т.В. Актуальные вопросы совершенствования межбюджетных отношений в системе местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1 (19). С. 136–146.
28. Ускова Т.В. Бюджет как основа социально-экономического развития муниципальных образований // Проблемы совершенствования бюджетной политики регионов и муниципали-

- тетов: мат-лы Седьмой науч.-практ. конф., г. Петрозаводск, 30 мая – 1 июня 2007 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 206–209.
29. Местное самоуправление на пути к реформированию / кол. авт. под рук. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 28 с.
 30. Гутникова Е.А. Местное самоуправление: итоги пятилетнего реформирования // Проблемы развития территории. 2011. Вып. 3 (55). С. 31–39.
 31. Ускова Т.В., Гутникова Е.А. Проблемы функционирования и направления развития института местного самоуправления // Федерализм. 2012. № 1. С. 127–136.
 32. Гутникова Е.А. Финансовая самостоятельность как фактор устойчивости развития муниципальных образований // Федерализм. 2010. № 1. С. 229–239.
 33. Основные направления модернизации форм и механизмов управления в условиях реформирования местного самоуправления: отчет о НИР / исп. В.А. Ильин [и др.]. Вологда, 2005. 214 с.
 34. Развитие механизмов взаимодействия органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов: отчет о НИР / исп. Т.В. Ускова, Э.О. Орлова, М.А. Дубинин. Вологда, 2007. 76 с.
 35. Орлова Э.О., Советов П.М. Механизм инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 184 с.
 36. Кожевников С.А., Ускова Т.В. Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
 37. Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 189 с.
 38. Ускова Т.В., Гутникова Е.А. Развитие малого бизнеса как фактор повышения финансовой самостоятельности муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 2 (10). С. 88–100.
 39. Смирнова Т.Г., Селякова С.А., Кожина Е.Н. Развитие производственного потенциала сельского района: монография / под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. С. 148.
 40. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова [и др.]; под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
 41. Ускова Т.В., Чекавинский А.Н., Лукин Е.В. Экономическое развитие крупного города: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 128 с.
 42. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
 43. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
 44. Чекавинский А.Н., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Институты развития на местном уровне: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 200 с.
 45. Кремин А.Е., Гулин К.А. Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 94–110. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.5
 46. Ворошилов Н.В. Местное самоуправление в России: ожидание больших перемен или точечная настройка? // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 37–54. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.3
 47. Ускова Т.В. Совершенствование региональной социально-экономической политики – стратегическая задача государства // Проблемы развития территорий. 2014. № 1. С. 7–13.
 48. Ускова Т.В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.1

49. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1
50. Печенская М.А. Бюджетный потенциал муниципальных образований: оценка и направления развития (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 4 (175). С. 120–131.
51. Печенская М.А. Современные проблемы бюджетного развития региональных центров // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 40–56.
52. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 132–147. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru

Uskova T.V.

HISTORY AND PROSPECTS OF STUDYING MUNICIPAL ADMINISTRATION ISSUES IN VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

In December 2020, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS) will celebrate its 30th anniversary. The establishment and development of this scientific institution in the Vologda Oblast coincided with profound socio-economic and political transformations, and it was also coupled with many socio-economic problems that resulted from the liberal concept of the country's transition to the market. From the very beginning, Vologda Research Center focused on solving the most acute problems of the region, one of which was the creation of an institute of local self-government, capable of performing its functions within market economy. In this regard, provision of local self-government authorities with scientifically based recommendations, including scientific and methodological support for their activities to create a municipal administration system, was chosen as the direction of scientific research of the center's employees. The purpose of this article is to prepare an overview of studies on this issue carried out by the staff of VolRC RAS. The process of the formation of the research topic is shown, main scientific results, obtained during its implementation, are presented, and the range of tasks for the following work is considered. The article allows evaluating Vologda scientists' contribution to the municipal science.

Local self-government, municipal administration, socio-economic development, municipal entities, administration methods, methodological tools.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Deputy Director for Science, Head of the Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.2

УДК 332.1:338.1 | ББК 65.04:65.05

© Виленский А.В.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ КОРОНАВИРУСНОГО КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ВИЛЕНСКИЙ

Институт экономики Российской академии наук

Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32

E-mail: avilenski@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3019-7460; ResearcherID: M-4570-2016

Целью статьи является анализ пространственных тенденций развития российского малого и среднего предпринимательства в условиях активной стадии коронавирусного кризиса. Ее актуальность обусловлена тем, что коронавирусный кризис не имеет прямых аналогов в истории. Российское малое и среднее предпринимательство показало феноменальную устойчивость. Был прерван многолетний тренд сужения сферы МСП в РФ. В Московской области, в Северо-Западном федеральном округе, в Южном федеральном округе, в Краснодарском крае, в Северо-Кавказском федеральном округе, в Ставропольском крае, в Дальневосточном федеральном округе и Приморском крае выросла средняя численность работников субъектов малого предпринимательства – юридических лиц. Увеличение средней численности работников субъектов среднего предпринимательства – юридических лиц наблюдалось во всех федеральных округах и в большинстве субъектов Федерации. Однако кризис, связанный с распространением коронавирусной инфекции, в большинстве российских регионов ударил по индивидуальному предпринимательству, резервы которого оказались минимальными среди прочих субъектов МСП. Кроме того, индивидуальные предприниматели стали активнее других субъектов МСП переоформляться в самозанятых. Новизна работы заключается в совершенствовании комплекса антикризисных предложений. В ближайшей перспективе необходимо, в частности, усилить в регионах поддержку отечественных производителей через ограничение государственных и муниципальных закупок иностранных товаров; кардинально перестроить всю систему льготного кредитования МСП; на региональном уровне развивать систему дешевых (2–3%) микрокредитов для некруп-

Для цитирования: Виленский А.В. Пространственный аспект коронавирусного кризисного развития российского малого и среднего предпринимательства // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 21–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.2

For citation: Vilenskii A.V. Spatial aspect of the coronavirus crisis development of Russian small and medium-sized businesses. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 21–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.2

ных субъектов хозяйствования; разрешить субъектам МСП уплачивать налог за фактическую прибыль, а не авансом; продлить мораторий на налоговые проверки; упростить региональную патентную систему налогообложения; отменить авансовые коммунальные платежи для субъектов МСП – юридических лиц. Отмена принятых экстренных антикризисных мер по поддержке бизнеса должна проводиться не к определенным, изначально назначенным датам, а по мере улучшения дел в экономике каждого из российских регионов.

Регион, субъекты МСП, кризис, динамика, государственная поддержка МСП, самозанятые.

Прогнозы о кризисном развитии в условиях коронавирусной пандемии нередко содержали устрашающие утверждения о пространственном развале целых отраслей, всеобщем обнищании и длительном выходе из нынешнего кризиса¹. Распространена точка зрения², что одной из «развалившихся» отраслей в большинстве российских регионов неминуемо должна стать сфера малого и среднего предпринимательства (МСП)³.

В конце прошлого века П. Самуэльсон отметил некоторые наиболее известные мейнстримовские теории экономического цикла, включающие депрессии (кризисы) [1]:

1) денежная теория, объясняющая цикл экспансией и сжатием банковского кредита (Р. Хоутри [2] и др.);

2) теория нововведений, связывающая цикл с использованием в производстве важных нововведений, таких, например, как железные дороги (Й. Шумпетер [3], А. Хансен [4, с. 3–92] и др.);

3) психологическая теория, трактующая цикл как следствие охватывающих население волн пессимистического и оптимистического настроения (В. Бэджот [5] и др.);

4) теория недопотребления, усматривающая причину цикла в слишком большой доле дохода, идущей богатым и бережливым людям, по сравнению с тем, что может быть инвестировано (Дж. Гобсон [6], В. Кэтчингс и В. Фостер [7] и др.);

5) теория чрезмерного инвестирования, сторонники которой полагают, что причиной рецессии является скорее чрезмерное, чем недостаточное инвестирование (Ф. Хайек [8], Л. Мизес [9] и др.);

6) теория солнечных пятен – погоды – урожая (В. Джевонс [10], Х. Мур [11]).

К этому перечню, на наш взгляд, обязательно следует добавить воспроизводственную теорию циклов К. Маркса [12, с. 137–149; 544–554] и кондратьевские циклы [13].

Число известных теорий экономического (включая финансовый) кризиса и циклов постоянно приумножается в попытках математического и качественного учета внутренних и внешних факторов. Теории нередко отрицают друг друга, при этом каждая из них в отдельности постоянно опровергается практикой (что характерно для нынешней экономической теории в целом). Периодичность фаз экономического развития, несомненно, присутствует, но наука пока не в состоянии разобраться с многообразием их реальных причин и, тем более, определить временные рамки грядущих циклов, кризисов.

В различных теориях изложены комплексы мер по сглаживанию циклических колебаний и обеспечению скорейшего выхода из стадии депрессии (кризиса) – от снижения налогов, всевозможных стимулирующих монетарных операций до усиления административного вмешательства государства в экономику, государственного управления

¹ См., например: Дворкович заявил, что Россия вступает в тяжелейший период кризиса // Газета.ру. 2020. 7 июля. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2020/07/07/n_14639977.shtml; Корищенко К. Новый баланс: как изменится мировая экономика после пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/finances/07/04/2020/5e8b438b9a7947038b71b8d9>

² Делягин М. Если к концу года погибнет только половина малого и среднего бизнеса – это будет большим чудом. URL: <https://zen.yandex.ru/media/delyagin/esli-k-koncu-goda-pogibnet-tolko-polovina-malogo-i-srednego-biznesa--eto-budet-bolshim-chudom-5f0ee2f497c74a436a9d0bc0>

³ Российские критерии МСП изложены в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (в его нынешней редакции с учетом изменений и дополнений).

экономикой. Так, российский исследователь А.С. Нешиной утверждает, что успехи в преодолении кризиса и в переводе российской экономики на инновационный путь развития зависят от решительных усилий государства в разработке и реализации экономической политики, включая региональную, обеспечивающей условия для модернизации производства, внедрения современных технологий, а также выработки механизма регулирования (планирования) пропорций циклического развития воспроизводственного процесса, при котором отношения собственности, промышленная, финансовая, денежно-кредитная, ценовая и торговая политики выступают составными элементами единой экономической политики [14, с. 92].

Номинально, кризис негативно влияет на развитие малого и среднего предпринимательства по всем регионам страны. Прав Н.Ф. Дитц, определяя ряд факторов, сдерживающих деятельность малых предприятий в условиях кризиса: ограниченность финансовых ресурсов; нерешенность проблем, связанных с административными барьерами; уровень профессионализма персонала; снижение потребительских расходов населения; приостановка проектов, направленных на развитие и расширение производства; сокращение инвестиционных расходов [15, с. 33–34].

При этом нельзя не согласиться с утверждением И.В. Николаева и В.А. Зайцева о том, что кризис влияет не на все малые предприятия. Ущерб от экономического кризиса для отдельных субъектов малого предпринимательства окажется не очень сильным. К ним, прежде всего, относятся предприятия, производящие недорогую продукцию массового спроса и предоставляющие относительно дешевые услуги населению; предприятия, производящие товары/услуги с неэластичным спросом; предприятия, не использующие в своей работе заемные средства; предприятия, имеющие постоянные и налаженные отношения с банками, которые могут предоставить кредиты в сложный момент; предприятия, имеющие административную поддержку и

работающие по государственному/муниципальному заказу [16, с. 246–248].

Для нового коронавирусного кризиса 2020 года должны быть характерны все черты, присущие прочим экономическим и финансовым кризисам. Уже существует большое количество его трактовок [17, с. 171–175]. Однако мы считаем, что по многим признакам он кардинально отличается от мирового финансового кризиса 2008 года, как, впрочем, и от всех других экономических и чисто финансовых кризисов. Никогда раньше человечество не могло себе позволить тратить ограниченные ресурсы, включая бюджетные, на спасение жизни людей путем значительного ограничения экономической деятельности. Нынешний чрезвычайный кризис показал качественно новый уровень развития мирового сообщества. Человечество впервые оказалось способным административно блокировать функционирование большей части экономики ради спасения человеческих жизней. Сто лет назад правительства выходящих из Первой мировой войны стран в отношении страшной пандемии «испанки» и даже правительства высокоразвитых государств немногим более 50 лет назад в отношении мировой пандемии гриппа вели себя совсем иначе.

Таким образом, и к самому кризису, и к его последствиям, включая пространственные, стоит относиться как к чрезвычайным, обусловленным целевыми административными усилиями, направленными на защиту человеческих жизней. Кризис входит в число неизбежных издержек этих, в целом, совершенно правильных административных усилий, как и обострение десятилетиями накалившихся негативных явлений и процессов, в т. ч. в сфере МСП.

Общие кризисные процессы изначально проявляются на региональном и местном уровнях. Общие особенности регионального развития дополняются особенностями течения кризиса. Можно предположить, что в региональном развитии МСП после коронавирусного административно созданного кризиса наверняка продолжатся тенденции, которые сложились до него, если не уси-

лится государственная поддержка малого и среднего предпринимательства.

Заметим, что в пространственной динамике экономики России по ряду показателей, особенно по числу занятых (наиболее надежный показатель [18]), сфера МСП в ведущих субъектах Федерации, по данным Росстата, к началу 2019 года не вышла даже на уровень 2008 года (т. е. на уровень «тучных лет»). Например, в 2018 году среди малых предприятий – юридических лиц Центрального федерального округа число занятых составило 97,3% от уровня 2008 года, Москвы – 82,4%, Северо-Западного федерального округа – 93,4%, Санкт-Петербурга – 88,0%, Южного федерального округа – 80,1%, Ставропольского края – 82,8% от уровня 2008 года⁴.

Еще более впечатляющее снижение числа занятых произошло на средних предприятиях – юридических лицах. При общем падении в России среднего числа занятых на российских средних предприятиях с 2008 по 2018 год на 32,4% региональными антилидерами по этому показателю стали Южный, Приволжский и Сибирский федеральные округа⁵.

В индивидуальном предпринимательстве общероссийское падение занятости с 2008 по 2018 год составило 25,8%, особенно значительное – в Ставропольском крае – 57,5%, Свердловской области – 49,1% и Южном федеральном округе – 41,6% от уровня 2008 года⁶.

В 2018 году по отношению к 2017 году, по данным налоговой статистики, значительно сузилась сфера малого предпринимательства – юридических лиц по числу занятых. В целом по России сужение составило 3,88%. Абсолютным лидером падения стал Сибирский федеральный округ – 7,05%. Указанная тенденция продолжилась и в 2019 году: в целом по России – около 1%. При этом наибольшее снижение показателя отмечено

в Центральном федеральном округе во главе с Москвой – лидером государственной поддержки МСП, Северо-Западном, Южном и Сибирском федеральных округах (табл. 1).

Признанной причиной сужения сферы малого бизнеса, как и всего МСП в России, в последнее десятилетие стало снижение платежеспособного спроса⁷ на продукцию некрупных субъектов хозяйствования. Особенностью сокращения спроса для продукции сферы МСП является нацеленность ее субъектов хозяйствования на конечного потребителя. Как следствие, произошедшее в последние годы по всем регионам падение реальных доходов населения сильно ударило по МСП.

Второй причиной номинального сужения сферы МСП следует считать введение в России института самозанятых. Как минимум, часть некрупных предпринимателей стала переоформляться в самозанятых. В начале 2020 года число самозанятых приблизилось к значению в полмиллиона. Самой популярной услугой, которую оказывают самозанятые россияне, стала перевозка пассажиров, далее идут сдача квартир в аренду (особенно в крупных городах), строительство, репетиторство, маркетинг и реклама. Самозанятый – льготный статус для ведения мелкой хозяйственной деятельности. Специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход» (для самозанятых граждан) с 1 июля 2020 года распространился на всю страну. Этот тариф включает в себя страховые взносы в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, но не предполагает отчислений в Пенсионный фонд. Самозанятые с доходом не более 200 тыс. руб. в месяц и без наемных работников могут установить приложение «Мой налог» и платить через него 4% с доходов при работе с физлицами или 6% – с компаниями⁸.

Существенно, что самозанятые по своему статусу не считаются предпринимате-

⁴ Рассчитано по данным Росстата. URL: www.gks.ru

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См. например: Доходы населения продолжили падение // Независимая газета. 2019. 30 дек. URL: https://www.ng.ru/economics/2019-12-30/4_7763_econ02.html

⁸ В ФНС назвали самые популярные виды деятельности самозанятых. URL: <https://ria.ru/20200309/1568336331.html>

Таблица 1. Динамика средней численности работников субъектов малого (в т. ч. микро-) предпринимательства – юридических лиц (с 2017 года по 10.06.2020), чел.

	2017 год	2018 год	2019 год На 10.01.2020	На 10.05.2020	На 10.06.2020
Россия	11770184	11313248	11197555	11192715	11184451
%	100	96,12	95,13	95,09	95,02
%			100	99,95	99,88
Центральный федеральный округ	3937461	3924231	3790848	3788373	3784993
%	100	99,66	96,28	96,21	96,12
%			100	99,92	99,83
г. Москва	1867843	1866043	1807259	1802241	1799989
%	100	99,90	96,76	96,49	96,36
%			100	99,72	99,58
Московская область	618612	629450	628250	629944	629357
%	100	101,75	101,56	101,83	101,73
%			100	100,26	100,16
Северо-Западный федеральный округ	1555287	1539619	1446952	1472309	1470724
%	100	98,99	93,03	94,66	94,56
%			100	101,75	101,64
г. Санкт-Петербург	915763	916932	891354	888405	887022
%	100	100,13	97,33	97,01	96,86
%			100	99,67	99,51
Южный федеральный округ	998044	986058	942569	944156	943566
%	100	98,80	94,44	94,60	94,54
%			100	100,002	100,001
Краснодарский край	363364	357361	346331	347025	346884
%	100	98,35	95,31	95,50	95,46
%			100	100,19	100,15
Северо-Кавказский федеральный округ	232515	230320	226225	229384	230378
%	100	99,06	97,29	98,65	99,08
%			100	101,39	101,83
Ставропольский край	137573	131745	125590	125531	125646
%	100	95,76	91,29	91,25	91,33
%			100	99,95	100,04
Приволжский федеральный округ	2250351	2221011	2127109	2124495	2122700
%	100	98,70	94,52	94,41	94,32
%			100	99,88	99,78
Республика Татарстан	331026	333596	324416	324404	324400
%	100	100,78	98,00	98,00	97,99
%			100	100	99,98
Уральский федеральный округ	989226	972367	934317	932343	931829
%	100	98,30	94,45	94,25	94,19
%			100	99,78	99,72
Свердловская область	388724	381968	371969	370859	370798
%	100	98,26	95,69	95,40	95,38
%			100	99,69	99,67
Сибирский федеральный округ	1344987	1250182	1188721	1185712	1184084
%	100	92,95	88,38	88,16	88,03
%			100	99,75	99,60
Новосибирская область	317728	318445	308505	308947	308298
%	100	100,23	97,10	97,24	97,03
%			100	100,14	99,92
Дальневосточный федеральный округ	462313	539499	513814	515943	516177
%	100	116,70	111,14	111,60	111,65
%			100	100,41	100,45
Приморский край	164520	163201	158483	159654	159585
%	100	99,20	96,33	97,04	97
%			100	100,73	100,69

Расчитано по: данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>

лями, поэтому ими могут стать чиновники, военнослужащие и т. п., например, сдающие квартиры. Статус самозанятого не делает пенсионера «работающим пенсионером», и индексация пенсии сохраняется для него в полном объеме без задержек.

Законодательно самозанятые не являются субъектами МСП, однако все активнее получают те же права и льготы, которые положены в России субъектам МСП, включая процедуру участия в получении региональных и федеральных государственных заказов. Самозанятые, нуждающиеся в работниках, могут одновременно оформить статус индивидуального предпринимателя, а если им нужно вести расчеты с обязательной уплатой НДС – одновременно создать малое предприятие – юридическое лицо. Самозанятые, как и субъекты МСП, могут воспользоваться льготными и бесплатными услугами российской системы развития и поддержки малого и среднего предпринимательства со всеми ее региональными подразделениями.

В России административные противопандемийные действия должны были привести к обострению общенациональных и региональных негативных явлений, которых накопилось очень большое количество. Но за пять месяцев 2020 года падение средней численности работников субъектов малого (в т. ч. микро-) предпринимательства – юридических лиц составило всего 0,12%. Можно говорить даже о заметном уменьшении падения в рамках обозначенного выше общего тренда сокращения количества занятых в сфере МСП с 2008 года. По большинству федеральных округов и крупных субъектов Федерации падение составило менее 1%. Более того, в Московской области, Северо-Западном и Южном федеральных округах, Краснодарском крае, Северо-Кавказском федеральном округе, Ставропольском крае, Дальневосточном федеральном округе и Приморском крае наблюдался небольшой рост средней численности работников субъектов малого (в т. ч. микро-) предпринимательства – юридических лиц. Замедление общего тренда сокращения занятых в определенной степени можно объяснить анти-

кризисными мерами федерального правительства и региональных властей по сохранению рабочих мест (финансовая поддержка предприятий, не увольняющих своих сотрудников в условиях вынужденного прекращения деятельности, временная блокировка банкротства предприятий и т. п.). Можно говорить об успешности таких мер. Однако увеличение числа занятых этому объяснению не поддается. Возможно, таким образом владельцы предприятий стали выражать надежду на то, что номинальное расширение предприятий, привлечение новых работников позволит им получить большую поддержку от государства.

Во всяком случае, краха сферы малого предпринимательства в условиях кризиса не произошло. Как и ожидалось, сильно пострадали далеко не все субъекты МСП [16, с. 246–248]. Наблюдалась приостановка деятельности в ожидании, во всяком случае большинством субъектов малого и среднего бизнеса, ее восстановления в максимально возможных объемах. Уже в ходе кризиса кардинально расширилась доставка товаров и услуг потребителям, массовое распространение получила дистанционная работа. К июлю 2020 года окончательно закрылось, по данным ТПП РФ, лишь 13% бизнеса⁹. Скорее всего, на их места придут другие субъекты МСП.

Если с 2017 по 2019 год падение средней численности работников субъектов среднего предпринимательства – юридических лиц в целом по России составило 13,88%, то за первые пять месяцев 2020 года, по данным налоговой статистики, их число в среднем предпринимательстве возросло на 1,28%. Рост наблюдался практически везде, кроме Ставропольского края (табл. 2).

Остается констатировать, что коронавирусный кризис феноменальным образом благоприятно повлиял на среднее предпринимательство по абсолютному большинству регионов и России в целом, несмотря на то что среднее предпринимательство уже более 10 лет выглядит как депрессивная сфера деятельности. Заметим, что по сравнению с

⁹ Опрос. URL: <https://goo.su/27W1>

Таблица 2. Динамика средней численности работников субъектов среднего предпринимательства – юридических лиц (с 2017 года по 10.06.2020), чел.

	2017 год	2018 год	2019 год На 10.01.2020	На 10.05.2020	На 10.06.2020
Россия	1943440	1782210	1673683	1690681	1695286
%	100	91,70	86,12	86,99	87,23
%			100	101,01	101,28
Центральный федеральный округ	646281	591593	568757	574130	575395
%	100	91,54	88,00	88,84	89,03
%			100	100,95	101,17
г. Москва	275552	243376	233205	236168	236702
%	100	88,32	84,63	85,71	85,90
%			100	101,27	101,50
Московская область	119987	113476	111986	112744	112982
%	100	94,57	93,33	93,96	94,16
%			100	100,67	100,88
Северо-Западный федеральный округ	220150	204609	184251	187653	189266
%	100	92,94	83,69	85,24	85,97
%			100	101,85	102,72
г. Санкт-Петербург	123694	114296	103823	105303	106228
%	100	92,40	83,94	85,13	85,87
%			100	101,41	102,29
Южный федеральный округ	166304	151361	142207	143994	144404
%	100	91,01	85,51	86,58	86,83
%			100	101,25	101,54
Краснодарский край	70001	59999	58226	58886	59262
%	100	85,71	83,18	84,12	84,65
%			100	101,13	101,76
Северо-Кавказский федеральный округ	53099	50495	47446	47593	48245
%	100	95,10	89,35	89,63	90,85
%			100	100,31	101,67
Ставропольский край	35985	33594	30478	30242	30335
%	100	93,36	84,70	84,04	84,29
%			100	99,22	99,51
Приволжский федеральный округ	396187	368129	348455	351363	351414
%	100	92,92	87,95	88,69	88,69
%			100	100,84	100,84
Республика Татарстан	55662	50190	48694	49325	49383
%	100	90,17	87,48	88,62	88,71
%			100	101,30	101,40
Уральский федеральный округ	171750	154648	146579	147176	147629
%	100	90,04	85,34	85,69	85,95
%			100	100,41	100,71
Свердловская область	69496	62951	57110	57370	57859
%	100	90,58	82,18	82,55	83,25
%			100	100,45	101,30
Сибирский федеральный округ	223695	191971	172373	174269	174320
%	100	85,82	77,06	77,90	77,92
%			100	101,09	101,11
Новосибирская область	51466	48646	41308	42273	42518
%	100	94,52	80,26	82,14	82,61
%			100	102,34	102,92
Дальневосточный федеральный округ	65974	69404	63615	64503	64613
%	100	105,20	96,42	97,77	97,93
%			100	101,40	101,56
Приморский край	20662	18759	16100	16295	16405
%	100	90,79	77,92	78,86	79,39
%			100	101,20	101,88

Расчитано по: данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>

2017 годом к началу 2020 года средняя численность работников субъектов среднего предпринимательства – юридических лиц по Центральному федеральному округу снизилась на 10,97%, Москве – 14,1%, Московской области – 5,84%, Северо-Западному федеральному округу – 14,03%, Санкт-Петербургу – 14,13%, Южному федеральному округу – 13,17%, Краснодарскому краю – 15,35%, Северо-Кавказскому федеральному округу – 9,15%, Ставропольскому краю – 15,71%, Приволжскому федеральному округу – 11,31%, Республике Татарстан – 11,39%, Уральскому федеральному округу – 14,05%, Свердловской области – 16,75%, Сибирскому федеральному округу – 22,08%, Новосибирской области – 17,39%, Дальневосточному федеральному округу – 2,07%, Приморскому краю – 20,61%.

Несомненно, чрезвычайная государственная поддержка МСП в ходе кризиса 2020 года хотя бы на время переломила ранее сложившуюся тенденцию свертывания российского среднего предпринимательства и оказала на него выраженное позитивное воздействие.

Несколько иная ситуация складывается по отношению к индивидуальным предпринимателям. В первые пять месяцев 2020 года по всем федеральным округам и большинству субъектов Федерации число занятых в индивидуальном предпринимательстве снизилось примерно на 2,57–0,2%. Это небольшое падение сменило незначительный рост (102,41% в целом по России) числа занятых с 2017 по начало 2020 года (табл. 3).

По Центральному федеральному округу прирост в тот период составил 6,29%, по Москве – 43,27%, Московской области – 9,73%, Северо-Западному федеральному округу – 2,86%, Санкт-Петербургу – 27,20%, Южному федеральному округу – 3,55%, Краснодарскому краю – 4,06%, Северо-Кавказскому федеральному округу – 8,19%, Ставропольскому краю – 1,83%, Приволжскому федеральному округу – 0,15%, Республике Татарстан – 4,76%, Уральскому

федеральному округу – 3,61%, Свердловской области – 8,09%, Новосибирской области – 15,79%, Дальневосточному федеральному округу – 21,16%. За 2017–2019 гг. снижение количества работников в сфере индивидуального предпринимательства наблюдалось только в Сибирском федеральном округе – 11,99%, Приморском крае – 8,51% и небольшом числе других субъектов Федерации.

Можно предположить, что предпринятые в период коронавирусной пандемии федеральными и региональными властями чрезвычайные меры поддержки субъектов МСП не учли специфику индивидуального предпринимательства. Понимая это, власти стали использовать дополнительные меры поддержки субъектов МСП, включая индивидуальных предпринимателей. Речь шла об освобождении от уплаты налогов, сборов, страховых взносов за отчетные налоговые периоды, относящиеся ко II кварталу 2020 года, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые на основании налоговой отчетности за 2018 год включены в реестр МСП, занятых в наиболее пострадавших отраслях экономики. Индивидуальные предприниматели смогли рассчитывать на отсрочку арендных платежей, получить кредиты для сохранения занятости по льготной ставке 0%. Кроме того, по поручению Президента РФ В.В. Путина им стала выплачиваться прямая безвозмездная финансовая поддержка в размере 12,1 тыс. руб. на одного сотрудника в месяц¹⁰.

Но очевидно, что коронавирусный кризис в российских регионах более всего ударил по индивидуальному предпринимательству, потому что его резервы по выживанию оказались минимальными среди прочих субъектов МСП. Кроме того, индивидуальные предприниматели стали активнее других субъектов МСП переоформляться в самозанятых. Еще раз отметим, что самозанятые в условиях кризиса в полном объеме получали те же преференции, что и субъекты МСП.

¹⁰ Адресная поддержка для ИП во время пандемии получилась эффективной – эксперты. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/pravka-adresnaya-podderzhka-dlya-ip-vo-vremya-pandemii-poluchilas-effektivnoy-eksperty-1029284326?fbclid=iwar0lnso2gactjofsyhybgtwvrgnahls9vldvtlwxnqizvdp07nzs61a>

Таблица 3. Динамика числа занятых в сфере индивидуального предпринимательства (с 2017 года по 10.06.2020), чел.

	2017 год	2018 год	2019 год На 10.01.2020	На 10.05.2020	На 10.06.2020
Россия	2392957	2428092	2450550	2420970	2412 497
%	100	101,47	102,41	101,17	100,81
%			100	98,78	98,43
Центральный федеральный округ	543724	559506	577899	572573	570 794
%	100	102,90	106,29	105,31	104,97
%			100	99,07	98,75
г. Москва	69976	82430	100254	100355	100017
%	100	117,80	143,27	143,41	142,93
%			100	100,09	99,76
Московская область	92351	94860	101333	100108	99793
%	100	102,72	109,73	108,40	108,05
%			100	98,78	98,46
Северо-Западный федеральный округ	207237	210484	213167	211506	210789
%	100	101,57	102,86	102,06	101,71
%			100	99,22	98,88
г. Санкт-Петербург	49661	55129	63171	63436	63084
%	100	111,01	127,20	127,74	127,02
%			100	100,42	99,85
Южный федеральный округ	362503	368557	375361	370655	369415
%	100	101,67	103,55	102,25	101,90
%			100	98,74	98,40
Краснодарский край	129464	132201	134716	133452	133080
%	100	102,11	104,06	103,08	102,79
%			100	99,05	98,77
Северо-Кавказский федеральный округ	72753	74152	78709	78118	78000
%	100	101,92	108,19	107,37	107,21
%			100	99,24	99,09
Ставропольский край	57375	57279	58424	57718	57580
%	100	99,83	101,83	100,60	100,35
%			100	98,79	98,54
Приволжский федеральный округ	528141	532320	528917	519251	517087
%	100	100,79	100,15	98,32	97,90
%			100	98,17	97,75
Республика Татарстан	61904	63680	64852	63378	63186
%	100	102,87	104,76	102,38	102,07
%			100	97,72	97,43
Уральский федеральный округ	219793	223815	227721	225030	224221
%	100	101,83	103,61	102,38	102,01
%			100	98,81	98,45
Свердловская область	86251	89326	93230	91957	91648
%	100	103,57	108,09	106,62	106,25
%			100	98,64	98,29
Сибирский федеральный округ	323096	285599	284356	280775	279740
%	100	88,39	88,01	86,90	86,58
%			100	98,73	98,37
Новосибирская область	36252	38727	41978	41681	41509
%	100	106,83	115,79	114,98	114,50
%			100	99,30	98,88
Дальневосточный федеральный округ	135710	173659	164420	163062	162451
%	100	127,96	121,16	120,15	119,70
%			100	99,16	98,79
Приморский край	47528	45744	43482	42767	42849
%	100	96,25	91,49	89,98	90,15
%			100	98,34	98,53

Рассчитано по: данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>

В целом же субъекты МСП и самозанятые в условиях коронавирусного кризиса показали потенциальную способность с учетом возросшей государственной поддержки чувствовать себя даже лучше, чем обычно. Заметим, что поддержка МСП является обязательным составным элементом большинства общегосударственных и региональных антикризисных программ последних десятилетий по всему миру. Подтверждается ранее упомянутый тезис А.С. Нешистого о роли государства в обеспечении скорейшего выхода из кризиса [14]. То, что малое и среднее предпринимательство способно противостоять негативным процессам в экономике и социальной сфере, стало аксиомой, подтверждаемой предыдущими кризисами 1998 и 2008 гг. [19; 20].

Развитие российского МСП в условиях коронавирусного кризиса, как и до него, опиралось на сложившуюся систему государственной, муниципальной и общественной поддержки. Она создавалась поэтапно, во всех регионах, причем преимущественно методами копирования лучших образцов, практик аналогичных систем высокоразвитых стран. По своему наполнению российская система поддержки МСП не уступает аналогичным зарубежным системам.

В качестве основного координатора оказания поддержки МСП по всем российским регионам в 2015 году была создана крупная Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства. Она наделена многочисленными полномочиями, включая реализацию стратегий и программ поддержки МСП, содействие региональным подсистемам развития МСП. Корпорации принадлежит Российский банк поддержки малого и среднего предпринимательства с его обширной региональной деятельностью.

В период завершения активного этапа пандемии коронавируса на основе полученных от крупных и региональных предпринимательских структур предложений Координационный совет союзов предпринимателей России (представляющий Торгово-

промышленную палату РФ, «Опору России», «Деловую Россию» и Российский союз промышленников и предпринимателей) направил в Правительство РФ, в оргструктуры российской системы поддержки МСП целый комплекс антикризисных предложений. Его можно в полной мере одобрить.

Были предложены, в том числе, стимулирование спроса через ускоренное размещение государственного заказа, инвестиционные программы государственных компаний, снижение фискальной нагрузки, обеспечение доступа к внешнему финансированию (включая смягчение нормативов по резервированию для банков, право не учитывать результаты переоценки залогов при падении их стоимости и т. д.); докапитализация наиболее эффективных институтов развития; для сокращения операционных издержек – рассмотрение возможности освободить компании от уплаты налоговых платежей, а также субсидирование платежей за аренду, лизинг, кредиты; ускорение распространения режима самозанятых на все регионы РФ при установлении единого размера налога – 1% для максимального вовлечения граждан в поиск дополнительных источников дохода и легализации своей деятельности¹¹.

В более детальных предложениях Координационного совета особый упор был сделан на таких финансовых мерах, как отмена существующего ограничения по переносу убытков на будущие периоды (не более 50% от суммы убытков); введение моратория на уплату обязательных фиксированных платежей по специальным налоговым режимам (патентная система налогообложения и единый налог на вмененный доход) в случае отсутствия выручки за соответствующий отчетный период; запрет на введение любых новых требований, накладывающих дополнительную финансовую нагрузку на бизнес¹².

К этому, по нашему мнению, следует добавить:

– законодательное и нормативное закрепление возможности фиксировать затра-

¹¹ Торгово-промышленная палата РФ. URL: www.tpprf.ru

¹² Там же.

ченными субъектами МСП денежные суммы на приобретение оборудования и средств по защите от коронавирусной инфекции, требуемых Роспотребнадзором, как издержки (с учетом региональной специфики);

- усиление в регионах поддержки отечественных производителей через ограничение государственных и муниципальных закупок иностранных товаров; начать следует с формирования региональных перечней продукции отечественных производителей с оценкой качества такой продукции по сравнению с качеством зарубежных аналогов (если таковые имеются);

- стимулирование развития цифровых (включая внедрение программных платформ, в которых использованы сквозные цифровые технологии) и удаленных форм и методов ведения не крупной предпринимательской деятельности в российских регионах;

- необходимость кардинальной перестройки всей системы льготного кредитования МСП; сейчас основную выгоду от этой системы получают привлеченные банки;

- развитие на региональном уровне системы дешевых (2–3%) микрокредитов;

- разрешение уплачивать в регионах налог за фактическую прибыль, а не авансом;

- продление моратория на налоговые проверки на год;

- упрощение региональной патентной системы налогообложения; сам патент следует сделать равным единому налогу на вмененный доход;

- отмена в регионах авансовых коммунальных платежей для субъектов МСП – юридических лиц.

Реализация всех этих предложений пойдет на пользу российскому малому и среднему предпринимательству, а также самозанятым. При этом отмена принятых экстренных антикризисных мер по поддержке бизнеса должна проводиться не к определенным, изначально назначенным датам, а по мере улучшения дел в экономике российских регионов.

К сказанному следует добавить, что общая картина в российской сфере МСП, воз-

можно, выглядела бы совсем иначе, если бы можно было разобраться с происходящим в «теневой экономике». В РФ примерно 15 млн экономически активного населения не платит налогов. Значительная его часть работает в «теневой экономике»¹⁵. Необходимо создавать условия для того, чтобы наибольшая часть таких субъектов хозяйствования в максимальной мере выходила в легальную экономику, при этом административные меры не должны становиться основными.

Проведенный анализ наглядно показал способность субъектов МСП в любом из регионов оперативно приспосабливаться к самым жестким кризисным условиям, искать и находить выходы из сложных, казалось бы, тупиковых положений. Коронавирусный административно устроенный экономический кризис не стал исключением. Подтвердились теоретические положения об особых способностях МСП, для полновесной реализации которых общество в лице государства оказывает ему поддержку для преодоления последствий кризиса, обеспечения стабильного социально-экономического развития в масштабах как регионов, так и страны в целом. Показано, что повышенные объемы государственной поддержки, идущей через регионы, как и утверждает в теориях предпринимательства и регионалистики, привели к небольшому улучшению с занятостью в сфере МСП и в близкой к ней сфере самозанятости. Во всяком случае, панические утверждения о неизбежном развале сферы МСП не оправдались и, по нашему мнению, не подтвердятся. Исследование вносит вклад в прикладную науку государственного экономического регулирования и управления в форме вышеизложенных дополнительных предложений по поддержке МСП в условиях пандемии коронавируса. Кроме того, результаты анализа длительной динамики занятости в российской сфере МСП сами по себе имеют важную прикладную значимость для принятия решений о дальнейших шагах государственной политики, связанной с поддержкой малого и среднего предпринимательства.

¹⁵ Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/07/21/9703877.shtml?updated>

ЛИТЕРАТУРА

1. Самуэльсон П. Экономикс. М., 1993. Т. 1. URL: <http://be5.biz/ekonomika/e019/14.html>
2. Hawtrey R.G. *Trade Depression and the Way Out*. London: Longmans, Green, 1931. 83 p.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
4. Hansen A.H. *Business Cycles and National Income*. New York: Norton. 746 p.
5. Bagehot W. *On the Emotion of Conviction*. Contemporary Review, 1871.
6. Hobson J.A. The evolution of modern capitalism: a study of machine production. *The Economic Journal*, 1894, vol. 4, iss. 16, pp. 673–676.
7. Catchings W., Foster W.T. *Progress and Plenty: Two-minute Talks on the Economics of Prosperity*. Houghton Mifflin, 1930. 213 p.
8. Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М: ИРИСЭН, Мысль; Челябинск: Социум, 2009. 337 с.
9. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. 878 с.
10. Jevons W.S. *The Theory of Political Economy*. London: Macmillan, 1888. Available at: <https://oll.libertyfund.org/titles/625>
11. Moore H.L. *Economic Cycles: Their Law and Cause*. New York: The Macmillan Company. 191 p.
12. Маркс К. Капитал. Т. 3. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/index.html>
13. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 768 с.
14. Нешиной А.С. Современный экономический кризис с позиции теории воспроизводства // Журн. экон. теории. 2016. № 3. С. 82–92.
15. Дитц Н.Ф. Развитие малого бизнеса в регионе в условиях кризиса // Глобальный научный потенциал: менеджмент и маркетинг. 2016. № 4 (61). С. 32–35.
16. Николаев И.В., Зайцев В.А. Оценка факторов, оказывающих влияние на субъекты малого предпринимательства в условиях кризиса // Проблемы экономики, финансов и управления производством: сб. науч. тр. вузов России. Иваново, 2009. Вып. 26. С. 245–248.
17. Паздникова Н.П., Глазкова Н.Г., Буреш Д.С. COVID-19: влияние нового типа коронавирусной инфекции на национальную экономику // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 2-1. С. 169–177.
18. Виленский А.В. Номинальное и реальное региональное развитие российского малого предпринимательства // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. 2019. № 4. С. 26–35.
19. Бухвальд Е., Виленский А. Финансовый кризис и развитие малых предприятий Москвы // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2009. № 1 (13). С. 14–23.
20. Gartner W.B., Shaver K.G., Carter N.M., Reynolds P.D. *Handbook of Entrepreneurial Dynamics: The Process of Business Creation*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004. 608 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Викторович Виленский – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: avilenski@mail.ru

Vilenskii A.V.

SPATIAL ASPECT OF THE CORONAVIRUS CRISIS DEVELOPMENT OF RUSSIAN SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

The purpose of the article is to analyze spatial development trends of Russian small and medium-sized businesses in the active stage of the coronavirus crisis. Its relevance is due to the fact that the coronavirus crisis has no direct analogues in history. Russian small and medium-sized enterprises have shown phenomenal businesses continuity. The long-term trend of narrowing the SME sector in the Russian Federation was interrupted. The average number of employees of small entrepreneurship entities – legal entities has increased in the Moscow Oblast, the North-Western Federal district, Southern Federal district, Krasnodar Krai, North Caucasus Federal district, Stavropol Krai, the Far Eastern Federal district and Primorsky Krai. An increase in the average number of employees of medium-sized businesses – legal entities was observed in all federal districts and in most constituent entities of the Federation. However, the crisis associated with the spread of coronavirus infection in most Russian regions hit individual entrepreneurship, whose reserves were minimal among other SMEs. In addition, individual entrepreneurs have become to re-register as self-employed more actively than other SMEs. The novelty of the work is in improving the complex of anti-crisis proposals. In the near future, it is necessary, in particular, to strengthen support for domestic producers in the regions by restricting state and municipal purchases of foreign goods; to restructure the entire system of preferential lending to SMEs radically; to develop a system of cheap (2–3%) micro-loans for small business entities at the regional level; to allow SMEs to pay tax for actual profits, rather than in advance; to extend the moratorium on tax audits; to simplify the regional patent tax system; to cancel advance utility payments for SMEs – legal entities. The cancellation of emergency anti-crisis measures to support businesses should be carried out not by certain dates initially set, but as the economy of each of the Russian regions improves.

Region, SMEs, crisis, dynamics, state support for SMEs, self-employed.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Vilenskii – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Sector, Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences”. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: avilenski@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.3

УДК 334.012.64 | ББК 65.290.31

© Мазилев Е.А., Ефремов И.А.

К ВОПРОСУ УЛУЧШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО КЛИМАТА¹

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЗИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: eamazilov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5792-3883; ResearcherID: J-1686-2016

ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕФРЕМОВ

ПАО «Северсталь»
Российская Федерация, 162610, г. Череповец, ул. Мира, д. 30

E-mail: ilyef@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5088-4682

Малое предпринимательство играет важнейшую роль в экономической жизни российского общества. В настоящее время в России наблюдается устойчивый рост малого предпринимательства, о чем свидетельствуют статистические данные, при этом постоянно колеблющаяся динамика прироста оборота субъектов малого бизнеса говорит о значительной неустойчивости в указанном секторе экономики, связанной, в первую очередь, с внешними негативными факторами. Роль государства заключается в том, чтобы не просто нивелировать действие негативных факторов, но и создать факторы, благотворно влияющие на малое предпринимательство. Соответственно, актуальной является цель разработать направления улучшения административного климата территорий как одного из базовых факторов развития малого предпринимательства. В статье рассмотрены и систематизированы теоретические аспекты административного и предпринимательского климата, в научный оборот введена категория

Для цитирования: Мазилев Е.А., Ефремов И.А. К вопросу улучшения административного предпринимательского климата // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 34–48. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.3

For citation: Mazilov E.A., Efremov I.A. Revisiting the issue of administrative business climate improving. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 34–48. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.3

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0006 «Управление процессами структурной трансформации экономики регионов на основе развития малого и среднего предпринимательства».

«административный предпринимательский климат». Проведен анализ текущего уровня административного предпринимательского климата и его влияния на малое предпринимательство, а именно исследованы экспертные оценки, в том числе рейтинговых агентств, а также статистические данные. Приведены результаты социологического исследования – опроса руководителей малых предприятий Вологодской области на предмет состояния административного предпринимательского климата в регионе. Проанализированы основные итоги реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», базовым элементом которого является административный предпринимательский климат. Даны предложения по совершенствованию нацпроекта. В ходе исследования сформулированы рекомендации по улучшению административного предпринимательского климата, направленные на, во-первых, регулирование бюрократической системы, во-вторых, создание экономических условий. Практическая значимость работы связана с возможностью реализации предложенных мер в рамках существующих и применяемых сегодня инструментов.

Малое предпринимательство, административный климат, меры поддержки, регион, приоритеты, предпринимательский климат, национальные проекты.

Введение

Субъекты малого предпринимательства (МП) играют важнейшую роль в экономической жизни развитых стран [1; 2]. Россия в данном случае не исключение [3]. Это проявляется в количественном и качественном аспектах. Во-первых, малые предприятия производят около 20,2%² валового внутреннего продукта России. Во-вторых, спектр предложения товаров и услуг малых предприятий удовлетворяет большинство потребностей домохозяйств, малый бизнес наиболее быстро адаптируется к изменениям этих потребностей [4]. И роль государства здесь состоит в том, чтобы создать благоприятные условия для развития бизнеса и стимулировать сферы инновационного роста, чтобы максимально использовать их для главной цели – повышения уровня и качества жизни населения региона [5; 6].

Анализ оборота компаний малого предпринимательства (включая микропредприятия) в сопоставимых ценах в России в последние 8 лет показывал уверенный рост, несмотря на отрицательные темпы прироста в 2012–2014 и 2018–2019 гг. (рис.). В 2019 году оборот МП составил почти 53 трлн руб., что ниже уровня 2018 года, однако в два раза превосходит значения 2011 года. В то же время постоянно колеблю-

щаяся динамика прироста оборота субъектов МП говорит о значительной нестабильности в указанном секторе экономики, связанной, в первую очередь, с внешними негативными факторами, выражающимися, в том числе, и в состоянии административного климата в стране.

Как показывают исследования [4], малый бизнес выступает самым чувствительным к изменениям внешней среды сектором экономики, наиболее остро и быстро на них реагирующим. В связи с этим выявление внешних факторов, определяющих административный климат территорий, становится важной научной задачей, а формирование комфортных для бизнеса внешних условий – наиболее актуальной практической задачей для органов власти и управления. Это нашло отражение и в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», где в качестве первого выделен проект «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности». Данный тезис и определяет цель статьи, которая заключается в разработке направлений улучшения административного климата территорий как одного из базовых факторов развития малого предпринимательства. Для ее достижения был решен ряд задач:

² Росстат зафиксировал снижение доли малого бизнеса в экономике. URL: <https://opora.ru/news/rosstat-zafiksiro-val-snizhenie-doli-malogo-biznesa-v-ekonomike.html>

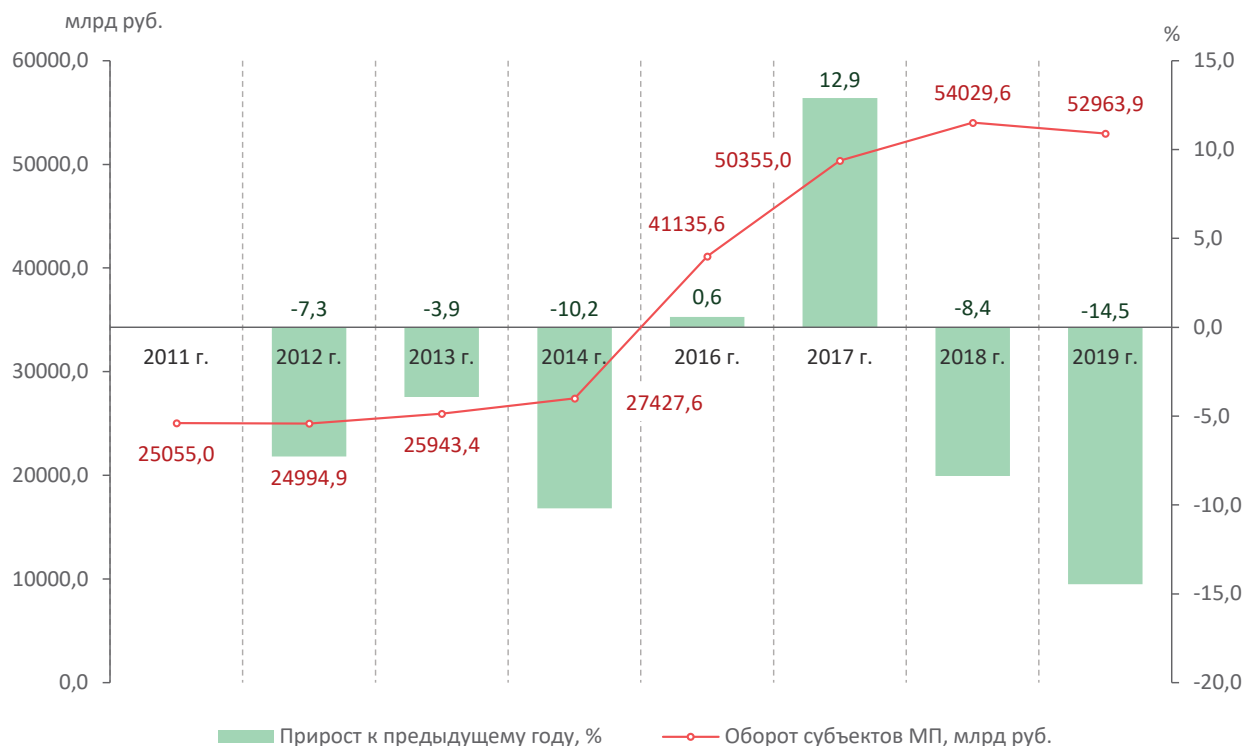

Рис. Динамика изменения оборота субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации в 2011–2019 гг., в ценах 2019 года

Источник: данные Росстата. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/tab-mal_pr_m.htm

изучены сущность и экономическое содержание административного предпринимательского климата; проанализированы состояние и тенденции малого предпринимательства в условиях сложившегося административного предпринимательского климата в стране и регионе; рассмотрены основные результаты реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2019 году в части административного климата как важнейшего фактора развития малого предпринимательства.

Теоретические аспекты исследования

Исследованию теоретических аспектов формирования и развития как административного климата, так и малого предпринимательства уделяется большое внимание в отечественной и зарубежной литературе. Это привело к тому, что в информационном

пространстве присутствует широкий перечень смежных, во многом синонимичных категорий [7–12]. В связи с этим для конкретизации результатов полученных исследований необходимо внести ясность и определиться с понятийной базой. В научной литературе до сих пор не использовался термин «административный предпринимательский климат», поэтому следует выделить его сущностные характеристики. Он имеет три группы свойств: связанные с явлением «климат», а также характеризующие его административную и предпринимательскую составляющую.

Понятие «климат» входит в сферу естественно-географических наук и представляет собой совокупность атмосферных условий за многолетний период, свойственных тому или иному месту³. Однако сегодня оно используется не только в географических, но и, например, в социологических исследованиях [13; 14]. Максимально обобщенно климат можно определить как характеристику си-

³ Климатология и метеорология: учебн. пособие / сост. В.А. Михеев. Ульяновск: УлГТУ, 2009. 114 с.

стемы, сложившейся под длительным влиянием некоего объективного по отношению к ней фактора (факторов). Явление климата имеет три сущностные черты. Во-первых, это характеристика какой-либо системы, отграничивающая ее от других систем, то есть определенный набор и уровень ее показателей. Во-вторых, на изменения данной характеристики оказывает влияние объективный по отношению к системе фактор (или несколько факторов). В-третьих, влияние этого фактора на систему должно протекать на протяжении длительного периода времени относительно времени существования самой системы. При этом величина данного отношения определяется для каждой системы отдельно.

По поводу сущности и содержания административного климата ученые и эксперты также расходятся во мнениях. Он дефинируется как «влияние административной среды на развитие бизнеса»⁴, «формирующееся пространство отношений «руководитель – подчиненный» [15]. Термин «административный» происходит от латинского слова «administrare» – «управлять». То есть понятие «административный» означает «относящийся к управлению, каким-то образом связанный с этим процессом».

Административными могут быть названы только такие отношения, в которых участвуют не равные друг другу субъекты, т. е. основанные на власти и подчинении. При изучении общества как системы в качестве одного из таких субъектов необходимо рассматривать функционирующую в нем государственность. При этом возникает вопрос, какой круг отношений следует понимать под относящимися к управлению в данном случае. В настоящее время под административной сферой жизни общества принято понимать ту, которая относится к исполнительной ветви государственной власти.

Однако в контексте нашего исследования термин «административный» нуждается в расширении. Во-первых, управле-

ние осуществляется не только исполнительной ветвью государственной власти, но и законодательной, судебной и иными (например, органы прокуратуры не относятся к исполнительной ветви власти, однако занимаются административной деятельностью). Во-вторых, административную деятельность осуществляют не только органы государственной власти, но и органы местного самоуправления. То есть администрирование присуще всей системе публичной власти [16].

В числе факторов, проистекающих от публичной власти, следует выделить законодательство (как совокупность общеобязательных норм, регулирующих поведение субъектов; к нему относятся правила, по которым как ведется внешняя деятельность, так и выстраиваются внутренние процессы); финансовую политику (определяет ставки банковских процентов, уровень инфляции и пр.); систему стандартов производственной и управленческой деятельности.

При этом собственно административный климат представляет собой совокупность факторов, оказывающих влияние на все субъекты, подчиненных власти государства и местного самоуправления, то есть ведущих свою деятельность на подконтрольной им территории и по устанавливаемым ими правилам. Однако в контексте нашего исследования необходимо рассмотреть лишь часть административного климата, складывающуюся в предпринимательской среде.

В свою очередь предпринимательский климат определяется как «совокупность факторов, формирующих возможности и стимулы предприятий к производительному инвестированию, созданию новых рабочих мест и расширению масштабов деятельности» [17; 18], т. е. совокупность факторов, влияющих на всю деятельность субъектов предпринимательства.

Таким образом, в рамках проводимого исследования под административным

⁴ Приложение к докладу Президенту Российской Федерации «Административный климат в Российской Федерации: мнение собственников и руководителей высшего звена средних и малых компаний об административной среде в Российской Федерации». URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/pdf/7.pdf>

предпринимательским климатом следует понимать совокупность внешних объективных факторов (условий), оказывающих влияние на предпринимательскую подсистему экономической системы общества, регулируемых органами государственной власти и местного самоуправления. Нас интересуют лишь метрологически состоятельные факторы, т. е. те, которые могут быть оценены количественно либо непосредственно в их единицах измерения, либо по трудовым, временным и материальным затратам. Вся совокупность таких факторов может быть объединена в два крупных блока. Первый блок – нормативное регулирование, бюрократические проволочки.

1. Система требований к субъектам предпринимательства по ведению бухгалтерского учета, документооборота и предоставлению отчетности в органы публичной власти, что обуславливает затраты человеческих, временных, материальных ресурсов, направляемых на обеспечение соответствия деятельности предприятия указанным требованиям.

2. Система стандартов ведения производственной деятельности, наличие которых объективно необходимо для обеспечения экономического оборота, безопасности потребителей и общества в целом, однако объем и конкретика таких стандартов могут быть чрезмерными или недостаточными и отличаться в зависимости от отрасли, в которой работает субъект предпринимательства.

3. Процедуры взаимодействия предпринимателя с органами государственной и местной власти:

а) в интересах предпринимателя, т. е. процедуры получения им государственных и муниципальных услуг по регистрации, лицензированию и пр.;

б) в публичных интересах, т. е. контрольно-надзорная деятельность публичного субъекта в отношении предпринимателя, выражающаяся в количестве проверок и размере санкций за нарушение требований.

Второй блок – экономическое регулирование.

1. Система налогообложения, а также прямого стимулирования предпринимательства, элементами которой являются отдельные налоговые режимы, уровень ставок налогообложения, программы субсидирования предпринимательской деятельности.

2. Размер базы преysкуранта, в которую в современных условиях входят тарифы на электроэнергию и топливо, транспортные тарифы, платежи за пользование недвижимым имуществом (налоговые, арендные), минимальный размер оплаты труда.

3. Размер процента по банковскому кредиту – входит в базу преysкуранта, однако его следует рассматривать отдельно вследствие существенного влияния на предпринимателей.

Состояние административного предпринимательского климата является, с одной стороны, фактором, определяющим развитие экономической системы, а с другой – источником управленчески значимой информации о положении дел в ней. В связи с этим вопрос его оценки также является важной научно-практической задачей.

Анализ текущего уровня административного предпринимательского климата

Поскольку на данный момент статистическая информация по проблеме исследования в официальных источниках практически не представлена (либо присутствует в усеченной форме), оценку административного предпринимательского климата целесообразно проводить на основе анализа экспертных оценок, в том числе оценок рейтинговых агентств. Так, важнейшим интегральным показателем, рассчитываемым Всемирным банком для рейтинга Doing Business, является показатель благоприятности ведения бизнеса, который «помогает оценить абсолютный уровень эффективности страны в регулировании условий ведения бизнеса за определенный период времени. Этот показатель отражает разницу между показателем каждой страны и передовой практикой по каждому из индикаторов среди всех стран»⁵. Фактически индикаторы, исполь-

⁵ Doingbusiness. Оценка. Бизнес. Регулирования. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/doing-business-score>

зубые при оценке благоприятности ведения бизнеса, в данном случае аналогичны индикаторам административного предпринимательского климата. На 2020 год показатель благоприятности ведения бизнеса в России равен 78,2. Это означает, что состояние административного предпринимательского климата в РФ на 21,8% ниже лидера рейтинга – Новой Зеландии, чей опыт формирования административного предпринимательского климата составителями рейтинга признается лучшим.

В рейтинге Россия находится на 29 месте, ее соседями по этому показателю являются Австрия (78,7) и Япония (78). Выше России расположились некоторые страны постсоветского пространства: Казахстан (79,6), Латвия (80,3), Эстония (80,6), Литва (81,6), Грузия (83,7). Страны – лидеры по показателю благоприятности ведения бизнеса – Новая Зеландия (86,8), Сингапур (86,2), Дания, Гонконг (рассматривается отдельно от КНР) (обе страны – 85,3)⁶.

В качестве социологического источника информации о состоянии предпринимательства в стране может использоваться Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor)⁷, согласно которому в 2019/2020 гг. количество людей, вовлеченных в создание и управление новыми компаниями в России, составило 9,3% от числа общего трудоспособного населения. Этот показатель стал рекордным за все время проведения исследования в России (с 2006 года). В других экономиках он колеблется от 4–5% в Италии, Польше, Пакистане и Японии до 35% в Чили и Эквадоре, в Бразилии составляет 23%, в Индии – 15%, в Китае – 8,7%⁸.

Несмотря на то что даже в ведущих экономиках мира даются сдержанные оценки административного предпринимательского климата, Российская Федерация достаточно далека от стран-лидеров. Наиболее проблемными вопросами остаются недостаток дешевых финансовых ресурсов для предпринимателей, а также малая доля охвата предпринимателей государственной стимулирующей политикой и недостаточность ее средств для обеспечения высоких темпов развития.

Стоит отметить, что уровень развития административного предпринимательского климата может значительно колебаться от региона к региону. Агентство стратегических инициатив составляет ежегодный Национальный рейтинг состояния инвестиционной привлекательности в субъектах Российской Федерации. Он формируется путем опросов экспертов и предпринимателей. Лидерами рейтинга традиционно являются город Москва, Республика Татарстан, Тюменская, Калужская области, город Санкт-Петербург⁹.

Рейтинговое агентство «Эксперт» ежегодно составляет свой рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России с целью выявления и презентации наиболее эффективных управленческих решений по привлечению инвестиций для прорывного развития экономики в регионах¹⁰. По инвестиционному климату регионы подразделяются на 13 групп: от 1А – максимальный потенциал и минимальный риск до 3D – низкий потенциал и экстремальный риск¹¹.

В 2019 году в группу 1А входили Московская область (риск – 0,125; потенциал – 6,228), города Москва (0,154; 14,553)

⁶ Doingbusiness. Оценка. Бизнес. Регулирования. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/doing-business-score>

⁷ Официальный сайт Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM). URL: https://gsom.spbu.ru/gsom/research_statistics/gem

⁸ Там же.

⁹ Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации. URL: <https://asi.ru/investclimate/rating>

¹⁰ Официальный сайт ООО «РАЭК-Аналитика». Международный проект «Лучшие практики привлечения инвестиций в регионы». URL: <https://raex-a.ru/project/regcongress/2019/conference>

¹¹ Официальный сайт ООО «РАЭК-Аналитика». Распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата в 2019 году. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019/att1>

и Санкт-Петербург (0,139; 4,819), Краснодарский край (0,165; 2,895). Вологодская область вошла в группу 3В1 (пониженный потенциал и умеренный риск) с показателями риска – 0,668 и потенциала – 0,227¹². В целом в зону А (с минимальным риском) попадают 16 регионов, большинство входят в группы зоны В (с умеренным риском) и 15 – в зону С (с высоким риском). При этом большинство (43 региона) зоны В входят в группы с пониженным и незначительным потенциалом, а регионы зоны С относятся исключительно к группам с пониженным, незначительным и низким потенциалом.

Анализ указанных выше рейтингов инвестиционной привлекательности регионов России в полной мере соотносится с целями нашего исследования, поскольку, во-первых, термин «инвестиционный климат» понимается в них несколько расширенно и приближается по своей сути к термину «административный предпринимательский климат», а, во-вторых, в тех случаях, когда речь идет исключительно об инвестициях, факторы, влияющие на их привлечение, в равной степени влияют на развитие предпринимательства в целом.

Таким образом, основные индикаторы административного климата в стране демонстрируют его определенное улучшение. Однако по-прежнему наблюдаются значительные диспропорции в его состоянии и тенденциях между субъектами РФ.

В рамках работы проведен анализ экспертных оценок состояния административного предпринимательского климата в стране и регионах, поскольку их методология включает исследование выделенных нами факторов (представлены выше). Однако мы осознаем необходимость дальнейшего изучения данной проблематики и оценки отдельных факторов административного предпринимательского климата,

для чего требуется привлечение дополнительных ресурсов.

Административный предпринимательский климат в оценках руководителей (МП)

В конце 2018 года сотрудниками ФГБУН ВолНИЦ РАН проводился опрос руководителей малых предприятий Вологодской области, целью которого являлась оценка административного предпринимательского климата. В нем приняли участие 100 предпринимателей, 55% из них – представители малого бизнеса, 45% – индивидуальные предприниматели.

По мнению половины предпринимателей (52%), за 2018 год административная нагрузка на бизнес не изменилась. Подобные оценки в некоторой степени могут быть вызваны общим критическим настроением предпринимателей по отношению к публичной власти. Однако большая доля отрицательных оценок при постоянно декларируемом органами власти улучшении административного предпринимательского климата свидетельствует не только о недостаточности принимаемых мер, но и, возможно, о неверных способах решения проблем предпринимателей, выбранных государством.

При этом респонденты оценивали уровень общей административной нагрузки¹³ достаточно высоко: 31% считает, что объем нагрузки составляет более 20% от выручки, 30% – от 10 до 20%, при этом только 39% полагают, что уровень нагрузки менее 10%. Учитывая, что часть составляющих административной нагрузки носит исключительно процедурный характер, это свидетельствует о несовершенстве регулирования отношений предпринимателя с публичной властью.

Также оценке подвергся объем административной нагрузки, связанной с предъявляемыми к предпринимателям избыточ-

¹² Официальный сайт ООО «РАЭК-Аналитика». Инвестиционный рейтинг российских регионов в 2019 году. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019/att4>

¹³ В рамках опроса под административной нагрузкой на бизнес подразумевались совокупные расходы на следующие статьи от объемов выручки: налоги и иные обязательные платежи государству; затраты на подключение к коммунальным, а также ограниченным ресурсам; на содержание избыточного непроизводительного оборудования, помещений и персонала; на составление налоговой, кадровой и технической отчетности; на получение разрешений/согласований; на проведение проверок.

ными требованиями (такими как затраты на содержание избыточного непроизводительного оборудования, помещений, персонала). Пятая часть опрошенных считает, что уровень такой нагрузки превышает 20% от выручки, 19% ответили, что он, напротив, не превосходит 1%. Такая поляризация полученных результатов может быть обусловлена спецификой деятельности отдельных предпринимателей, относящихся к различным сферам экономической деятельности.

Контрольно-надзорная деятельность, как один из факторов административного предпринимательского климата, получила у предпринимателей неоднозначную оценку (табл.).

Среди наиболее актуальных проблем, связанных с подготовкой отчетности, 33% опрошенных выделили постоянные изменения в правилах и формах отчетности, избыточность информации, содержащейся в ней (30%), а также недостаточную автоматизацию процесса (29%). При этом каждый четвертый респондент затруднился оценить данные проблемы. Оценки проверок также разнятся. Можно предположить, что такие ответы обусловлены характером деятельности предпринимателей: кто-то несет повышенную социальную ответственность (здравоохранение, строительство), некоторые могли вообще не сталкиваться с проверками (например, получив так называемые

«каникулы» в первые три года деятельности). Однако в любом случае негативная оценка проверок, вне зависимости от степени их важности, свидетельствует об излишней бюрократизации контрольно-надзорной деятельности.

Порядка 35% опрошенных отмечают, что временные затраты, связанные с процедурами оформления документов (сертификация, регистрация и пр.) для вывода продукции на рынок, составляют от 1 до 6 месяцев, а у 21% эти процедуры занимают менее 1 месяца.

В материальном выражении объем данных затрат 23% опрошенных определяют в размере от 11 до 50 тыс. руб., 18% предпринимателей оценили, что расходуют от 51 до 100 тыс. руб., а 9% считают, что такие расходы не превышают 10 тыс. руб. Для 16% они более 100 тыс. руб. Остальные респонденты либо не сталкивались с подобными проблемами, либо затруднились ответить.

Отдельное внимание в опросе было уделено проблеме бюрократизации и качества оказания государственных и муниципальных услуг для бизнеса. На вопрос «Как Вы оцениваете качество государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронной форме, для предпринимателей?» 66% респондентов ответили, что их оценки являются скорее положительными, 15% склоняются к отрицательной оценке качества услуг.

Таблица. Распределение ответов предпринимателей на вопрос «Назовите, пожалуйста, три наиболее актуальные проблемы, связанные с подготовкой отчетности в Вашей компании», % от числа ответивших

Вариант ответа	Доля ответивших
Постоянные изменения в правилах и формах отчетности	33
Избыточность информации, содержащейся в отчетности	30
Недостаточная автоматизация процесса	29
Неясность требований	21
Дороговизна отчетного программного обеспечения, реализуемого сторонними разработчиками	21
Невозможность получить компетентную консультацию от уполномоченного органа власти	21
Дороговизна электронного документооборота	17
Ошибки и недоработки в программном обеспечении, созданном контрольным органом	16
Затрудняюсь ответить	24
Составлено по результатам опроса. На указанный вопрос можно было дать несколько вариантов ответа.	

Не самые оптимистичные оценки состояния предпринимательского климата в определенной степени коррелируют и с мнением относительно состояния сектора МП в регионе. Так, среди опрошенных 42% отметили, что ситуация с развитием предпринимательства в регионе незначительно ухудшилась, 31% полагают, что ситуация ухудшилась значительно, и только 7% указали на ее улучшение. При этом 59% респондентов сомневаются в эффективности мер, принимаемых Правительством Российской Федерации в целях стабилизации экономической ситуации. Еще 10% высказали мнение о том, что они неэффективны. Схожая картина характерна и для оценки мер, принимаемых в целях стабилизации экономической ситуации на региональном уровне – 54% предпринимателей сомневаются в их эффективности. Также 34% испытывают затруднение при оценке эффективности деятельности региональных органов власти.

Таким образом, результаты опроса предпринимателей в Вологодской области свидетельствуют о том, что удовлетворенность текущим состоянием и ожидания от будущего находятся в большей мере в негативном поле.

Для опрошенных предпринимателей существенными являются выделенные нами факторы административного предпринимательского климата.

В рамках нормативного регулирования респонденты в качестве негативного фактора выделяют завышенные требования к отчетности, избыточность содержащейся в ней информации. Кроме того, большая доля опрошенных считает свои временные и материальные затраты на оформление документов высокими. При этом положительно оценивается предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде.

Что касается экономического регулирования, то оно оценивается предпринимателями как неэффективное.

Административный предпринимательский климат как базовый элемент реализации нацпроекта

Принятый в конце 2018 года Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» имеет довольно амбициозные цели, связанные с увеличением доли малого и среднего предпринимательства в структуре ВВП, ростом численности занятых в данном секторе экономики, а также повышением доли экспорта субъектов МСП в общем объеме несырьевого экспорта¹⁴. Как уже отмечалось ранее, один из подпроектов направлен именно на улучшение административного предпринимательского климата. Ожидается, что реализация нацпроекта даст толчок не только развитию малого и среднего бизнеса, увеличению числа занятых в нем, его вклада в ВВП, увеличению его доли в экспорте, но и всей экономике России за счет диверсификации и роста малого и среднего предпринимательства ускоренными темпами.

В то же время, как отмечается исследователями [19], «успех реализации национального проекта поддержки малого и среднего бизнеса во многом зависит от ситуации в конкретных регионах. Для обеспечения достижения цели нацпроекта необходимо наладить эффективно работающую коммуникацию бизнеса, власти и общества». Региональная власть играет ключевую роль в реализации нацпроекта, поскольку одновременно является органом государственной власти и занимает наиболее близкое положение к субъектам малого и среднего предпринимательства. Особенно важно региональное управление в наиболее проблемных с точки зрения представителей малого предпринимательства направлениях.

Нацпроект подвергается постоянному критическому анализу со стороны исследователей. Так, например, обращается внимание на такие его «минусы», как недостаточ-

¹⁴ Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.). URL: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf>

ность комплексного рассмотрения проблем малого и среднего предпринимательства, в частности, «рыночная ситуация диктует свои условия: предприниматели все чаще ограничены платежеспособным спросом, который крайне низок, при прогнозировании они принимают все меньше решений, связанных с расширением рынков сбыта. Большой акцент ими делается на экономию и повышение эффективности существующих объемов. Эти ожидания гораздо тяжелее преодолевать, поскольку они системные, связанные с оценкой предпринимателями собственного рынка» [19]. То есть цели нацпроекта сталкиваются со сложившимся предпринимательским климатом в России, нивелировать негативные факторы которого должна административная составляющая климата.

В исследовании [20] отмечается, «что каких-либо новых мероприятий по улучшению условий для развития МСП в национальном проекте не предложено. Остается открытым вопрос, сколько и по каким направлениям будет расходоваться средств на поддержку МСП. Также в паспорте национального проекта отсутствуют мероприятия по контролю над финансовым исполнением запланированных мероприятий». Таким образом, можно говорить об изначальной недостаточной проработанности проектного документа, что, несомненно, должно сказаться на качестве и эффективности его реализации.

Несмотря на то что нацпроект был утвержден в 2018 году, его реализация формально началась с января 2019 года, поэтому пока говорить о полноценном анализе результатов его реализации несколько преждевременно. Однако предварительные оценки как эффективности национального проекта, так и его влияния на социально-экономическое развитие уже проводятся соответствующими структурами и экспертным сообществом.

Так, например, по результатам реализации национального проекта подготовлен отчет Счетной палаты Российской Федерации¹⁵, в соответствии с которым бюджет нацпроекта в 2019 году был реализован на 92%. При этом на 1 ноября 2019 года исполнение межбюджетных трансфертов составило лишь 62,4%. То есть за 10 месяцев на реализацию мероприятий было потрачено меньше 2/3 бюджета проекта, еще 30% было освоено за оставшиеся 2 месяца года. Это говорит о неравномерности распределения затрат на реализацию проекта, а значит и о вероятной их неэффективности.

Эксперты Счетной палаты также отмечают, что существующий порядок статистического учета не позволяет адекватно оценивать результативность мероприятий нацпроекта, поскольку предоставляет данные с «существенным временным лагом», а «какие-либо показатели, методики расчетов или методические подходы к оценке динамики достижения целевых показателей национального проекта МСП и развития сектора МСП отсутствуют»¹⁶.

При этом Минэкономразвития РФ по состоянию на конец 2019 года не разработало методику отраслевой оценки влияния реализации мероприятий федеральных проектов на численность занятых в МСП и вклад сектора МСП в ВВП, что затрудняет оценку реального эффекта от реализации нацпроекта и мониторинг по одному из трех базовых показателей. В связи с этим в настоящий момент оценить рассматриваемые показатели затруднительно. В то же время, если рассчитывать индикатор на основе данных Росстата, в 2019 году доля МСП составила 23,06%, т. е. плановые значения нацпроекта (22,9%) достигнуты.

По мнению экспертов Счетной палаты РФ, мероприятия нацпроекта не оказали существенного влияния на другой базовый показатель – рост численности занятых в секторе МСП в 2019 году¹⁷. При этом, по ин-

¹⁵ Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/200/2005dbf690b7a5b8d37e3f94ff84ad82.pdf>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

формации, представленной в отчете, численность занятых в сфере МСП по состоянию на 10 августа 2019 года на 449,9 тыс. чел. меньше базового значения целевого показателя национального проекта МСП – 19,2 млн чел. на июль 2018 года).

Говоря о второстепенных индикаторах нацпроекта, стоит отметить неоднозначность достигнутых результатов. Например, программа субсидирования кредитования субъектов МСП не в полной мере обеспечивает выполнение задачи «Упрощение доступа к льготному финансированию». Так, на 1 ноября 2019 года было выдано в качестве льготных кредитов 131,3 млрд руб., или 13,13% от плановых годовых значений. Очевидно, что плановые значения на 2019 год не выполнены.

Таким образом, даже промежуточные результаты по 2019 году свидетельствуют о явных сложностях в достижении поставленных в документе целей. Это обусловлено, с одной стороны, недостаточной степенью первоначальной проработки, с другой – недостаточно высоким уровнем эффективности работы органов государственной власти и управления как на федеральном, так и региональном уровне. Проведенный анализ позволяет заключить, что далеко не все реализуемые в рамках нацпроекта меры показывают свою эффективность и целесообразность в принципе. Однако говорить о результатах в данном направлении (в том числе и в части улучшения административного предпринимательского климата) пока преждевременно, особенно в сложившихся в первой половине 2020 года неблагоприятных условиях, связанных с пандемией коронавируса, а также корректировкой целей нацпроектов, связанной с продлением их до 2030 года. Целесообразно вернуться к этому вопросу через 3–4 года их реализации.

Учитывая сильные стороны национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», такие как принципиально новые подходы к достижению целей (например, введение совершенно нового института самозанятости),

приоритет мягкого и стимулирующего регулирования – открытие возможностей в сочетании с необходимым в меру директивно-адресным управлением, можно сделать вывод о том, что реализация нацпроекта даст толчок не только развитию малого и среднего бизнеса, увеличению числа занятых в нем, его вклада в ВВП, повышению его доли в экспорте, но и всей экономике России за счет диверсификации и роста МСП ускоренными темпами.

Однако для этого следует, во-первых, наладить регулярный (помесячный, поквартальный) статистический учет целевых показателей (как свидетельствует анализ результатов, это на конец 2019 года не сделано), что необходимо для своевременного выявления тенденций, а также верного сопоставления друг с другом показателей различных категорий; во-вторых, внести в национальный проект некоторые изменения, в частности касающиеся следующих показателей факторов административного предпринимательского климата:

- увеличения доли инвестиций в расходах малых предприятий в среднем до 7% ежегодно к 2024 году. Такой уровень данного показателя будет способствовать ускоренному росту малого предпринимательства;

- темпов снижения тарифов на электроэнергию, топливо, транспортные услуги, пользование недвижимым имуществом для субъектов малого и среднего предпринимательства, которые должны составлять не менее 2 процентных пунктов год к году;

- темпов снижения ставки за пользование заемными денежными средствами малыми и средними предпринимателями, которые должны составлять не менее чем 1 процентный пункт год к году.

Кроме того, в целях улучшения административного предпринимательского климата необходимо внести изменения в законодательство о налогах и сборах.

Во-первых, это касается сокращения числа налоговых режимов. Существующие сегодня различные налоговые режимы призваны в наибольшей степени обеспечить права предпринимателей, однако в то же

время являются инструментом перехода в «теневой» сектор и коррупциогенным фактором. В связи с этим существует предложение отменить единый налог на вмененный доход.

Во-вторых, увеличения дифференциации в рамках сохраненных налоговых режимов в зависимости от размера предприятия, срока его функционирования (до 1 июля 2022 года). Например, возможно увеличение числа вариантов для упрощенной системы налогообложения с сегодняшних двух с учетом статуса микропредприятий и «новых» предприятий (к которым могут быть отнесены хозяйствующие субъекты, функционирующие менее трех лет).

В-третьих, отмены нижних границ изменения ставок налогов органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, что позволит в каждом субъекте, исходя из конкретных макроэкономических условий, вводить дополнительные действенные меры стимулирования предпринимательства.

В-четвертых, введения налоговых льгот при инвестициях субъектов малого предпринимательства, например, путем уменьшения налоговой базы налога на прибыль на сумму, равную определенной доле от суммы инвестиций, либо равную этой сумме, либо даже превышающую ее.

В-пятых, введения дифференцированных правил начисления амортизации при инвестициях субъектов малого и среднего предпринимательства с предоставлением микро- и новым предприятиям права выбора объема амортизации в каждый год реализации инвестиционного проекта: от 0 до 100%, что позволит уменьшать базу налогообложения в наиболее сложные периоды становления нового и развития существующего бизнеса.

Важными факторами для улучшения административного предпринимательского климата и снижения нагрузки на МП должны стать ликвидация устаревших нормативных требований к ведению предпринимательской деятельности, создание Единой информаци-

онной базы стандартов, действующих на территории Евразийского экономического союза.

Кроме того, следует продолжать работу над развитием цифровизации государственных и муниципальных услуг, предоставляемых малым и средним предпринимателям в электронном виде [20]. При этом ежегодно доля услуг, которые предприниматели могут получить в электронном виде, должна увеличиваться, по меньшей мере, на 15 процентных пунктов. Такие темпы прироста необходимы для достижения к 2024 году этого показателя в размере 95%.

Результаты и выводы

В результате проведенного исследования было введено и обосновано понятие административного предпринимательского климата как совокупности внешних объективных факторов (условий), оказывающих влияние на предпринимательскую подсистему экономической системы общества, регулируемых органами государственной власти и местного самоуправления.

Изучение, систематизация и анализ эмпирического материала, а также социологических данных, касающихся мнения представителей субъектов малого и среднего предпринимательства о состоянии административного предпринимательского климата в стране, выявили, что его уровень находится в устойчивом состоянии. Наблюдается определенный рост общероссийских показателей, однако в региональном разрезе заметны значительные диспропорции в развитии.

Разработаны рекомендации по улучшению административного предпринимательского климата. К ним следует отнести:

- регулирование бюрократической системы, к которой относятся система бухгалтерского учета, отчетности и документооборота; система стандартов ведения производственной деятельности; процедуры взаимодействия предпринимателя с публичным субъектом;

- создание экономических условий в форме системы налогообложения и прямо-

го стимулирования; влияния на размер базы прейскуранта и процента по банковскому кредиту.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предлагаемые меры по улучшению административного предпринимательского климата могут быть реализованы в рамках существующих и применяемых сегодня инструментов. Они направлены как на нивелирование негативных факторов административного климата, так и на создание новых, благоприятных факторов.

Реализация изложенных предложений позволит увеличить устойчивость субъектов малого предпринимательства в регионе, их возможности к инвестированию, развитию, увеличению масштабов деятельности, ускорить и упростить взаимодействие представителей малого предпринимательства с органами государственной власти и местного самоуправления, повысить культуру предпринимательской деятельности, ее соответствие предъявляемым требованиям, уровень безопасности потребителей, снизить роль «теневой» экономики в макроэкономической системе и число коррупциогенных факторов, увеличить объем поступлений в бюджеты всех уровней.

Таким образом, к элементам научной новизны в рамках данного исследования следует отнести:

- введение и обоснование понятия «административный предпринимательский климат»;
- предложение перечня показателей, характеризующих административный предпринимательский климат;
- разработку направлений для улучшения административного предпринимательского климата.

Полученные результаты могут быть использованы федеральными и региональными органами власти и управления при корректировке планов реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на региональном и федеральном уровне. Дальнейшие этапы исследования будут посвящены изучению нормативно-правовой базы, регулирующей сферу малого бизнеса в регионе, с целью разработки рекомендаций по ее совершенствованию и формированию соответствующих мероприятий, направленных на улучшение административного предпринимательского климата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Drucker P.F. *Innovation and Entrepreneurship (Practice and Principles)*. New York: Harper Business, 2006. P. 23–26. Available at: <https://archive.org/details/innovationentrep00druc/mode/2up>
2. Pinchot Gifford. *Intrapreneuring*. New York: HarperCollins Publishers, 1985. 356 p.
3. Малое предпринимательство в экономике территорий: монография / К.А. Гулин [и др.]; под науч. рук. К.А. Гулина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. 128 с.
4. Мазилев Е.А., Кремин А.Е. Роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии российских регионов: проблемы и тенденции // Проблемы развития территории. 2018. № 2. С. 7–18.
5. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
6. Wilson Ch.D.H., Williams I.D., Kemp S. An Evaluation of the impact and effectiveness of environmental legislation in small and medium-sized enterprises: experiences from the UK. *Business Strategy and the Environment*, 2012, no. 21, pp. 141–156. DOI: 10.1002/bse.720
7. Давыдова А.А. Теоретико-методологические подходы к изучению условий осуществления производственной деятельности в регионе // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 32.
8. Lixin Colin Xu. The effects of business environments on development: surveying new firm-level evidence. *World Bank Research Observer*, 2011, vol. 26, no. 2, pp. 310–340. DOI: 10.1093/wbro/lkq012

9. Domingo Ribeiro-Soriano, Miguel-Angel Galindo-Martin. Government to support entrepreneurship. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2012, vol. 24, no. 9–10, pp. 861–864. DOI: 10.1080/08985626.2012.742322
10. Кожевникова Т.М., Тер-Акопов С.Г. Подходы к изучению российского бизнес-климата // Вестн. ТГУ. 2014. № 6 (134). С. 139–145.
11. Егоров Ю.О. Инвестиционный климат как фактор формирования развития в регионе предпринимательской активности // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-2. С. 923–927.
12. Ворожбит О.Ю., Титова Н.Ю. Предпринимательская среда как фактор взаимодействия предпринимательских структур // Вестн. ПГУ. Сер.: Экономика. 2014. № 1. С. 134–139.
13. Данакин Н.С., Дивиченко О.И. Концептуальный анализ понятия «предпринимательский климат» // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 66–68.
14. Dethier J.-J., Hirn M., Straub St. Explaining enterprise performance in developing countries with business climate survey data. *World Bank Research Observer*, 2011, vol. 26, no. 2, pp. 258–309. DOI: 10.1093/wbro/lkq007
15. Иванова В.С. Реформы здравоохранения: ожидания медперсонала // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 143–151.
16. Асадов А.М. Основы теории косвенных (нелинейных) административных отношений // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Право. 2010. № 5 (181). С. 85–87.
17. Имаева Г.Р. Предпринимательский климат в России и формирующие его факторы: социологический анализ // Мониторинг. 2013. № 2 (114). С. 114–121.
18. Бондаренко С.В., Бондаренко Т.И. Институциональный климат малого бизнеса России // Научн. журн. КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2014. № 101. С. 1357–1366.
19. Тугачева Л.В., Парахина Л.В. Региональный аспект реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // ЕГИ. 2020. № 1 (27). С. 187–196.
20. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Научно-технологическая сфера и предпринимательство: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 75 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Александрович Мазиллов – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eamazilov@mail.ru

Илья Александрович Ефремов – специалист Аналитического центра, Публичное акционерное общество «Северсталь». Российская Федерация, 162610, г. Череповец, ул. Мира, д. 30; e-mail: ilyef@yandex.ru

Mazilov E.A., Efremov I.A.

REVISITING THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE BUSINESS CLIMATE IMPROVING

Small business plays an important role in the economic life of Russian society. As evidenced by statistical data, Russia currently is experiencing a steady growth of small businesses, while the constantly fluctuating dynamics of turnover growth of small businesses indicates significant

instability in this sector of the economy, primarily due to external negative factors. The role of the state is not just to neutralize the effect of negative factors, but also to create factors that would have a beneficial effect on small businesses. Consequently, developing the ways to improve the territories' administrative climate as one of the basic factors of small business development is a relevant task. The article discusses and systematizes the theoretical aspects of the administrative and business climate, and introduces the category of "administrative business climate". The analysis of the current level of the administrative business climate and its impact on small businesses is carried out, namely, expert assessments, including those of rating agencies, as well as statistical data, are studied. The article presents the results of a sociological survey of small enterprises managers in the Vologda Oblast regarding the state of the administrative business climate in the region. The authors have analyzed the main results of the national project "Small and medium-sized businesses and support for individual entrepreneurship", the basic element of which is the administrative business climate. Suggestions for improving the national project are given. In the course of the study, the authors formulated their recommendations to improve the administrative business climate, firstly, aimed at regulating the bureaucratic system, and secondly, at creating economic conditions. The practical significance of the work is related to the possibility of implementing the proposed measures within the existing and currently used tools.

Small business, administrative climate, support measures, region, priorities, business climate, national projects.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenii A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eamazilov@mail.ru

Ilya A. Efremov – Specialist of the Analytical Center, PAO Severstal. 30, Mira Street, Cherepovets, 162610, Russian Federation; e-mail: ilyef@yandex.ru

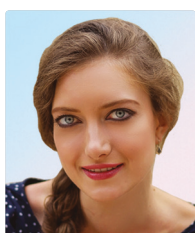
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.4

УДК 336.02 | ББК 65.050

© Печенская-Полищук М.А.

РАЗВИТИЕ ПАРТИСИПАТОРНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ КАК ФАКТОР РОСТА БЮДЖЕТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ¹

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: marileen@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

Статья посвящена партисипаторному бюджетированию как актуальному в современной мировой практике фактору роста бюджетного потенциала территорий. Целью работы стало выявление факторов, сдерживающих развитие партисипаторного бюджетирования в России. Для реализации цели использован комплекс научных методов: статистический анализ, сравнительный анализ, социологические методы. Обосновано, что партисипаторное бюджетирование может стать действенным инструментом повышения эффективности формирования и использования бюджетного потенциала территории для улучшения качества жизни населения. Отмечено, что в Российской Федерации задачам вовлечения населения в бюджетный процесс соответствуют самообложение и инициативное бюджетирование (народный бюджет, народная инициатива, молодежный бюджет и т. д.). Выявлены отличительные признаки данных инструментов. На основе отчетности Федерального казначейства России, органов государственной власти и местного самоуправления проведен динамический анализ развития самообложения и инициативного бюджетирования. С их помощью выявлена тенденция ускоренного роста инструментов партисипаторного бюджетирования в отдельных субъектах Российской Федерации. Использование социологических методов позволило исследовать восприятие самообложения и инициативного бюджетирования в оценках населения. Представлены примеры успешных практик развития партисипаторного бюджетирования в некоторых зарубежных странах (в частности в Индии, Южной Корее). Они могут быть использованы для развития партисипаторного бюд-

Для цитирования: Печенская-Полищук М.А. Развитие партисипаторного бюджетирования как фактор роста бюджетного потенциала территории // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 49–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.4

For citation: Pechenskaya-Polishchuk M.A. Participatory budgeting development as territory's budget potential growth factor. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 49–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.4

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-2003.2020.6.

жетирования в России. Научная новизна исследования состоит в выявлении ключевых факторов, сдерживающих развитие партисипаторного бюджетирования в РФ, и предложении соответствующих направлений для их минимизации. Материалы статьи могут быть использованы преподавателями высших учебных заведений в процессе обучения, научными сотрудниками – в качестве исследовательской базы. Также результаты работы могут учитываться при реализации бюджетного процесса на муниципальном уровне.

Гражданская активность, инициативное бюджетирование, самообложение, народный бюджет, местный бюджет, местное самоуправление, партисипаторное бюджетирование, гражданское участие.

Введение

Долгосрочные приоритеты развития России определены целым рядом стратегических документов, в частности: Указом Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года»; Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года»; Стратегией пространственного развития РФ до 2025 года; Стратегией экономической безопасности РФ до 2030 года; Прогнозом социально-экономического развития РФ до 2036 года; Прогнозом социально-экономического развития РФ до 2024 года; Основами государственной политики регионального развития РФ до 2025 года; Основными направлениями деятельности Правительства РФ до 2024 года; Стратегией научно-технологического развития РФ от 1 декабря 2016 года № 642 и Стратегией национальной безопасности РФ от 31 декабря 2015 года № 683, а также государственными программами и национальными проектами. Так, согласно Указу Президента от 21 июля 2020 года² национальными целями развития РФ определены «сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация».

Вполне закономерно, что достижение национальных целей невозможно без участия бюджетных ресурсов регионов и му-

ниципальных образований, что, с одной стороны, повышает местную инициативу, с другой стороны, ставит под вопрос участие при невысоких уровнях бюджетного и инвестиционного потенциалов. Масштабность и сложность вопросов повышения местной инициативы и развития бюджетного потенциала повлекли за собой широкую дискуссию, в которую вступили научное сообщество, представители бизнеса и власти.

Высокий уровень гражданской активности и эффективное перераспределение доходов, по мнению ученых Вологодского научного центра РАН [1], являются неотъемлемыми атрибутами государственной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В исследовании [2] отмечается, что кроме экономических точек соприкосновения власти и населения присутствуют и общественные, укрепление которых способствует развитию бюджетного потенциала, в свою очередь, существенно влияя на улучшение качества жизни населения [3; 4]. Не случайно в научных работах развитых и развивающихся демократических государств данные факторы представляют немалый научный интерес. Так, в исследовании Л. Вейсса [5] это объясняется влиянием степени готовности населения к уплате налогов на уровень их собираемости. В работах зарубежных экономистов [6] показана тесная взаимосвязь между налоговым потенциалом и значимостью общественного мнения при принятии политических решений. С 1989 года в мировой практике активно

² Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

набирает обороты «participatory budgeting», что в переводе с английского означает партисипаторное (совместное) бюджетирование. В связи с этим активизация гражданского участия в бюджетном процессе, то есть развитие партисипаторного бюджетирования, может способствовать созданию предпосылок для расширения доходной базы бюджетов и роста эффективности бюджетного расходования, что повысит уровень бюджетного потенциала территории. В то же время в России инструменты инициативного участия населения в бюджетном процессе еще не получили повсеместного распространения. Это обусловило необходимость исследования препятствующих факторов и направлений развития партисипаторного бюджетирования как фактора роста бюджетного потенциала территории, что и обозначило цель статьи. На ее достижение направлено решение ряда задач: определить роль инициативного бюджетирования в развитии бюджетного потенциала территории, исследовать инструменты партисипаторного бюджетирования, проанализировать современную практику их применения в России, выявить факторы, препятствующие развитию партисипаторного бюджетирования на территориальном уровне, дать рекомендации, которые будут способствовать минимизации выявленных негативных факторов.

Теоретические аспекты исследования

Анализ мировой практики убедительно показывает, что при формировании и использовании бюджетного потенциала становится важной роль населения не только как пассивного производителя и потребителя бюджетных услуг, но и как инициативного участника управления развитием территории (рис. 1). Это означает, что кофункционирование двух сценариев («Активный

гражданин» и «Пассивный гражданин») в большей степени способствует развитию бюджетного потенциала, нежели функционирование только одного из них.

К разработке методологии партисипаторного бюджетирования как механизма вовлечения граждан в бюджетный процесс присоединились представители научных школ Бразилии, Европы, Южной Кореи и других стран. Многие авторы, в числе которых S. Coleman, R. Sampalo, N. Dias³, K. Koonings, B. Wampler, J. Hwang, D. Song, A. Shah⁴, Y. Sintomer, C. Herzberg, A. Röcke, анализировали успешные практики, вызовы и возможности участия населения в бюджетном процессе [7–11]. В разных странах партисипаторное бюджетирование реализовывалось в виде различных форм и инструментов: проект снижения бедности и развития сообществ (Вьетнам, Индонезия), программа развития сельских территорий (Азербайджан), фонд социальных инвестиций (Армения, Киргизия), проект развития городской инфраструктуры (Бразилия), фонд соседских сообществ (Исландия), совещательная модель бюджетирования (Китай) и т. д.

Финансовое участие россиян в деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления в качестве одного из принципов финансового права выделила доктор юридических наук Н.И. Химичева в 1999 году [12]. С тех пор актуальность применения данного принципа возросла, что, по мнению С.М. Мироновой, обусловлено появлением новых инструментов построения финансово-правовых отношений при формировании и использовании бюджетного потенциала [13]. Опираясь на конституционную норму о праве россиян на участие в управлении делами государства (ст. 130) и гарантию прямого участия граждан в местном самоуправлении, согласно ратифицированной Европейской хартии местного самоуправления (ст. 4466)⁵,

³ Dias N. Hope for the Democracy – 25 Years of Participatory Budgeting Worldwide. URL: https://www.buergerhaushalt.org/sites/default/files/downloads/Studie_Hope_for_democracy_-_25_years_of_participatory_budgeting_worldwide.pdf

⁴ Participatory budgeting / ed. by A. Shah. 2007. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/6640/39498.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

⁵ Европейская хартия местного самоуправления // СЗ РФ. 1998. № 36.

Рис. 1. Роль населения в развитии бюджетного потенциала территории

Источник: составлено автором.

исследователи-юристы⁶ [14–17] указывают на назревшую необходимость законодательно закрепить данный принцип финансового права.

В России изучению отдельных аспектов партисипаторного бюджетирования посвящены работы И.В. Балынина, К.В. Будник, В.В. Вагина, Н.В. Ворошилова, К.И. Гальниса, С.М. Мироновой, Н.С. Сергиенко, О.В. Сивинцевой, Ю.И. Черкасовой, А.С. Чулкова, Н.В. Фадейкиной, М.В. Цуркан, Н.А. Шаповаловой и других авторов. При этом эксперты сошлись во мнении о его важной роли как в расширении гражданского участия в решении проблем территорий, так и в повышении эффективности бюджетной политики. Исходя из этого, для бюджетного и, в целом, территориального развития инициативное участие населения предполагает социальные, управленческие и экономические эффекты (табл. 1).

Исследование зарубежного и отечественного опыта показало, что партисипаторное бюджетирование представляет собой совокупность основанных на гражданской инициативе и при непосредственном участии,

в том числе финансовом, граждан инструментов решения проблем территориального развития.

Задачам партисипаторного бюджетирования в Российской Федерации отвечают инструменты самообложения и инициативного бюджетирования. Их ключевые отличительные черты представлены в табл. 2.

Следует отметить, что практика самообложения так или иначе присутствовала в России с конца девятого века, в то время как к инициативному бюджетированию страна подключилась только в 2007 году в рамках Программы поддержки местных инициатив Всемирного банка. На наш взгляд, то обстоятельство, что данные инструменты отвечают одной цели, но отличаются технологиями реализации, становится преимуществом и дополнительной возможностью развития партисипаторного бюджетирования в российских регионах. Так, в одних субъектах тщательно разработанное нормативно-правовое поле позволяет процедуре самообложения восприниматься гражданами как наиболее удобный и простой инструмент участия в решении территориаль-

⁶ Матненко А.С. Правовое регулирование программно-целевого метода бюджетной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 362 с.

Таблица 1. Возможные эффекты от инициативного участия населения в развитии бюджетного потенциала

Критерий	Стадии развития бюджетного потенциала	
	формирование	использование
Формат участия населения	Вовлечение финансовых ресурсов населения в бюджетные доходы территории	Определение населением приоритетных проектов, общественный контроль за их реализацией
Социальный эффект	Личная причастность, понимание роли граждан в развитии территории в условиях ограниченных ресурсов. Участие населения в выявлении актуальных проблем и постановке задач управления развитием территории	Создание социально значимых проектов. Формирование мотивации граждан к обеспечению сохранности и бережной эксплуатации реализованных проектов. Повышение удовлетворенности населения от создания комфортной среды
Управленческий эффект	Активизация конструктивного диалога населения и власти. Повышение степени доверия населения к действиям органов власти. Стимулирование самоорганизации общества и гражданской инициативы. Определение приоритетных направлений развития территорий	Разделение ответственности с населением за принятые решения. Снижение социальной напряженности. Повышение качества проекта за счет общественного контроля за ходом его реализации. Рост прозрачности расходования бюджетных средств. Повышение финансовой грамотности населения
Экономический эффект	Увеличение бюджета социально значимых проектов	Повышение эффективности расходования бюджетных средств. Повышение сохранности реализованных проектов. Перспектива реализации масштабных проектов после этапа решения текущих проблем

Источник: составлено автором.

ных проблем (например, в Пермском крае, Республике Татарстан). В других регионах систематический характер инициативного бюджетирования и возможности повышения финансовой грамотности населения оказывают долговременный положительный эффект как на экономику, так и на социально-политическую среду муниципальных образований.

Основные результаты исследования и их обсуждение

Современную российскую практику самообложения можно проследить по анализу данных отчетности Федерального казначейства, согласно которым она началась с 2013 года. С тех пор за семилетний период объем собранных путем самообложения средств граждан вырос более чем в 11 раз с 26 до 288 млн руб. Согласно основным характеристикам, представленным в *табл. 3*, наблюдается поступательное развитие финансового уча-

стия россиян в самообложении, о чем свидетельствует ежегодный рост максимальной и средней сумм региональных сборов. Доля этих поступлений в неналоговых доходах выросла в 19,5 раза до 6%. Оценка ключевых характеристик социально-экономического портрета регионов, участвующих в самообложении, указывает на то, что их бюджетная обеспеченность собственными доходами в 2013–2019 гг. находилась в интервале 32–48 тыс. руб. на душу населения, соответствуя 65–76% от среднероссийского значения, а заработная плата – 24–36 тыс. руб. на человека, или 75–83% средней по стране. Следовательно, в большинстве случаев в партисипаторном бюджетировании посредством самообложения участвовали не самые обеспеченные субъекты РФ, в которых проживает население с высокими заработными платами, а скорее регионы, где органы власти и местного самоуправления наряду с населением заинтересованы в использовании

Таблица 2. Ключевые признаки инструментов партисипаторного бюджетирования в регионе

Признак	Инструмент партисипаторного бюджетирования	
	самообложение	инициативное бюджетирование
Определение	Средства самообложения граждан – это разовые платежи, осуществляемые для решения конкретных вопросов местного значения (Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»)	Совокупность основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также последующем контроле за реализацией отобранных проектов (Центр инициативного бюджетирования Научно-исследовательского финансового института Минфина России [18]). Инициативные платежи – денежные средства граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, уплачиваемые на добровольной основе и зачисляемые в местный бюджет в целях реализации конкретных инициативных проектов*
Цель реализации	Вовлечение граждан в повышение эффективности бюджетной политики и управление территориальным развитием	
Степень активности участия граждан	Средняя, так как предполагает принятие участия в референдуме	Высокая, так как предполагает инициативу составления конкурсной документации
Требования к участию	Участие не требует специальных навыков и знаний	Участие требует умения подготовки проектных заявок, от качества которой зависит возможность получения софинансирования
Гарантии результата реализации проекта	Решение референдума	Гарантийные письма
Систематичность проведения	Эпизодичность решения	Систематичность решения
* Федеральный закон от 20 июля 2020 года № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (вступает в силу с 01.01.2021). Источник: составлено автором.		

инновационных инструментов повышения эффективности бюджетной политики.

В результате проведенного анализа выявлено, что участие в самообложении за исследуемый период приняли жители 38–45% российских регионов, аккумулировавшие 1,3 млрд руб. в местные бюджеты. Срез по федеральным округам (табл. 4) указывает на лидерство Приволжского округа в объеме собранных средств (60–94%) и Сибирского округа по количеству регионов-участников (7–10 из 10–12).

С помощью изучения отечественного опыта инициативного бюджетирования выявлена его реализация в нескольких формах в рамках:

- федерального проекта «Формирование комфортной городской среды»;
- федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»;
- программы поддержки местных инициатив, реализуемой Всемирным банком (например, в Кировской, Тверской, Нижегородской областях, Ставропольском, Хабаровском краях, республиках Башкортостан и Северная Осетия – Алания, Еврейском АО);
- региональных проектов «Народный бюджет», «Народная инициатива», «Молодежный бюджет» и т. д. (например, в г. Санкт-Петербурге, Республике Саха (Якутия), Тульской, Вологодской, Кировской,

Таблица 3. Основные характеристики участия населения России в самообложении в 2013–2019 гг.

Год	Сумма, млн руб.	Макс. значение, млн руб.	Среднее значение, млн руб.	В % к ННД*	Среднее значение БО, тыс. руб. / % от среднего по РФ	Среднее значение СЗП, тыс. руб. / % от среднего по РФ	Регионы РФ
2013	25,7	7,8	0,78	0,3	32,4/71	24,1/81	33 Брянская, Владимирская, Воронежская, Тверская, Калужская, Кировская, Оренбургская, Курганская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Ростовская, Самарская, Пензенская, Новосибирская, Томская, Омская, Амурская области, республики Алтай, Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Татарстан, Тыва, Хакасия, Приморский, Алтайский, Ставропольский, Хабаровский, Пермский, Забайкальский, Красноярский края
2014	114,3	80,3	3,36	1,2	36,4/74	26,9/83	34 Брянская, Владимирская, Воронежская, Тверская, Калужская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Ростовская области, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская, Кировская, Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Алтай, Республика Хакасия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Амурская область
2015	156,2	122,3	4,11	2,2	37,7/73	27,4/81	38 Брянская, Владимирская, Воронежская, Тверская, Калужская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Ярославская области, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Крым, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская, Кировская, Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Алтай, Республика Хакасия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Амурская область
2016	213,6	183,4	6,10	4,2	42,8/76	29,6/81	35 Брянская, Владимирская, Воронежская, Тверская, Калужская, Липецкая, Московская, Орловская, Ярославская, Ленинградская области, Республика Калмыкия, Ростовская область, Республика Крым, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Кировская, Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Алтай, Республика Хакасия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Амурская область

2017	240,1	203,5	6,67	4,3	40,6/66	30,8/79	36 Брянская, Воронежская, Тверская, Калужская, Липецкая, Орловская, Ярославская, Ленинградская, Астраханская, Ростовская области, Республика Крым, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Кировская, Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Алтай, Республика Хакасия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Амурская область
2018	266,5	223,0	7,01	5,0	47,7/68	34,1/78	38 Брянская, Воронежская, Тверская, Калужская, Липецкая, Орловская, Ярославская, Ленинградская, Астраханская, Ростовская области, Республика Крым, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Кировская, Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Алтай, Республика Хакасия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Амурская область
2019	287,5	246,6	7,99	5,8	48,4/65	36,0/75	36 Брянская, Владимирская, Воронежская, Тверская, Калужская, Липецкая, Орловская, Ярославская, Калининградская, Ленинградская, Ростовская области, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Кировская, Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Курганская, Челябинская области, Республика Тыва, Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская, Омская области, Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Бурятия, Хабаровский край, Амурская область, Забайкальский край
<p>* Бюджет соответствующего уровня. Условные обозначения: Ннд – неналоговые доходы; БО – бюджетная обеспеченность собственными доходами региональных бюджетов; СЗП – средняя заработная плата. Рассчитано по: данные Федерального казначейства РФ.</p>							

Ленинградской, Тамбовской, Сахалинской, Иркутской областях).

Так, количественные показатели реализации губернаторского проекта «Народный бюджет» в Вологодской области демонстрировали существенный устойчивый рост как по количеству, так и по стоимо-

сти реализуемых с участием финансовых средств граждан проектов (табл. 5). В 2020 году планировалось участие в проекте всех муниципальных районов региона. Однако последствия пандемии, вероятнее всего, внесут свои коррективы в составленные ранее прогнозные значения, соответственно

Таблица 4. Структура распределения средств самообложения граждан по федеральным округам

Год	Показатель	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	РФ
2013	Количество регионов	8	0	2	1	7	2	10	3	33
	% от РФ	9,99	0,00	6,00	3,59	60,3	2,67	13,7	3,78	100
2014	Количество регионов	9	0	1	2	7	1	9	5	34
	% от РФ	7,01	0	1,23	0,91	85,13	0,21	4,33	1,19	100
2015	Количество регионов	11	0	4	2	7	1	8	5	38
	% от РФ	5,07	0	0,96	1,52	89,57	0,18	1,65	1,04	100
2016	Количество регионов	9	1	3	2	6	1	8	5	35
	% от РФ	3,43	0,05	0,57	0,89	92,2	0,12	1,56	1,16	100
2017	Количество регионов	7	1	3	5	6	1	8	5	36
	% от РФ	3,02	0,03	0,68	2,20	91,6	0,07	1,18	1,17	100
2018	Количество регионов	7	1	3	5	8	1	10	5	38
	% от РФ	2,42	0,02	0,59	1,07	93,51	0,07	1,37	0,96	100
2019	Количество регионов	8	2	1	4	8	2	7	4	36
	% от РФ	2,59	0,06	0,32	0,79	93,70	0,04	1,58	0,92	100

Рассчитано по: данные Федерального казначейства РФ.

Таблица 5. Показатели реализации проекта «Народный бюджет» в Вологодской области

Показатель	Год						2020 (прогноз)	2019 год к 2015 году
	2015	2016	2017	2018	2019			
Количество проектов	66	155	373	458	818	2804	12,4 раза	
Общая стоимость проектов, млн руб.	14,3	38,2	99,6	122,0	177,0	548,0	12,4 раза	
Из них средства областного бюджета								
Млн руб.	7,6	19,1	49,5	59,7	88,5	274,0	11,6 раза	
В % от стоимости проекта	53,2	50,0	49,7	48,9	50,0	70,0	-3,2 п. п.	
На 1 жителя из средств областного бюджета, руб.	6,4	16,1	42,1	51,1	75,8	235,6	11,8 раза	
Из них средства граждан								
Млн руб.	0,7	1,9	5,3	7,4	8,9	27,4	12,7 раза	
В % от стоимости проекта	5,0	5,0	5,3	6,1	5,0	5,0	0	
На 1 жителя из средств граждан, руб.	0,6	1,6	4,5	6,3	7,6	23,6	12,7 раза	

Рассчитано по: данные Департамента финансов Вологодской области.

уменьшатся количество проектов и их общая стоимость. Отмечая поступательный количественный рост, губернатор области О.А. Кувшинников назвал проект «Народный бюджет» «самым эффективным проектом за

свою карьеру в должности губернатора», отметив: «большое будущее за инициативным бюджетированием»⁷.

Безусловно, важнейшим фактором развития инструментов партисипаторного бюд-

⁷ Олег Кувшинников: Проект «Народный бюджет» подтвердил свою эффективность // Вологда Регион. 2020. 2 июня. URL: <http://volgda-region.ru/news/2020/6/2/oleg-kuvshinnikov-proekt-narodnyy-byudzhet-podtverdil-svoyu-effektivnost>

жетирования становится общественное восприятие. С одной стороны, такие инструменты могут расцениваться в качестве принуждения, с другой стороны – как гарантия реализации своих прав на участие в самоуправлении. Вполне очевидно, что поступательное развитие инструментов партисипаторного бюджетирования возможно только при условии одобрительной обратной связи и активного участия населения. Для оценки легитимности самообложения в исследовании О.В. Сивинцевой и К.В. Будник [19] приводятся данные о референдумах в Пермском крае, одном из наиболее активных регионов – участников партисипаторного бюджетирования. Так, отмечается, что самообложение получило одобрение по итогам референдумов в 66,4% поселений края, отказ от финансирования высказан в 18,4%, инициативы о самообложении не поступило в 15,2% поселений. Этим результатам вторят и данные опроса НИУ ВШЭ⁸, проведенного в декабре 2016 года: пропорция согласных и не согласных отдать 2% дохода на развитие территории своего проживания россиян составила 58% к 42 соответственно. Вместе с тем, далеко не всегда региональные оценки инструментов партисипаторного бюджетирования положительны. К примеру, результаты опроса жителей Вологодской области в декабре 2019 года показали, что согласие на самообложение высказали только 14,4% вологжан, на участие в проекте «Народный бюджет» – 30,7% (табл. 6).

При этом, судя по данным табл. 5, жители более одобрительно отнеслись к инструментам инициативного бюджетирования, нежели к самообложению. Вероятно, это связано с восприятием самообложения как очередного налога, даже несмотря на то, что такие средства граждан имеют неналоговую правовую природу и в бюджетной классификации учитываются в разделе неналоговых поступлений.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о низкой гражданской активности жителей отдельных территорий, рост которой должен базироваться на формировании

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопросы «Какую сумму Вы готовы разово выделить для реализации проекта, мероприятия в вашем муниципальном образовании посредством самообложения граждан?» и «Какую сумму Вы готовы внести для реализации в Вашем муниципальном образовании проекта «Народный бюджет?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Народный бюджет	Самообложение
До 100 рублей	12,4	5,1
101–200 рублей	10,1	3,3
201–300 рублей	5,5	1,8
Более 300 рублей	1,4	3,5
Не готов(а) к внесению средств	69,3	65,1
Затрудняюсь ответить	1,3	21,2

региональными органами власти и органами местного самоуправления доверия населения к партисипаторным инструментам и повышению уровня информированности о них. Вышеупомянутый опрос жителей Вологодской области указал на то, что большая часть жителей не владела информацией или имела смутное представление о реализации инструментов партисипаторного бюджетирования на территории своих населенных пунктов (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопросы «Знаете ли Вы о реализованных проектах народного бюджета в Вашем муниципальном образовании?» и «Знаете ли Вы о деятельности градостроительных советов, проходивших в Вашем населенном пункте?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Народный бюджет	Градостроительные советы*
Нет, не знаю	51,7	66,7
Что-то слышал(а)	34,8	28,4
Да, знаю	13,5	4,9

* Градостроительные советы созданы в области для обсуждения с жителями вопросов, посвященных решению наиболее острых проблем развития территорий (ремонт дорог, строительство социальных, инженерных и инфраструктурных объектов и т. п.).

⁸ Налоги по собственному желанию.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3338641>

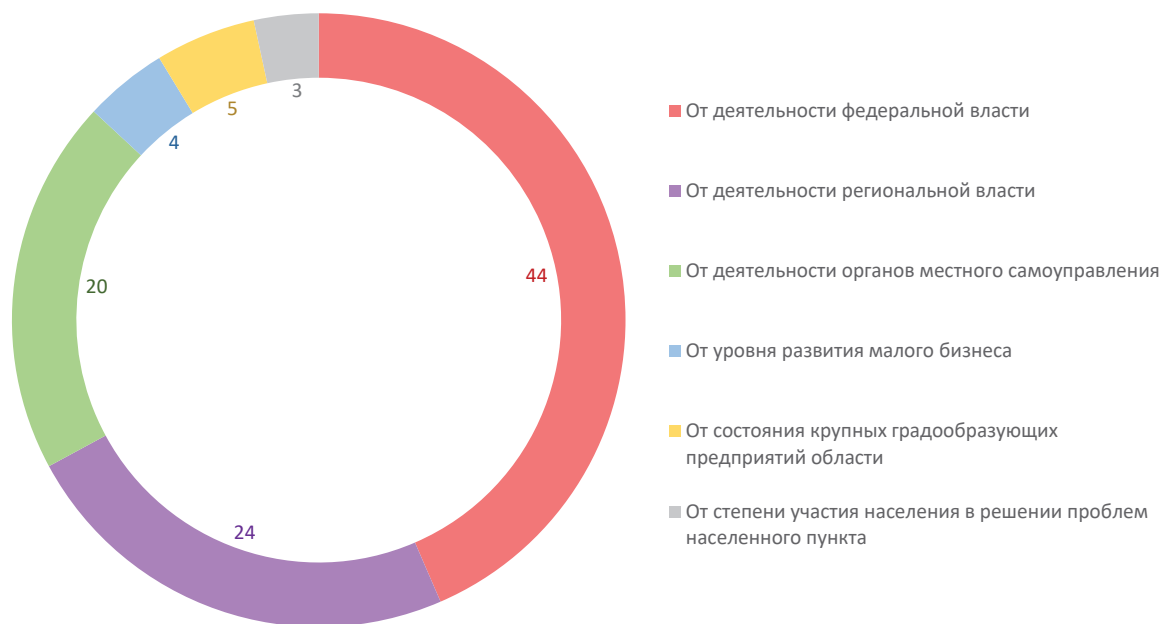

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «От чего, на Ваш взгляд, в первую очередь зависит положение дел в Вашем населенном пункте?», % от числа ответивших
 Источник: составлено автором.

Зарубежные исследования [20] подтверждают прямую зависимость реализации процедур партисипаторного бюджетирования от эффективности коммуникации органов власти и граждан. По мнению В. Wampler [21], пассивность населения определяется ролью местных органов. Как отмечает Ю.И. Черкасова [22], партисипаторное бюджетирование зачастую неверно воспринимается органами местного самоуправления как система работы с населением, особенно в предвыборные периоды, а не как инструмент развития территории. В свою очередь, это не способствует формированию у населения корректного отношения к партисипаторному бюджетированию как к результату гражданской инициативы. В ответах глав муниципальных образований Вологодской области роли населения в решении проблем места проживания отведено минимальное значение (рис. 2).

Практика информирования и сплочения населения в вопросе партисипаторного бюджетирования достаточно успешно представ-

лена в Ставропольском крае. С 2007 года он является пилотным регионом РФ в реализации программы поддержки местных инициатив Всемирного банка. В крае создан региональный бренд «Общая идея – реальные дела», который идеологически способствовал реализации за 2007–2019 гг. 831 проекта на сумму 2,2 млрд руб. и вовлечению 35,3 тыс. жителей⁹. Губернатор Ставропольского края В.В. Владимиров даже объявил 2017 год годом местных инициатив.

Положительные результаты реализации инструментов партисипаторного бюджетирования сопряжены с институциональным аспектом: в случае с процедурой самообложения – грамотным оформлением документов при проведении местного референдума, в случае с инициативными проектами – корректным составлением заявок. Так, причиной отклонения значительного количества конкурсных заявок становятся неточности в их оформлении (несоблюдение требования к составу муниципальной комиссии, отсутствие подтверждающих документов на

⁹ Эксперт: опыт Ставрополя в применении инициативного бюджетирования дал толчок к разработке федерального закона. URL: <http://club-rf.ru/26/detail/3793>

муниципальную собственность или долю софинансирования из местного бюджета, несоблюдение вопроса местного значения в цели проекта и т. д.).

В целях консультационной, методической и исследовательской деятельности в 2015 году на базе НИФИ Министерства финансов РФ создан Центр инициативного бюджетирования. В большей степени он нацелен на работу с органами власти субъектов, тогда как в регионах, а тем более в муниципальных образованиях, центры консультационно-методической и образовательной поддержки отсутствуют.

Богатый опыт региональной и местной просветительской работы накоплен в зарубежных странах. Например, в одном из районов города Инчон организованы так называемые «бюджетные школы», обучающие партисипаторному бюджетированию местных управленцев и жителей [23]. В индийском штате Керала для повышения бюджетной грамотности населения запущена Всеобщая кампания грамотности («Totalliteracycampaign») [24].

Российские исследователи [25–26] причисляют повышение бюджетной грамотности населения к необходимым условиям муниципального развития. Оценки социологического опроса показали, что минимизации риска недостаточной финансовой (бюджетной) грамотности при развитии инструментов партисипаторного бюджетирования уделяется недостаточное внимание со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

На наш взгляд, существенной и актуальной мерой представляется организация на региональном и местном уровне обучающих программ, курсов или семинаров для органов местного самоуправления и населения на регулярной основе. При этом такого рода мероприятия следует посвятить не только информированию и практике составления конкурсной документации, но и изучению особенностей распределения бюджетных

средств, процедуре софинансирования, осуществлению общественного контроля за расходованием бюджетных средств и т. д.

Кроме того, на федеральном уровне отсутствует системное регулирование стратегического развития партисипаторного бюджетирования в России, которое ограничивается в основном декларационными призывами к повышению его роли. Так, необходимость развития партисипаторного бюджетирования вменена Правительству РФ согласно основным направлениям его деятельности до 2024 года. Однако в качестве единственного KPI определено доведение до 50% количества регионов РФ, утвердивших программы такого развития, что вновь свидетельствует о переносе вопроса развития партисипаторного бюджетирования на региональный уровень. Для Правительства РФ пока в значительной мере присуща функция контролера и характерен точечный подход к разработке и реализации долгосрочных ориентиров развития исследуемой проблематики. Это подтверждается тем, что в декабре 2018 года завершилась реализация двухлетней Концепции развития и регулирования инициативного бюджетирования РФ¹⁰, результаты которой весьма сложно оценить ввиду отсутствия целевых индикаторов. Несомненно, принятие данного документа стало важным шагом на пути повышения эффективности бюджетной политики на основе инициативного гражданского участия. Вместе с тем, на наш взгляд, он имел некоторые принципиальные недостатки:

- отсутствие ориентиров развития в виде количественных целевых индикаторов, по которым можно судить о ходе и результатах реализации поставленных задач;
- включение в концепцию только инициативного бюджетирования как одного из инструментов партисипаторного бюджетирования;
- перечисление инструментов развития и регулирования как деклараций, без обособленной характеристики механизма их действия;

¹⁰ Концепция развития и регулирования инициативного бюджетирования РФ. URL: <https://depfin.admhmao.ru/kontseptsiya-razvitiya-i-regulirovaniya-initsiativnogo-byudzhetrovaniya/735927/kontseptsiya-razvitiya-i-regulirovaniya-initsiativnogo-byudzhetrovaniya-v-rossiyskoy-federatsii>

– слабое внимание к вопросу повышения эффективности бюджетной политики и расширению бюджетного потенциала территорий посредством развития инструментов партисипаторного бюджетирования;

– отсутствие указания ресурсов, в том числе федеральных субсидий, за счет которых будут реализовываться намеченные задачи;

– отсутствие долгосрочной перспективы, так как предполагался срок действия концепции менее трех лет.

Следует отметить, что в целом факт принятия Концепции ощущается как формальность, необходимая не столько для реализации, сколько для соблюдения институциональных процедур в рамках соглашения «Развитие инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации в 2016–2018 гг.», подписанного Министерством финансов России и Всемирным банком. В свою очередь, на протяжении трех лет концептуальные основы партисипаторного бюджетирования на федеральном уровне регулировались описательным документом, следование которому привело к тому, что органы власти субъектов Федерации столкнулись с существенными организационными проблемами в процессе разработки региональной нормативно-правовой базы и реализации территориальных программ поддержки местных инициатив. Согласимся с высказыванием Т.В. Усковой: «Концепция позволяет не определять цели, ориентиры и приоритеты развития, задает лишь вектор», тогда как «стратегия является более конкретным документом»¹¹. По нашему убеждению, совпадающему с мнением многих исследователей данного вопроса, проработанная долгосрочная федеральная стратегия развития партисипаторного бюджетирования в Российской Федерации станет важным импульсом к интеграции его инструментов в глобальную систему гражданского участия.

Еще одним фактором, препятствующим развитию партисипаторного бюджетирования в России, является отсутствие проработанных механизмов финансовой поддержки при реализации инструментов партисипаторного бюджетирования из федерального бюджета. В 2018 году завершилась реализация федеральной целевой подпрограммы «Устойчивое развитие сельских территорий», в рамках которой осуществлялась поддержка местных инициатив граждан. Вместе с тем, анализ распределения федеральных субсидий по программе выявил ежегодный рост количества регионов-участников на 15–43%, чему соответствовало ежегодное сокращение на 5–10% размера федеральной субсидии на поддержку местных инициатив. Более того, регионы – лидеры реализации инструментов партисипаторного бюджетирования (Ставропольский край, Кировская область, Тверская область, Нижегородская область, Хабаровский край и др.) получали наименьшую долю федеральной поддержки.

Вполне разделяем точку зрения [27] о том, что «социально ориентированному государству необходимо находить баланс между принуждением и самообложением, между тяготами и выгодами обложения». Исследователи [19] также отмечают, что «успеха в реализации самообложения граждан можно достигнуть путем компенсации его недостатков». Именно софинансирование рассматривается в зарубежных и российских практиках в качестве выгоды или стимула к развитию партисипаторного бюджетирования. Очевидно, что незначительные объемы собранных в результате партисипаторного бюджетирования финансовых ресурсов¹², небольшая численность жителей отдельных населенных пунктов, применение практики освобождения от уплаты льготных категорий граждан (пенсионеры, инвалиды, ветераны войны, многодетные семьи и т. д.) не способствуют существенному повышению уровня бюджетного потенциала

¹¹ Ускова Т.В. Теория и методология управления устойчивым социально-экономическим развитием региона: дис. ... д-ра экон. наук / Институт проблем региональной экономики Российской академии наук. Вологда, 2010. 410 с.

¹² В среднем сумма взносов составляет 100–200 рублей, наибольшие размеры взносов доходили до 1000 рублей (пример Республики Татарстан).

территорий и не стимулируют органы местного самоуправления к развитию данных инструментов. В связи с этим развитие механизмов софинансирования гражданских инициатив становится актуальным и принципиальным. Исследование показало, что в отдельных субъектах РФ применяется несколько форм регионального софинансирования, в частности:

- предоставление из бюджета субъекта дотаций на сбалансированность местного бюджета в размере объема средств самообложения (например, во Владимирской, Ульяновской областях);

- предоставление из бюджета субъекта межбюджетных трансфертов в форме дотаций или субсидий в объеме, пропорциональном средствам населения (например, в Пермском крае – добавление 5 рублей регионального бюджета на 1 рубль населения, в Республике Татарстан – 4 к 1, в Томской области – 3 к 1, в Кировской области – 1,5 к 1);

- включение наличия самообложения в качестве критерия конкурсной оценки (удельный вес – 10%) на получение из бюджета субъекта субсидий на модернизацию и благоустройство территорий (например, субсидия на развитие и модернизацию улично-дорожной сети и благоустройство территорий в Красноярском крае).

В зарубежных странах в целях развития партисипаторных инструментов и общественного финансового контроля прямые материальные стимулы предоставляются не только органам власти и самоуправления, но и населению. К примеру, в Южной Корее гражданин может получить денежное вознаграждение до 30 тыс. долларов в случае обращения в специально созданный Центр бюджетных расходов с обоснованием повышения эффективности той или иной статьи бюджетных расходов¹⁵. В Китае избранным для совещательного бюджетирования гражданам выплачивалось денежное вознаграждение в сумме 50 юаней и на время работы по отбору проектов предоставлялось бесплатное питание и проезд [28].

Таким образом, проведенное исследование указывает на то, что сложности реализации партисипаторного бюджетирования на территориальном уровне в России обусловлены действием ряда препятствующих факторов, которые порождают те или иные проблемы (табл. 8).

На основе проведенного анализа использования инструментов партисипаторного бюджетирования в России, а также успешных зарубежных практик в этой области мы предлагаем рекомендации для государственных органов власти и местного самоуправления по развитию инструментов партисипаторного бюджетирования в разрезе выявленных факторов.

1. Для создания методологической, методической и нормативно-правовой основы реализации инструментов партисипаторного бюджетирования следует:

- формулировать вопрос, выносимый на референдум, таким образом, чтобы в нем отражался не только факт установления разового платежа, но и его цель, размер (с учетом льготных категорий граждан), способ оплаты и направления расходования;

- разработать методологию и методический инструментарий отбора проектов для самообложения в рамках конкретных населенных пунктов;

- принять законодательные нормы для случаев нарушения хода реализации проекта, выявленных гражданами.

2. Повышение эффективности построения четырехсторонней доверительной коммуникации между всеми участниками партисипаторного бюджетирования требует:

- публичного размещения в СМИ (на официальном сайте / в другом интернет-источнике / на информационных стендах / в газете и т. д.) и постоянного обновления информации о реализуемых проектах, суммах собранных средств, отчетах об их использовании с прикреплением соответствующих документов;

- проведения органами местного самоуправления разъяснительной работы о цели,

¹⁵ D-Brain in South Korea. The World Bank Group. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/d-brain-in-south-korea>

Таблица 8. Ключевые факторы, сдерживающие развитие партисипаторного бюджетирования в России

Фактор	Проблемы
Отсутствие методологической, методической и нормативно-правовой основы реализации инструментов партисипаторного бюджетирования	Проблемы подготовки процедуры референдума при самообложении
	Отсутствие методологии отбора проектов для самообложения
	Отсутствие регламентированной процедуры контроля за расходованием собранных средств
Недостаточная эффективность построения четырехсторонней доверительной коммуникации между всеми участниками партисипаторного бюджетирования	Недостаточная транспарентность хода реализации проекта
	Недостаточная информированность населения
	Принятие гражданином решения голосовать «против» ввиду непонимания формулировки выносимого на референдум вопроса
Слабое использование и развитие цифровых технологий	Незначительные объемы собранных финансовых ресурсов не стимулируют к развитию партисипаторного бюджетирования
	Высокие затраты на организацию референдума при самообложении*.
	Признание итогов голосования несостоявшимися из-за невысокой явки населения
Недостаточно развитая система финансового (бюджетного) образования граждан	Отсутствие прозрачной процедуры контроля над расходованием собранных средств
	Незнание или смутное представление населения об инструментах партисипаторного бюджетирования, а также нежелание участвовать из-за отсутствия достаточных для успешного участия знаний и навыков
* Доля затрат на проведение референдума может быть сопоставимой с собранными средствами граждан. Так, в Ленинградской области расход на подготовку референдума о самообложении на 1 избирателя в среднем равен 100 руб. при установлении разовых платежей в сумме 100 руб. Источник: составлено автором.	

способе сбора, порядке расходования денежных средств;

- предоставления населению возможности принимать участие в формулировке выносимого на референдум вопроса, например путем интернет-голосования;

- развития механизмов софинансирования с участием бюджетов разного уровня, в т. ч. при оценке эффективности государственного управления и местного самоуправления;

- прямого финансового стимулирования граждан к участию в партисипаторном бюджетировании.

3. В целях использования и развития цифровых технологий следует:

- осуществить цифровизацию процедуры местного референдума (замена электронным голосованием с высоким уровнем верификации);

- разработать и внедрить в практику интернет-портал, предполагающий гражданское участие в мониторинге реализации проекта.

4. Для развития системы финансового (бюджетного) образования граждан, нацеленного на обеспечение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для активного гражданского участия, важно на территориальном уровне осуществить организацию регулярных обучающих мероприятий для органов местного самоуправления и населения по бюджетным вопросам.

Безусловно, реализация обозначенных мер потребует слаженной, целенаправленной системной работы на всех уровнях власти и управления, что будет способствовать развитию инструментов партисипаторного бюджетирования в России, в свою очередь расширяя бюджетный потенциал территорий за счет дополнительных неналоговых поступлений и повышения эффективности расходования бюджетных средств.

В заключение стоит отметить, что партисипаторное бюджетирование рассматривается в мировой практике как перспективный демократический инновационный механизм вовлечения населения в деятельность

государства, в частности в бюджетный процесс. Исследование показало, что в России инструменты инициативного участия населения еще не получили повсеместного распространения, однако усиленно развиваются в отдельных регионах. Несмотря на то что партисипаторное бюджетирование является децентрализованным управленческим инструментом, крайне важно определить подходы к его реализации на федеральном уровне. В значительной мере это относится к нормативно-правовому закреплению базовых основ, пониманию долгосрочных перспектив развития, вопросам консолидации финансовых ресурсов, развитию си-

стемы бюджетного образования граждан. Результаты проведенного исследования получены при систематизации и анализе ключевых аспектов развития партисипаторного бюджетирования в мировой и отечественной практике, а также определении субъективных характеристик (в том числе на основании социологического опроса) вовлечения населения в бюджетный процесс, следовательно, обладают научной новизной и могут найти практическое применение. Также они могут быть полезны исследователям, органам власти и местного самоуправления в рамках развития инструментов партисипаторного бюджетирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 229 с.
2. Синельников-Мурылев С., Кадочников П., Идрисов Г. Налог на прибыль предприятий: анализ реформы 2001 года и моделирование налогового потенциала регионов. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 180 с.
3. Печенская М.А. Уровень бюджетно-налоговой компетенции территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 101–114.
4. Печенская М.А. Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 61–73. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.4
5. Weiss L.W. Advertising, Profits, and Corporate Taxes. *The Review of Economics and Statistics*, 1969, vol. 51, no. 4, pp. 421–430.
6. Bird R.M., Martinez-Vazquez J., Torgler B. Societal institutions and tax effort in developing countries. *IMF Working Paper*, 2004.
7. Coleman S., Sampalo R.C. Sustaining a Democratic Innovation: a Study of Three E-participatory Budgets in Belo Horizonte. *Information, Communication & Society*, 2017, vol. 20, no. 5, pp. 754–769.
8. Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A. Participatory Budgeting in Europe: Potentials and Challenges. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2008, vol. 32, no. 1, pp. 164–178. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2008.00777.x
9. Hwang J., Song D. *Participatory Budgeting in Korea: A Focus on Participatory Budgeting in YeonsuGu, Incheon*. International Strategy Center Research Paper 1, 2013.
10. Koonings K. Strengthening Citizenship in Brazil's Democracy: Local Participatory Governance in Porto Alegre. *Bulletin of Latin American Research*, 2004, vol. 23, no. 1, pp. 79–99.
11. Wampler B. *Participatory Budgeting in Brazil: Contestation, Cooperation, and Accountability*. Pennsylvania State University Press, 2010. 280 p.
12. Химичева Н.И. Основные принципы финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М, 1999. 77 с.
13. Очерки бюджетно-правовой науки современности: монография / под общ. ред. Е.Ю. Грачевой, Н.П. Кучерявенко. М.; Харьков: Право, 2012. 512 с.

14. Миронова С.М. Формы участия граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований и практика их реализации // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2017. № 3. С. 30–35.
15. Миронова С.М., Жемчужников А.А. Нормативное закрепление принципа участия граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2017. № 3 (42). С. 15–23.
16. Журавлева О.О. Правовая природа самообложения // Финансовое право. 2012. № 10. С. 2–7.
17. Королева М.Н. Эволюция правового регулирования самообложения граждан // Финансовое право. 2011. № 2. С. 23–29.
18. Вагин В.В. Теоретические аспекты развития инициативного бюджетирования в России // Финанс. журн. 2016. № 3 (31). С. 105–114.
19. Сивинцева О.В., Будник К.В. Партисипаторные инструменты в субъектах РФ: самообложение граждан и инициативное бюджетирование // *ArsAdministrandi* (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 1. С. 96–127. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-96-127
20. Zhang Yahong, Liao Yuguo. Participatory Budgeting in Local Government. *Public Performance & Management Review*, 2011, vol. 35, no. 2, pp. 281–302.
21. Wampler B. *Participatory Budgeting in Brazil: Contestation, Cooperation, and Accountability*. Pennsylvania State University Press, 2010. 280 p.
22. Черкасова Ю.И. Самообложение граждан: проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. № 10. С. 221–230.
23. Hwang J., Song D. *Participatory Budgeting in Korea: A Focus on Participatory Budgeting in Yeonsu-Gu, Incheon*. International Strategy Center. Research Paper 1, 2013. P. 12. Available at: https://solidaritystorieskr.files.wordpress.com/2013/10/participatory-budgeting_e1848be185a7e186bce18486e185aee186abe1848ee185ace1848ce185a9e186bce18487e185a9e186ab.pdf
24. Justino P. Two Faces of Participation: the Story of Kerala. *PRUS Working Papers*, 2003, no. 19. 31 p. Available at: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=wp19.pdf&site=260>
25. Цуркан М.В., Любарская М.А., Наумова О.А. Повышение бюджетной грамотности населения сельских территорий в рамках инициативных проектов // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. 2017. № 2 (148). С. 88–100.
26. Иванова О.Б., Денисенко С.Н. Бюджетная грамотность населения – необходимое условие развития муниципальных образований // Финанс. иссл. 2016. № 2 (51). С. 79–85.
27. Филатова И.И. Налоговые отношения в гражданском обществе // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 12 (34). С. 261–266.
28. He B. Civic Engagement through Participatory Budgeting in China: Three Different Logics at Work. *Public Administration and Development*, 2011, vol. 31, iss. 2, pp. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.1002/pad.598>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Александровна Печенская-Полищук – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru

Pechenskaya-Polishchuk M.A.

PARTICIPATORY BUDGETING DEVELOPMENT AS TERRITORY'S BUDGET POTENTIAL GROWTH FACTOR

The article is devoted to participatory budgeting as a relevant factor contributing to the growth of territories' budget potential in the modern world practice. The aim of the work is to identify the factors hindering the development of participatory budgeting in Russia. To achieve this goal, a set of scientific methods was used: statistical analysis, comparative analysis, and sociological methods. It is proved that participatory budgeting can become an effective tool for increasing the efficiency of forming and using the territory's budget potential to improve the quality of life of the population. It is noted that in the Russian Federation, self-taxation and initiative budgeting (people's budget, people's initiative, youth budget, etc.) correspond to the tasks of involving the population in the budget process. Based on the reports of the Federal Treasury of Russia, state authorities and local governments, the development of self-taxation and initiative budgeting is analyzed in dynamics. This made it possible to reveal the trend of accelerated growth of participatory budgeting tools in certain regions of the Russian Federation. Using sociological methods allowed us to study the perception of self-taxation and initiative budgeting in the population estimates. The examples of successful practices in the development of participatory budgeting in some foreign countries (in particular, in India and South Korea) are presented. They can be used when developing participatory budgeting in Russia. The scientific novelty of the research consists in identifying the key factors hindering the development of participatory budgeting in the Russian Federation, and suggesting appropriate ways to minimize them. The materials of the article can be used by teachers of higher educational institutions in the course of training, by researchers as a research base. The results of the work can also be taken into account when implementing the budget process at the municipal level.

Civic activism, initiative budgeting, self-taxation, people's budget, local budget, local self-government, participatory budgeting, civic participation.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Pechenskaya-Polishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of Laboratory, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.5

УДК 332.1:336.76 | ББК 65.26

© Харионовская Т.Л., Никитина Н.А.

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ФОНДОВОГО РЫНКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА ХАРИОНОВСКАЯ

Вологодский государственный университет
Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: harionovskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5603-4830

НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА НИКИТИНА

Вологодский государственный университет
Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: nikitina.vologda@list.ru
ORCID: 0000-0003-2583-6720

Статья посвящена разработке механизма создания и функционирования внутрорегионального социально ориентированного фондового рынка Вологодской области, нацеленного на повышение инвестиционной активности населения. Сбережения граждан являются важным инвестиционным ресурсом, который в настоящее время недостаточно используется для развития экономики региона. Основная часть сбережений населения Вологодской области сосредоточена в виде депозитов коммерческих банков, обеспечивающих низкую доходность по вкладам физических лиц. Развитие регионального фондового рынка позволит реинвестировать временно свободные денежные средства домохозяйств в более выгодные для населения финансовые инструменты. В работе выполнен анализ уровня развития рынка ценных бумаг Вологодской области, оценена инвестиционная активность населения региона, выявлен значительный потенциал для трансформации сбережений в инвестиции. Авторами разработан механизм внутрорегионального социально ориентированного фондового рынка Вологодской области, учитывающего, в первую очередь, интересы населения и эмитентов долговых и/или долевых ценных бумаг посредством роли

Для цитирования: Харионовская Т.Л., Никитина Н.А. Развитие регионального фондового рынка как инструмент повышения инвестиционной активности населения Вологодской области // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 67–82. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.5

For citation: Kharionovskaya T.L., Nikitina N.A. Regional stock market development as a tool for increasing investment activity of the Vologda Oblast population. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 67–82. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.5

специально созданного государственного органа «Комитет развития регионального рынка ценных бумаг». Он будет выступать посредником между эмитентами и инвесторами, обеспечивая эмитентам доступ к более дешевым, нежели банковский кредит, дополнительным источникам финансирования и компенсацию затрат на эмиссию, а инвесторам гарантируя повышенную, по сравнению с банковским депозитом, доходность и возвратность вложенных средств. При таком механизме региональным коммерческим банкам отводится роль профессиональных участников рынка ценных бумаг. Результатом реализации предложенного механизма должно стать привлечение денежных средств населения в инвестиционные проекты региональных компаний. В масштабах области его внедрение будет способствовать увеличению налоговых доходов областного бюджета, развитию инвестиционного потенциала региона, повышению уровня жизни населения.

Региональный фондовый рынок, инвестиционная активность населения, трансформация сбережений населения в инвестиции.

Изучению проблем трансформации сбережений населения в инвестиции посвящены труды многих авторов. Все они едины во мнении, что формирование финансовых потоков «от сбережений населения к реальным инвестициям» способствует устойчивому развитию финансовой системы и экономики в целом как отдельных регионов и территорий России, так и всей страны. Одним из эффективных инструментов для привлечения ресурсов домашних хозяйств в реальный сектор экономики субъекта РФ выступает региональный фондовый рынок [1, с. 88; 2, с. 106; 3, с. 65; 4, с. 58; 5, с. 344; 6, с. 210; 7, с. 136; 8, с. 600 и др.].

Цель работы – исследовать процессы трансформации сбережений населения в инвестиции и разработать механизм формирования регионального фондового рынка как одного из инструментов стимулирования инвестиционной активности населения Вологодской области.

Задачи исследования:

- оценить уровень развития регионального фондового рынка Вологодской области;
- изучить инвестиционную активность и инвестиционный потенциал населения региона, перспективные возможности трансформации сбережений населения в инвестиции;
- разработать эффективный механизм формирования фондового рынка Вологодской области, нацеленный на активизацию инвестиционной активности населения.

Научной новизной выступает предлагаемый авторами механизм становления и развития социально ориентированного внутрирегионального фондового рынка Вологодской области, представляющего, в первую очередь, интересы инвесторов – населения региона.

Оценить актуальность предлагаемого механизма для экономики региона позволяет исследование текущего состояния фондового рынка области, инвестиционной активности и инвестиционного потенциала населения территории.

Анализ статистических данных Банка России (табл. 1) свидетельствует о том, что в Российской Федерации ведущие позиции по количеству и объему эмиссий занимают хозяйствующие субъекты Центрального и Северо-Западного федеральных округов, при этом в составе СЗФО основные эмитенты ценных бумаг сконцентрированы в г. Санкт-Петербурге. Вологодская область находится на четвертом месте в округе по числу эмитентов (графа 7 таблицы 1), но лишь на восьмом из десяти по объему эмиссии (графа 13 таблицы 1).

За исследуемый период было зарегистрировано 83 выпуска корпоративных эмиссионных ценных бумаг, из них 76 выпусков акций и 6 выпусков облигаций, объемами 6742,5 млн руб. и 2500 млн руб. соответственно. В Вологодской области основным участником фондового рынка являются коммерческие банки. Активными клиентами на брокерском обслуживании кредитных

Таблица 1. Показатели эмиссионной активности хозяйствующих субъектов Российской Федерации и отдельных территорий РФ за 2015–2019 гг.

Субъект РФ	Количество эмиссий						Объем эмиссий, млн руб.					
	год					в целом за 5 лет	год					в целом за 5 лет
	2015	2016	2017	2018	2019		2015	2016	2017	2018	2019	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Российская Федерация	3180	2647	2516	2377	2441	13161	3738,5	2183,7	1983,8	2312,9	4058,8	14277,6
ЮФО	118	140	119	149	121	647	32,2	74,5	30,9	39,3	64,8	241,6
СКФО	26	34	51	30	29	170	9,6	46,8	20,9	22,0	16,0	115,3
ПФО	411	346	291	263	240	1 551	265,6	178,8	117,1	59,4	91,1	712,1
УФО	196	187	176	138	124	821	165,7	121,0	56,3	39,6	47,0	429,7
СФО	232	196	166	160	159	913	55,9	108,8	36,5	48,5	63,1	312,7
ДФО	152	140	129	140	112	673	160,9	93,5	81,0	273,7	254,3	863,3
ЦФО	1458	1284	1234	1141	1284	6401	2743,8	1427,0	1495,0	1692,1	3226,6	10584,5
СЗФО, в том числе:	368	312	350	356	372	1 758	294,2	133,1	146,0	138,3	295,9	1 007,6
г. Санкт-Петербург	241	197	242	235	255	1 170	251,4	93,8	129,7	114,8	251,2	840,8
Калининградская область	20	9	19	27	35	110	3,9	9,2	5,2	1,4	20,8	40,5
Мурманская область	23	23	9	18	10	83	13,2	1,6	3,5	2,6	0,5	21,5
Архангельская область	13	12	14	6	5	50	3,9	3,8	4,4	5,5	3,7	21,4
Республика Коми	12	6	7	3	9	37	8,4	0,0	1,8	2,3	3,3	15,8
Ленинградская область	29	22	30	28	21	130	2,5	2,3	3,7	2,5	1,8	12,8
Новгородская область	11	4	2	7	7	31	9,3	0,6	0,2	0,3	1,0	11,5
Вологодская область	10	22	15	18	18	83	1,3	2,8	0,6	2,8	1,8	9,2
Республика Карелия	5	7	5	8	7	32	0,1	7,1	0,0	0,1	0,2	7,6
Псковская область	4	10	7	6	5	32	0,2	0,3	0,2	0,2	0,1	0,9

Источник: статистические данные Банка России.

организаций выступают 20590 участников с общим объемом портфеля 9622,7 млн руб. Некредитные финансовые организации (НФО) привлекли средства 10880 физических лиц общим объемом портфеля 7816,0 млн руб. и 72 юридических лиц в объеме 754,2 млн руб.¹

Несмотря на достигнутые показатели, на сегодняшний день состояние регионального фондового рынка не отвечает потребностям экономики области. Еще в 2004 году Постановлением Правительства Вологодской области от 31 мая 2004 года утверждены основные направления развития

¹ Официальные статистические данные Банка России.

финансового рынка региона на 2004–2010 гг.², в которых уделено внимание и вопросам развития рынка ценных бумаг региона. Результатами реализации утвержденных мероприятий должны были стать создание в области условий для выхода предприятий на рынок ценных бумаг, привлечение денежных средств населения, увеличение числа профессиональных участников рынка ценных бумаг, выработка оптимального механизма региональных заимствований. На сегодняшний день ни одна из целевых установок не достигнута. Кроме того, в более позднем по сроку утверждения целеполагающем документе – «Стратегия развития Вологодской области до 2030 года»³ – вопрос развития регионального фондового рынка не затрагивается.

Как справедливо замечает С.Л. Калинина [9], в регионе принят ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих инвестиционную деятельность (Закон Вологодской области «О развитии малого и среднего предпринимательства» от 5 декабря 2008 года № 1916-ОЗ, Закон Вологодской области «О государственном регулировании инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, на территории Вологодской области» от 8 мая 2013 года № 3046-ОЗ и пр.). Они «предоставляют субъектам инвестиционной деятельности формы государственной поддержки, в том числе налоговые льготы, государственные гарантии, залоговое обеспечение, инвестиционный налоговый кредит и др. Помимо существующей нормативно-правовой базы в Вологодской области активно функционируют региональные институты, деятельность которых во многом направлена на повышение инвестиционной привлекательности области (ОАО «Корпорация развития Вологодской области», АНО «Мой бизнес» (включая региональный центр поддержки предпринимательства – РЦПП) и пр.)». Однако нельзя не отметить тот факт, что все действующие законопроекты и институты

нацелены на активизацию инвестиционного потенциала юридических лиц, тогда как вопрос создания механизма, вовлекающего жителей области в инвестиционные процессы региона, остается нерешенным.

Таким образом, мы согласны с позицией Л.А. Чалдаевой и И.Н. Федоренко, утверждающими, что в регионе существует объективная необходимость разработки стратегической программы «Развитие рынка ценных бумаг Вологодской области» на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Ее задачами будут являться выработка доверительного отношения к нему со стороны населения, формирование лояльного отношения к фондовому рынку со стороны управленческого корпуса предприятий, формирование широкого круга специалистов, информированных о законах функционирования рынка ценных бумаг, и пр. [10, с. 22]. Стратегия государственного регулирования фондового рынка на уровне региона должна быть направлена, в первую очередь, на развитие рынка ценных бумаг, отвечающего региональным интересам и обеспечивающего преимущественное привлечение частных инвестиций в экономику. Такими инвестициями могут и должны стать сбережения населения области. Оценка ежегодного приращения их размера и динамика за период с 2011 по 2018 год представлены в *табл. 2*.

Ежегодный прирост сбережений населения за исследуемый период времени увеличился практически в три раза. При этом доля прироста сбережений в объеме валового регионального продукта Вологодской области в 2011–2018 гг. увеличилась с 4,96 до 7,66%, или почти в два раза (*табл. 3*).

Однако обращает на себя внимание снижение данного показателя в последние три года: за период с 2016 по 2018 год доля прироста сбережений в ВРП сократилась с 17,07 до 7,66%. Подобная тенденция была вызвана воздействием двух факторов: ростом номинального размера ВРП региона на 22% и уменьшением размера сберегаемых доходов

² Постановление Правительства Вологодской области от 31 мая 2004 г. № 512 «Об утверждении Основных направлений развития финансового рынка Вологодской области на 2004–2010 годы».

³ Постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920 «О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года».

Таблица 2. Динамика доходов, расходов и прироста сбережений населения Вологодской области за 2011–2018 гг.

Год	Доходы населения			Расходы населения			Прирост сбережений населения		
	абсолютное значение, млн руб.	темп роста, %		абсолютное значение, млн руб.	темп роста, %		цепное абсолютное значение, млн руб.	темп роста, %	
		цепной	базисный		цепной	базисный		цепной	базисный
2011	225161	–	–	209142	–	–	16019	–	–
2012	262200	116,5	116,5	251408	120,2	120,2	10792	67,4	67,4
2013	272305	103,9	120,9	248434	98,8	118,8	23871	221,2	149,0
2014	311765	114,5	138,5	274285	110,4	131,1	37480	157,0	234,0
2015	356679	114,4	158,4	288497	105,2	137,9	68182	181,9	425,6
2016	378527	106,1	168,1	297073	103,0	142,0	81454	119,5	508,5
2017	367109	97,0	163,0	305422	102,8	146,0	61687	75,7	385,1
2018	379546	103,4	168,6	334912	109,7	160,1	44634	72,4	278,6

Источник: данные Росстата.

Таблица 3. Сопоставление размера прироста сбережений населения Вологодской области с валовым региональным продуктом за 2011–2018 гг.

Показатель	Значение показателя по годам							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Валовой региональный продукт (ВРП), млн руб.	323 068	355 291	346 228	387 212	478 893	477 220	508 768	582 630
Увеличение размера сбережений населения, млн руб.	16 019	10 792	23 871	37 480	68 182	81 454	61 687	44 634
Доля прироста сбережений в объеме ВРП, %	4,96	3,04	6,89	9,68	14,24	17,07	12,12	7,66
Цепной темп увеличения (снижения) доли прироста сбережений в объеме ВРП, %	–	-38,71	126,64	40,49	47,11	19,87	-29,00	-36,80

Источник: данные Росстата.

физических лиц на 35% за указанный период времени.

Наибольший удельный вес в структуре использования населением Вологодской области доходов на протяжении семи анализируемых лет принадлежит расходам на приобретение товаров и услуг (табл. 4): в 2012 году данный показатель составил 66,8%, затем с 2013 к 2016 году наблюдалось постепенное снижение его численного значения с 66,8 до 65,7%. Однако в 2017–2018 гг. использование доходов населением Вологодской области на приобретение товаров и услуг увеличилось с 65,7 до 73,9%, т. е. почти на 10 п. п. При этом

заметно упала доля расходов на формирование сбережений (с 21,5% в 2016 году до 11,8% в 2018 году) и покупку иностранной валюты (к концу 2018 года на эту статью расходов приходится лишь 1% совокупного дохода жителей Вологодской области).

Анализ панельных данных, касающихся динамики доли прироста сбережений в объеме ВРП по регионам и отдельным территориям России за 2011–2018 гг., свидетельствует о значительной нестабильности изучаемого показателя в преобладающем большинстве регионов страны. Так, например, в одном из крупнейших городов федерального зна-

Таблица 4. Структура использования денежных доходов населением
Вологодской области за 2012–2018 гг., %

Статья использования денежных доходов	Год						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Покупка товаров и оплата услуг	66,8	74,8	72,5	67,3	65,7	70,2	73,9
Обязательные платежи и разнообразные взносы	12,9	14,8	14,1	12,3	11,5	12,1	13,3
Сбережения	18,1	8,8	12,0	19,1	21,5	16,9	11,8
Покупка валюты	2,2	1,6	1,4	1,3	1,3	0,8	1
Всего денежных доходов	100	100	100	100	100	100	100
Источник: данные Росстата.							

чения – Санкт-Петербурге – снижение доли сбережений населения в объеме ВРП в 2016 году составило практически два раза к уровню предыдущего года, а в 2017 году – еще 1,2 раза. В 2018 году оно сменилось ростом изучаемого показателя на 41,2%. Экономика Москвы продемонстрировала в 2016 году увеличение доли сбережений в объеме ВРП на 92,8%, а уже в 2017 и 2018 гг. рост сменился падением показателя на 45,0 и 170,1% соответственно. На фоне столь «хаотичной» динамики сберегаемых доходов населения регионов и отдельных территорий России жители Вологодской области все еще демонстрируют сберегательное поведение – откладывают денежные средства за рамки текущего потребления. Аналогичное поведение характерно и для населения соседних по отношению к Вологодской области регионов (Архангельской и Ленинградской областей), Северо-Западного федерального округа и России в целом (рис. 1).

Для характеристики инвестиционного поведения жителей отдельных территорий авторами разработан индекс динамики инвестиционной активности населения, вычисляемый посредством соотнесения цепных годовых темпов роста дефлированных значений объемов организованных сбережений населения и его реальных располагаемых денежных доходов. Численное значение полученного показателя сравнивается с общероссийским уровнем и позволяет отнести конкретный субъект или территорию РФ к одной из пяти классификационных групп:

от группы 1 с самым высоким по стране значением индекса динамики инвестиционной активности населения в текущем году до группы 5 с самым низким значением индекса (табл. 5).

Согласно данным таблицы 5, переломным с позиции инвестиционного поведения жителей большинства федеральных округов и регионов России стал 2016 год: до указанного периода времени население демонстрировало ежегодное повышение интереса к вложению сбережений в депозиты банков и ценные бумаги, тогда как после 2016 года среди объектов исследования выделились территории, население которых снизило свою инвестиционную активность. В число таких субъектов РФ вошла и Вологодская область.

С 2013 по 2018 год заметно изменились направления использования сбережений жителями Вологодской области: к концу 2018 года преобладающая величина сбережений осталась в виде наличных денежных средств «на руках» у населения. Вторым по значению источником вложения средств оказались депозиты банков, тогда как вложение в приобретение государственных ценных бумаг имеет отрицательную динамику (рис. 2).

В связи с этим создание социально ориентированного фондового рынка, способного обеспечить высокую доходность по сбережениям населения, трансформированным в инвестиции, по мнению авторов, является крайне своевременной мерой, которая по-

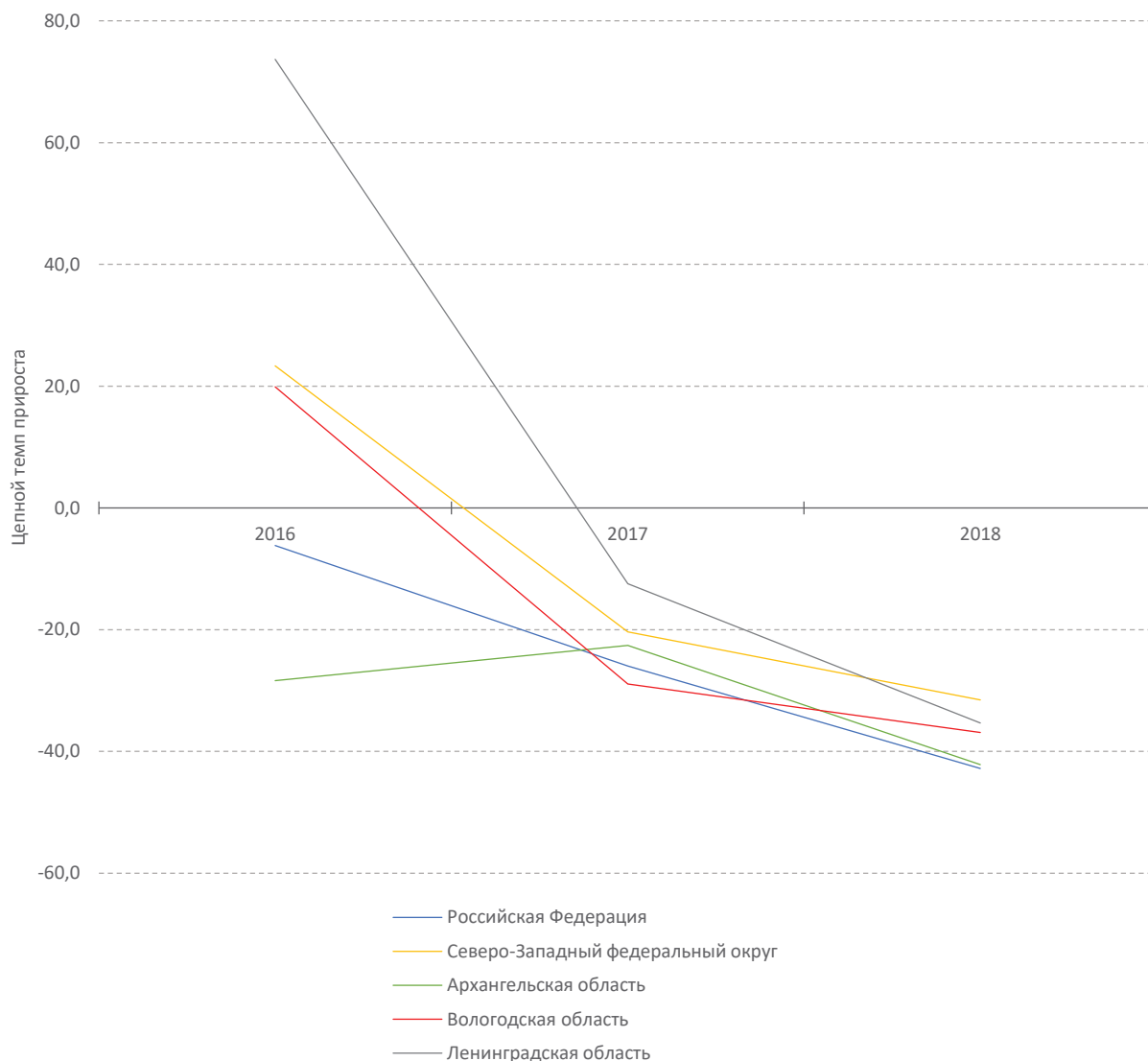

Рис. 1. Цепной темп увеличения (снижения) доли сбережений населения в объеме ВРП отдельных субъектов и территорий Российской Федерации, %
 Источник: данные Росстата.

зволит сохранить сберегательное и стимулировать инвестиционное поведение жителей региона (восстановить его инвестиционную активность до «высокого» уровня, достигнутого в 2016 году).

Население Вологодской области обладает как свободными, так и организованными финансовыми ресурсами (в виде денежной наличности и вкладов на депозитах банков). Они могут представлять собой дополнительный источник финансирования реального сектора экономики региона. Однако в настоящее время в регионе отмечается низкая активность населения по вложению

собственных сбережений в различные инструменты, предлагаемые на финансовом рынке. Это суждение подтверждается результатами социологических опросов, проведенных ФГБУН ВолНЦ РАН по программе «Исследование сберегательного поведения населения» [11, с. 102, 104]. Согласно его результатам, доля респондентов, имеющих акции, другие ценные бумаги компаний, фондов, страховые полисы, постепенно сокращается и находится на уровне чуть более 3%. Столь низкий уровень инвестиционной активности связан со следующими сдерживающими факторами:

Таблица 5. Классификация регионов и территорий России по индексу динамики инвестиционной активности населения в 2014–2018 гг.

Субъект РФ	Классификация регионов и территорий России по индексу динамики инвестиционной активности населения					Группа 2016/2014 гг.	Группа 2018/2016 гг.
	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год		
ЮФО	3	3	1	1	1	повысилась	не изменилась
СКФО	2	2	1	1	1	повысилась	не изменилась
ПФО	3	3	2	1	1	повысилась	повысилась
УФО	4	3	2	1	1	повысилась	повысилась
СФО	4	3	2	1	1	повысилась	повысилась
ДФО	3	3	1	1	1	повысилась	не изменилась
ЦФО	4	4	2	2	1	повысилась	повысилась
СЗФО, в том числе:	4	4	1	1	1	повысилась	не изменилась
Ленинградская область	2	1	1	1	1	повысилась	не изменилась
Мурманская область	4	4	1	1	1	повысилась	не изменилась
Республика Карелия	4	2	1	1	1	повысилась	не изменилась
Республика Коми	5	4	2	1	1	повысилась	повысилась
Архангельская область	4	3	2	1	1	повысилась	повысилась
г. Санкт-Петербург	4	5	2	2	1	повысилась	повысилась
Калининградская область	3	5	2	1	2	повысилась	не изменилась
Новгородская область	3	3	1	1	2	повысилась	понижилась
Псковская область	4	4	1	1	2	повысилась	понижилась
Вологодская область	3	2	1	2	2	повысилась	понижилась
Преобладающее число регионов и территорий расположено в группе по индексу динамики инвестиционной активности населения	ниже общероссийского уровня	на общероссийском уровне	выше общероссийского уровня	на высоком уровне	на высоком уровне	×	×

Примечание: 1 группа – численное значение индекса динамики инвестиционной активности населения находится на высоком уровне; 2 группа – на уровне выше общероссийского; 3 группа – на общероссийском уровне; 4 группа – на уровне ниже общероссийского; 5 группа – на низком уровне.
Источник: составлено авторами.

– получение инвестиционного дохода (по акциям и другим ценным бумагам) не входит в число главных мотивов, определяющих поведение домохозяйств Вологодской области [12, с. 145];

– низкий уровень финансовой грамотности населения [4, с. 57; 13, с. 280];

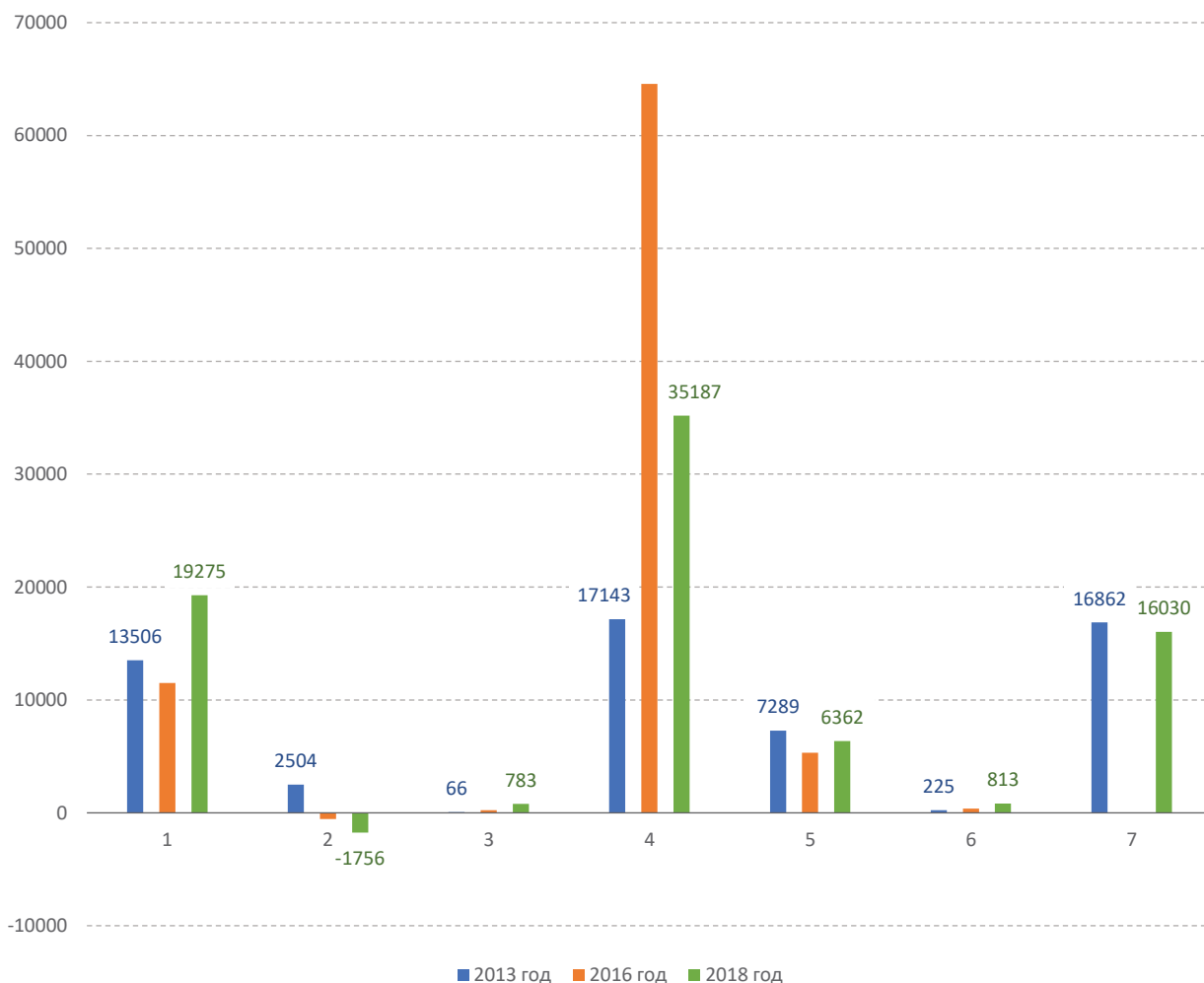
– недоверие к современным финансовым институтам [4, с. 57];

– отсутствие действующих эффективных механизмов трансформации сбережений населения в инвестиции [4; 6; 7];

– слабая развитость и низкая эффективность инструментов регионального фондового рынка [14, с. 30];

– отсутствие развитого информационного пространства для продвижения финансовых продуктов [15, с. 32].

Формирование регионального фондового рынка, нацеленного на стимулирование инвестиционной активности населения региона, является одним из условий развития экономики Вологодской области.

1 – прирост (уменьшение) сбережений во вкладах на счетах в банках
 2 – прирост (уменьшение) сбережений в государственных и других ценных бумагах
 3 – прирост (уменьшение) средств на счетах индивидуальных предпринимателей

4 – прирост (уменьшение) наличных денег на руках у населения
 5 – расходы на покупку недвижимости (включая скот и птицу)
 6 – прочие сбережения
 7 – прирост (уменьшение) задолженности по кредитам

Рис. 2. Направления использования сбережений населения Вологодской области в 2013, 2016 и 2018 гг., млн руб.

Источник: данные Росстата.

В научном сообществе достаточно большое количество исследований направлено на изучение проблем развития региональных фондовых рынков. Однако вопросам разработки механизма, связанного со становлением регионального рынка ценных бумаг, и его использования в качестве действенного инструмента управления инвестиционной активностью населения, при-

влечения и эффективного использования инвестиционных ресурсов домохозяйств уделяется недостаточное внимание. Так, А.Н. Фатыхов [16, с. 142] рассматривает региональный фондовый рынок с позиции экономической теории как систему, состоящую из двух уровней: межрегионального и внутрирегионального. Межрегиональный уровень должен отвечать за доступ к тор-

гам большого количества внешних участников рынка (бирж, региональных дилеров, небанковских кредитных организаций, осуществляющих расчеты, и пр.). Внутрорегиональный уровень должен быть нацелен на реализацию отношений инвесторов, дилеров, профессиональных участников рынка ценных бумаг и пр. При этом не раскрывается механизм становления и взаимодействия данных уровней системы. Ряд научных исследований – работы Д.А. Вавулина [17, с. 43], S.I. Berlin [18, с. 14] – также не затрагивает сущность механизма формирования регионального фондового рынка, но рассматривает проблемы его становления, обосновывая необходимость и важность его развития для экономики региона в целом и бизнес-структур в частности, выделяя в качестве приоритетной «экономическую» функцию фондового рынка субъекта РФ. А.А. Миллер [19, с. 7], И.Г. Горловская [20, с. 24], А.А. Хрысева [21, с. 4] и Б.Б. Подгорный [22, с. 154] в дополнение к экономической наделяют фондовый рынок и «социальной» функцией, подчеркивая значимость его формирования для повышения уровня и качества жизни населения региона, роста числа граждан, относимых к так называемому «среднему классу». Сочетает концепцию создания внутрорегионального рынка ценных бумаг, изложенную А.Н. Фатыховым [16], и концепцию социальной направленности фондового рынка предлагаемый нами механизм становления и развития социально ориентированного внутрорегионального фондового рынка Вологодской области, представляющего, в первую очередь, интересы инвесторов – населения региона.

Этот механизм рассматривается с пяти позиций (по числу сторон – участников фондового рынка). Для каждой из сторон определяется возможная роль в деятельности регионального рынка ценных бумаг, оцениваются преимущества и возможные проблемы при его функционировании.

Сторона 1. Государственный орган

По нашему мнению, роль организации регионального фондового рынка и поддер-

жание его функционирования, т. е. выполнение роли андеррайтера, необходимо возложить на вновь созданный «Комитет развития регионального рынка ценных бумаг» (КР РЦБ) под патронажем Департамента стратегического планирования Вологодской области.

Новый государственный орган должен иметь собственное финансирование из регионального бюджета и в части реализации мероприятий стратегической программы «Развитие рынка ценных бумаг Вологодской области» выполнять следующие функции:

1) для представителей бизнес-сообщества, ведущих деятельность в отраслях экономики, определенных Департаментом стратегического планирования области в качестве приоритетных [23, с. 121]:

- выдавать поручительство КР РЦБ в размере номинала облигации и купонного дохода на весь срок размещения (в пределах утвержденного лимита);

- устанавливать дополнительный процент доходности по облигациям данных эмитентов;

- субсидировать эмитентам, размещающим долговые и/или долевыми ценные бумаги, стоимость первичной эмиссии;

2) своевременно освещать информацию о появляющихся предложениях на рынке ценных бумаг, номинале и доходности размещаемых финансовых инструментов [24, с. 165];

3) информировать всех заинтересованных лиц о текущем состоянии фондового рынка региона;

4) проводить мониторинг финансового состояния эмитента [25, с. 65];

5) выступать правовым гарантом законности сделок, совершаемых на фондовом рынке региона;

6) консультировать инвесторов, эмитентов, профессиональных участников рынка ценных бумаг и коммерческие банки по широкому спектру вопросов;

7) вести региональный рейтинг эмитентов и профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Сторона 2. Эмитенты ценных бумаг

Как известно, эмиссия ценных бумаг может осуществляться юридическими лицами, имеющими разрешение на данный вид операций. Таковыми могут быть частные и государственные предприятия и организации, а также государственные и муниципальные органы власти. Преимущества создания регионального фондового рынка для каждого из эмитентов очевидны:

1) первичное удовлетворение потребности в дополнительных финансовых ресурсах и последующее повышение эффективности деятельности, а в конечном итоге – рост экономики региона и экономики страны в целом⁴ [26, с. 15];

2) формирование для субъектов предпринимательской деятельности инвестиционных ресурсов при реализации проектов, которые по своим характеристикам (срок реализации, уровень неопределенности и т. д.) не допускают привлечения заемного (кредитного) финансирования [27, с. 45];

3) снижение зависимости от банковского сектора путем привлечения большого числа инвесторов;

4) возможность досрочного погашения облигационного займа при наличии свободных денежных ресурсов.

Проблемы, с которыми сталкиваются эмитенты ценных бумаг, могут быть одинаковыми или заметно различаться в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица – эмитента [28, с. 5; 29, с. 2]:

1) общими для всех эмитентов ценных бумаг являются проблемы:

– неразвитости инфраструктуры регионального фондового рынка, в частности низкий уровень развития информационных технологий;

– спекулятивный характер поведения инвесторов на рынке;

2) для государственных и муниципальных органов власти основными проблемами при выпуске долговых ценных бумаг выступают:

– краткосрочный характер государственных ценных бумаг (ГЦБ): сроки пога-

шения государственных облигаций обычно составляют 1 год и менее. Как правило, это связано с высоким уровнем инфляции в стране, ограничениями бюджетного законодательства по завершению финансовых операций в течение календарного года, тогда как для эффективного использования привлеченных финансовых ресурсов и обеспечения высокой базовой доходности по облигациям для инвестора необходимо размещение облигаций средне- и долгосрочного характера;

– отсутствие унифицированных требований к налогообложению ГЦБ: в настоящее время различные виды облигаций подлежат обложению налогом по разным схемам, что заметно затрудняет процесс принятия решения о размещении на фондовом рынке того или иного вида государственных ценных бумаг;

– узкий спектр инструментов рынка государственных ценных бумаг;

3) для частных корпораций более характерны иные проблемы:

– недостаточная степень доверия к профессиональным участникам рынка ценных бумаг и коммерческим банкам;

– неспособность объявить высокий процент доходности по размещаемым ценным бумагам в связи с недостаточностью капитала, низкой оборачиваемостью активов и прочими факторами.

Решение вышеуказанных проблем также составляет функционал нового государственного органа.

Сторона 3. Коммерческие банки

Отдельный научный интерес представляет роль коммерческих банков в предлагаемом механизме формирования регионального рынка ценных бумаг. С одной стороны, данная категория юридических лиц не заинтересована в развитии социально ориентированного фондового рынка, гарантирующего инвесторам (в первую очередь населению региона) повышенные процентные ставки по обращающимся ценным бумагам, поскольку создание такого рынка повлечет отток финансовых вложений из категории

⁴ Миллер А.А. Развитие регионального рынка ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Омск, 2013. С. 3.

«депозиты коммерческих банков» в категорию «долговые и долевыми ценные бумаги», т. е. предлагаемый механизм внутрирегионального социально ориентированного фондового рынка создаст альтернативу банковской системе региона.

С другой стороны, коммерческие банки могут выступать «в роли инвесторов ... и в роли профессиональных участников рынка ценных бумаг, осуществляя брокерскую, дилерскую, депозитарную и доверительную деятельность» [30, с. 949]. Следовательно, они смогут изменить структуру активов, компенсировав падение доли активов от финансовых вложений физических лиц ростом доли инвестиционных доходов и доходов от текущих операций. Кроме того, как один из мотивационных инструментов участия коммерческих банков в разработанном механизме функционирования фондового рынка Вологодской области предлагаем ввести практику вложения финансовых средств, выделенных «Комитету развития регионального рынка ценных бумаг» в начале финансового года, в депозиты коммерческих банков «до востребования» под низкую процентную ставку. Для государственного органа данная мера будет одним из способов пополнить финансовые ресурсы на осуществление основной деятельности, а для банков – дополнительным источником формирования хоть и краткосрочного, но «дешевого» привлеченного ресурса.

Сторона 4. Инвесторы

В общем смысле роль инвестора на фондовом рынке региона может играть довольно широкий круг лиц. Однако в нашем исследовании под инвесторами в первую очередь понимаются жители Вологодской области, обладающие инвестиционным потенциалом.

Основными преимуществами предлагаемого механизма для населения региона должны стать:

- более выгодное, нежели депозитарное хранение, размещение собственных сбережений;

- участие в развитии экономики региона, в том числе посредством покупки долговых и/или долевыми ценных бумаг «знакомых» предприятий, региональных и муниципальных ГЦБ;

- высокий уровень правового контроля совершаемых сделок со стороны специально созданного государственного органа;

- простота и прозрачность механизма покупки и продажи ценных бумаг по принципу «фондового магазина» [31, с. 133], «площадки для торговли локальными финансовыми инструментами» [32, с. 361], реализуемого в том числе и посредством применения современных цифровых технологий;

- развитие вторичного рынка облигаций региональных компаний, позволяющее населению в любое время при необходимости превратить ценные бумаги в деньги без потери процентов, и пр.

Сторона 5. Профессиональные участники рынка ценных бумаг

Роли данной категории юридических лиц на фондовом рынке при предлагаемом социально ориентированном механизме не отличаются от традиционных ролей, реализуемых ими при рыночном механизме. Основные ролевые особенности закреплены за государственным органом, выступающим андеррайтером рынка ценных бумаг. По сути, предлагаемый механизм схож с описанным А.П. Соколовым «организационно-экономическим механизмом управления развития регионального центра государственно-частного партнерства». Существенным отличием является наделение государственного органа возможностью устанавливать дополнительные процентные ставки к долговым ценным бумагам эмитентов, ведущих экономическую деятельность в «прорывных» отраслях экономики региона. При этом выбор традиционных (акции, облигации) или инновационных фондовых инструментов, предложенных А.П. Соколовым (конвертируемые облигации для физических лиц и проектные облигации для юридических лиц)⁵, должен

⁵ Соколов А.П. Управление устойчивым развитием промышленных предприятий в регионе на основе государственно-частного партнерства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2018. С. 29–30.

стать правом частных инвесторов, а не их принуждением со стороны государственного органа.

Следует также отметить, что одной из функций КР РЦБ станет гарантирование возврата средств, вложенных физическими лицами – инвесторами, по примеру деятельности специализированных институтов, созданных в целях формирования единого компенсационного механизма защиты прав розничных инвесторов в США, Китае, странах Евросоюза и зарождающегося в России⁶.

Как результат, появление «Комитета развития регионального рынка ценных бумаг» (КР РЦБ), помимо самостоятельной цели – развитие регионального фондового рынка, должно стать успешным инструментом для решения проблем, препятствующих повышению инвестиционной активности населения региона. Так, исполнение КР РЦБ ин-

формационно-просветительской функции будет нацелено на формирование тематического информационного пространства в регионе и повышение финансовой грамотности населения. Посредством системы поручительства и функции правового гаранта совершаемых сделок решится проблема недоверия граждан к участникам регионального фондового рынка. Установление дополнительной доходности по ценным бумагам эмитентов отраслей, обеспечивающих точки роста экономики региона, будет способствовать повышению эффективности инструментов фондового рынка региона и, как следствие, перетоку сбережений населения в инвестиции. Кроме того, в масштабах региона внедрение предложенного механизма станет способствовать развитию инвестиционного потенциала региона и повышению уровня жизни населения области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tekin Bilgehan, Yener Erol. The causality between economic growth and stock market in developing and developed countries: Toda-Yamamoto approach. *Theoretical and Applied Economics*, 2019, vol. XXVI, no. 2 (619), pp. 79–90.
2. *Contemporary Global Challenges and National Interests: the 15th International Likhachov Scientific Conference*. St. Petersburg, 2015. 214 p.
3. Глуценко М.Е. Инвестиционный потенциал российской экономики: финансовый аспект // Омск. науч. вестн. 2017. № 4. С. 63–66.
4. Лахно Ю.В. К вопросу о вовлечении населения в инвестиционный процесс на организованном рынке ценных бумаг России // Финансы и кредит. 2015. № 19 (643). С. 57–64.
5. Auzan A. Revolutions and evolutions in Russia: In search of a solution to the path dependence problem. *Russian Journal of Economics*, 2017, no. 3, pp. 336–347.
6. Коновалова М.Е., Агафонова В.В., Сичинава В.В. Портфельное инвестирование на рынке ценных бумаг: предпосылки и механизмы развития // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. 2016. С. 210–226.
7. Исупов О.Е. Фондовый рынок как инструмент вовлечения сбережений в реальный сектор экономики России // Изв. Петерб. ун-та путей сообщения. 2004. № 1. С. 136–141.
8. Choong Chee-Keong, Lam Siew-Yong, Yusop Zulkornain. Private capital flows to low-income countries: the role of domestic financial sector. *Journal of Business, Economics and Management*, 2010, no. 11 (4), pp. 598–612.
9. Калинина С.Л. Инвестиционная привлекательность региона // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 2. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28523/full>. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.3
10. Чалдаева Л.А., Федоренко И.Н. Региональный рынок ценных бумаг: проблемы формирования и развития // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 5 (98). С. 20–23.

⁶ Создание системы гарантирования на рынке ценных бумаг: доклад Банка России. М., 2017.

11. Белехова Г.В. Социально-демографические особенности финансового поведения населения // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 100–115.
12. Белехова Г.В., Гордиевская А.Н. Финансовое поведение населения: демографические особенности // Проблемы развития территории. 2018. № 1 (93). С. 133–150.
13. Белехова Г.В. Взаимосвязь финансового поведения населения с демографическими процессами // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 276–281.
14. Комарова Е.И., Булатова Ю.И. Налоговые инструменты стимулирования инвестиционной активности населения России // Финансы и кредит. 2014. № 47 (623). С. 31–38.
15. Аликперова Н.В. Социологические исследования инвестиционного поведения населения России // Гуманитарные науки. Вест. финанс. ун-та. 2016. № 2 (22). С. 29–35. DOI: 10.12737/18148
16. Фатыхов А.Н. Развитие регионального фондового рынка как экономической системы // Вестн. Омск. ун-та. 2007. № 8. С. 142–145.
17. Вавулин Д.А. К вопросу о необходимости развития региональных рынков ценных бумаг // Финансы и кредит. 2012. № 8 (488). С. 41–50.
18. Berlin S.I., Kravchenko N.P., Sher M.L., Opryshko E.L., Mironov L.V. Regions economical independency in Russia: contemporary problems analysis, regional peculiarities, solutions. In: *Innovative development: potential of science and modern education Collection of the articles. Scientific publishing center «Open knowledge»*. Los Gatos, 2018. Pp. 46–61.
19. Миллер А.А. Региональные особенности функционирования рынка ценных бумаг в Российской Федерации // Вестн. Омск. ун-та. 2011. № 1. С. 38–43.
20. Горловская И.Г. Типологизация и систематизация факторов развития регионального рынка ценных бумаг как инструмента формирования стратегии развития региональной экономики // Вестн. Омск. ун-та. 2017. № 1. С. 23–34.
21. Хрысева А.А. Социально-экономические аспекты формирования регионального фондового рынка: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2000. 18 с.
22. Подгорный Б.Б. Перспективы и механизмы развития регионального фондового рынка // Социально-экономические проблемы современного общества. 2018. Т. 8. № 1 (26). С. 153–162.
23. Ушанов А.Е. К вопросу о развитии инструментов фондового рынка для субъектов малого и среднего бизнеса // Вестн. АГТУ. 2020. С. 117–124.
24. Fatemeh Mohammad Ebrahimi. Review and explanation of the ways to boost the stock market and attract investors. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire*, 2016, no. 14-2, pp. 162–167.
25. Кабиров Р.Г. Региональный фондовый рынок России: тенденции и перспективы // Вестн. ИжГТУ им. М.Т. Калашникова. 2018. Т. 21. № 1. С. 64–67.
26. Pogodina T.V., Udaltsova N.L. Venture investment and its role in the technological development of the Russian economy. *Espacios*, 2018, vol. 39, no. 18, pp. 14–26.
27. Мецгер А.А. Региональные аспекты развития индустрии инвестиционных фондов в современной России // Вестн. Гуманит. ун-та. 2014. № 1 (4). С. 44–51.
28. Покровская Н.Н., Куриленко М.В. Рынок государственных ценных бумаг в России: проблемы и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. 2016. Т. 8. № 4. С. 1–9.
29. Kondrashova R.A., Dolinskaya V.V. The development of regional stock markets in the conditions of informatization of the economy. In: *Tendencii i perspektivy razvitiya bankovskoj sistemy v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyah: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Bryansk, 2018. Pp. 1–4.

30. Фадеев К.В. Особенности функционирования коммерческих банков на рынке ценных бумаг в России // Российские регионы в фокусе перемен. Екатеринбург, 2016. С. 947–954.
31. Воробьева Е.И. Привлечение сбережений населения в ценные бумаги // Науч. вестн.: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 2. С. 127–135.
32. Бирюков И.Н., Назарчук Н.П. Совершенствование инструментария привлечения сбережений населения на локальный инвестиционный рынок // Fundamental research. 2016. № 11 С. 358–361.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Леонидовна Харионовская – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: harionovskaya@mail.ru

Надежда Анатольевна Никитина – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: nikitina.vologda@list.ru

Kharionovskaya T.L., Nikitina N.A.

REGIONAL STOCK MARKET DEVELOPMENT AS A TOOL FOR INCREASING INVESTMENT ACTIVITY OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION

The article is devoted to the development of a mechanism for creating and operating an intraregional socially oriented stock market in the Vologda Oblast, aimed at increasing the population's investment activity. Citizens' savings are an important investment resource that is currently underutilized for the development of the region's economy. The savings of the Vologda Oblast population are mainly concentrated in the form of deposits in commercial banks that provide low returns on private deposits. The development of the regional stock market will allow reinvesting temporarily available household funds in more profitable financial instruments for the population. The paper analyzes the level of securities market development in the Vologda Oblast, assesses the investment activity of the region's population, and identifies a significant potential for transforming savings into investments. The authors have developed a mechanism for an intraregional socially oriented stock market in the Vologda Oblast taking into account, first of all, the interests of the population and issuers of debt and/or equity securities through a specially created state body, the "Committee for the regional securities market development". It is going to act as an intermediary between the issuers and the investors, when the issuers are provided with an access to additional sources of financing that are cheaper than a bank loan and compensation for the costs of issuing, and the investors are guaranteed an increased return on investment compared to a bank deposit. This mechanism assumes the regional commercial banks to play the role of professional participants in the securities market. The implementation of the proposed mechanism should result in attracting public funds to the regional companies' investment projects. On a regional scale, its implementation will help increase the tax revenues of the regional budget, develop the investment potential of the region, and improve the standard of living of the region's population.

Regional stock market, population's investment activity, transformation of savings into investments.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tat'yana L. Kharionovskaya – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: kharionovskaya@mail.ru

Nadezhda A. Nikitina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: nikitina.vologda@list.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.6

УДК 314.743 | ББК 60.59

© Оставная А.Н.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ)

АЛЛА НИКОЛАЕВНА ОСТАВНАЯ

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Республика Молдова, 3300, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. Горького, д. 1106

E-mail: alaost@rambler.ru

ORCID: [0000-0002-3011-6034](https://orcid.org/0000-0002-3011-6034); ResearcherID: [AAJ-8999-2020](https://orcid.org/AAJ-8999-2020)

С каждым годом увеличивается численность учащихся/студентов, обучающихся за пределами своей страны. Побочным эффектом учебной миграции становятся существенные потери человеческого капитала, что негативно сказывается на социально-экономическом развитии региона. На протяжении ряда лет сохраняется тенденция поступления $\frac{1}{4}$ абитуриентов Приднестровья за рубежом. Учебная миграция из Приднестровья приобрела характер утечки умов. По окончании учебы возвращаются лишь 2–7% приднестровских выпускников, получивших профессиональное образование за рубежом. Цель исследования заключается в рассмотрении социального потенциала учебных мигрантов в социально-экономическом развитии Приднестровья. Материалы основаны на анализе библиографических источников, статистической и отчетной документации ведомственных структур Приднестровья, анализе исследований, проведенных автором статьи: «Картографирование миграции из Приднестровья», «Приднестровские студенты в зарубежных вузах». Приводится информация о специфике учебной миграции из Приднестровья, «выталкивающих» и «притягивающих» факторах миграции, ее маршрутах и каналах, потенциале учебных мигрантов в качестве социального, экономического и образовательного ресурса развития Приднестровья. Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении учебных мигрантов из Приднестровья как социальной группы. Эмпирические результаты работы стали основой для качественной характеристики социального потенциала учебных мигрантов из Приднестровья и формулировки задач стратегии в сфере сбережения молодого человеческого капитала и использования потенциала учебных мигрантов в социально-экономическом развитии региона. Это развитие профессионального образования на территории Приднестровья; планирование профессиональной подготовки и научных исследований при-

Для цитирования: Оставная А.Н. Социальный потенциал учебных мигрантов в социально-экономическом развитии региона (на примере Приднестровья) // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 83–99. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.6

For citation: Ostavnaya A.N. Social potential of educational migrants in the region's socio-economic development (the case of Transnistria). *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 83–99. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.6

днестровских учебных мигрантов с учетом потребностей социально-экономического развития региона; поддержка становления диаспоральных/земляческих организаций приднестровских студентов за рубежом; стимулирование использования потенциала приднестровских учебных мигрантов и кадров высокой квалификации в развитии образовательной и научно-исследовательской системы Приднестровья; стимулирование использования потенциала приднестровских учебных мигрантов и кадров высокой квалификации в проектах социально-экономического развития Приднестровья.

Приднестровье, учебная миграция, утечка умов, региональная социология.

Одной из знаковых характеристик современного мира является тенденция интернационализации образования посредством учебной миграции. С каждым годом увеличивается численность учащихся/студентов, обучающихся за пределами своей страны. Однако побочным эффектом обозначенного процесса становятся существенные потери человеческого капитала в результате роста объемов образовательной миграции из отдельных субъектов и практика невозвращения, что негативным образом сказывается на социально-экономическом развитии региона.

При описании мобильности в сфере образования используются понятия образовательной и учебной миграции. Образовательная миграция охватывает все перемещения людей между странами с целью получения образования различного уровня на различные сроки. Таким образом, образовательными мигрантами становятся школьники, студенты средних специальных и высших учебных заведений, аспиранты, докторанты, стажеры, профессионалы, повышающие свою квалификацию в учебных заведениях, структурах и компаниях. Учебная миграция является составной частью образовательной миграции и включает поток учебных мигрантов, которые ориентированы на учебные заведения (школы, колледжи и университеты) [1, с. 123].

Накопление международными студентами экономических, социальных, культурных и символических капиталов, транснациональной идентичности и социальных преимуществ ставит их в положении «гибкого гражданства» с возможностью выбора

страны проживания [2; 3]. Если студенты по завершении учебы за рубежом не возвращаются, а регион (страна), где они жили, не восполняет эту миграционную убыль с помощью других учебных мигрантов, то миграция приобретает характер некомпенсированной [4, с. 19].

Международная статистика демонстрирует тенденцию роста количества учебных мигрантов во всем мире. В 1975 году количество международных студентов составило 0,8 млн, в 2010 году – 4,1 млн [5, с. 26], в 2016 году – 4,9 млн чел. Поддержка учебной миграции входит в список целей устойчивого развития. Так, к 2020 году в глобальном масштабе планировалось существенно увеличить количество стипендий, предоставляемых развивающимся государствам, для профессиональной подготовки и прохождения научных программ в развитых и развивающихся странах [6, с. 24–25]. К 2025 году прогнозируется рост количества международных студентов до 8 млн чел. [5, с. 26].

Россия входит в число стран, привлекаемых для приема учебных мигрантов. За последние 70 лет наблюдается стремительный рост количества учебных мигрантов, обучающихся на территории России. Так, в 1950/1951 учебном году в вузах РСФСР обучалось 5,2 тыс. иностранных граждан, что составило 0,65% от всех студентов российских вузов. В 2017/2018 учебном году эти цифры выросли до 334,5 тыс. чел. и 7,88% соответственно¹.

В 2017/2018 учебном году в российских вузах обучалось 136,1 тыс. студентов из стран СНГ, Грузии, Абхазии и Южной Осетии (из них 30,3% студентов из Казахстана,

¹ Экспорт российских образовательных услуг: стат. сб. Вып. 9 / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2019. С. 29–30.

16,2% – из Туркмении, 12,5% – из Узбекистана, 12,0% – из Таджикистана, 9,6% – из Украины)². Исследования показывают, что для студентов из стран СНГ, обучающихся в России, характерна стратегия невозвращения на родину [7, с. 140].

Учебная миграция за пределы страны характерна и для российских студентов. В 2018 году только в странах Европейского союза обучалось 26,8 тыс. студентов из России (из них 21,9% – в Чехии, 14,0% – в Великобритании, 11,0% – во Франции, 9,3% – в Италии, 8,8% – в Финляндии)³. Для российского студенчества также характерны процессы межрегиональной мобильности. В 2019 году миграция в пределах России в связи с учебой составила 250,8 тыс. чел.⁴ Москва и Санкт-Петербург (с областями), Новосибирская, Томская и Воронежская области являются лидерами притяжения российского студенчества, тогда как отток учебных мигрантов в большей степени затрагивает восточные регионы страны и республики Северного Кавказа [8].

Согласно статистической информации Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), на протяжении ряда лет сохраняется тенденция поступления $\frac{1}{4}$ абитуриентов Приднестровья в зарубежные вузы и колледжи (табл. 1), при этом по окончании учебы возвращаются лишь 2–7% приднестровских выпускников, получивших профессиональное образование за рубежом⁵. Это свидетельствует о том, что учебная миграция из Приднестровья приобрела характер некомпенсируемой. Аналогичная тенденция характерна и для других регионов, однако в условиях Приднестровья она имеет особую остроту в связи с объемами ежегодной учебной миграции; ограниченными возможностями Приднестровья, как непризнанного го-

сударства, для стимулирования возвратной миграции; неиспользованием социального потенциала учебных мигрантов в качестве ресурса для социально-экономического развития региона.

Несмотря на очевидную остроту проблемы утечки умов из Приднестровья посредством учебной миграции, этот процесс мало изучен. Между тем именно от понимания специфики учебной миграции из Приднестровья зависит выработка программ по совершенствованию:

- профессионального образования на территории Приднестровья с учетом потребностей современных абитуриентов;
 - профессиональной ориентации школьников на получение профессионального образования на территории Приднестровья;
 - механизмов регулирования учебной миграции из Приднестровья с учетом потребностей рынка труда;
 - мер социальной защиты приднестровских студентов за рубежом;
 - процессов возвращения учебных мигрантов в Приднестровье по окончании профессионального обучения за рубежом;
 - использования социального потенциала учебных мигрантов из Приднестровья в социально-экономическом развитии региона.
- Цель настоящего исследования – раскрытие социального потенциала учебных мигрантов из Приднестровья и использование этой информации при разработке комплексной стратегии сбережения молодого человеческого капитала в Приднестровье и использования социального потенциала учебных мигрантов в социально-экономическом развитии региона.

В научной литературе нет единого определения понятия «социальный потенциал». Разные исследователи обращают внимание на его структурные элементы и вероятность

² Экспорт российских образовательных услуг: стат. сб. Вып. 9 / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2019. С. 39.

³ Eurostat. URL: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (accessed 10.07.2020).

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году: стат. бюл. М.: Фед. служба гос. статистики, 2020. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 10.07.2020).

⁵ В Приднестровье усилят профориентационную работу со школьниками // ИА Новости Приднестровья. 2016. 24 ноября. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/16-11-24/v-pridnestrove-usilyat-proforientacionnyu-rabotu-so-shkolnikami> (дата обращения 10.06.2020).

Таблица 1. Сведения о поступлении выпускников организаций общего образования Приднестровья в учреждения профессионального образования страны и зарубежных государств, 2008–2019 гг., чел.

	Год											
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
9 классы												
Количество выпускников	6024	5928	5935	5453	4892	4646	4568	4278	4086	4026	4051	4053
из них поступили в организации профессионального образования, в т. ч.:	2122	2000	2199	2032	1871	1886	1833	1913	1598	1550	1616	1751
Приднестровье	1945	1872	2082	1883	1746	1765	1761	1864	1521	1478	1525	1628
Россия	52	53	39	58	57	75	35	29	39	32	53	49
Украина	26	17	21	25	22	15	5	7	8	9	3	5
Республика Молдова	95	51	50	64	43	26	29	13	23	24	28	43
др. государства	4	7	7	2	3	5	3		7	7	7	13
11 классы												
Количество выпускников	4084	3675	3548	3555	3418	3122	2877	2504	2468	2146	2276	2212
поступили в вузы, из них:	3204	2913	2631	2671	2543	2264	2013	1964	1853	1616	1948	1855
Приднестровье	2136	2005	1858	1921	1761	1542	1466	1333	1255	1050	1362	1283
Россия	382	326	274	283	311	273	322	421	409	352	348	313
Украина	269	197	185	206	214	212	73	37	37	37	36	31
Республика Молдова	393	366	300	247	245	223	136	160	138	166	177	200
др. государства	24	19	14	14	12	14	18	13	14	11	25	28
поступили в СПО, из них:	460	439	398	372	348	400	322	246	251	211	125	151
Приднестровье	400	394	354	330	296	367	281	221	215	183	99	121
Россия	9	6	8	7	16	12	11	9	18	11	7	7
Украина	12	3	12	4	10	7	2	3	5	4	5	2
Республика Молдова	37	34	23	28	26	13	19	7	12	11	7	7
Составлено по: Отчеты Министерства просвещения ПМР. URL: http://minpros.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1564 (дата обращения 10.06.2020).												

его влияния на социальные изменения. А.Б. Докторович трактует социальный потенциал как «системную совокупность возможностей и способностей индивидов, социальных групп и общества в целом, которые формируются их действиями, взаимодействиями и отношениями, обеспечивая общественное воспроизводство» [9, с. 181].

Е.А. Васильева под социальным потенциалом понимает нереализованные (скрытые) возможности социального воспроизведения и повышения эффективности деятельности субъекта за счет активизации человеческого ресурса [10, с. 90].

Н.М. Байков и Ю.В. Березутский определяют социальный потенциал как интеграль-

ную, целостную характеристику совокупных качеств и возможностей, формирующихся под воздействием внешних условий и внутренних ресурсов и оказывающих влияние на социально-экономическое развитие общества [11, с. 115].

Ф.С. Файзуллин и Т.Ф. Файзуллин рассматривают социальный потенциал как систему элементов, непосредственно формирующих социальную активность и возможности в получении социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия [12, с. 166].

Согласно М.А. Нугаеву, социальный потенциал – это специфическая система объективных и субъективных, материальных и не-

материальных факторов, непосредственно детерминирующих социальную активность членов данного сообщества и обуславливающих возможности получения ими позитивно значимых результатов в различных сферах их жизнедеятельности – трудовой, социально-политической, духовной. Социальный потенциал состоит из двух элементов: наличный социальный потенциал (совокупность человеческих способностей, имеющих в наличии) и перспективный социальный потенциал (возможности человека, которые отсутствуют, но могут сформироваться при определенных условиях) [13, с. 119].

По мнению Л.А. Лесиной, социальный потенциал молодежи – важнейший ресурс социально-экономического развития региона. Сущностная характеристика социального потенциала – это способность конструировать идеальные социальные проекты, связанные с социальным опытом человека, а «социальный потенциал молодежи» – интегральная характеристика качеств и возможностей молодого поколения, которая формируется и реализуется под воздействием совокупности определенных факторов [14, с. 275].

В контексте настоящей статьи под социальным потенциалом учебных мигрантов нами будут пониматься совокупные способности и возможности учебных мигрантов, которые при определенном наборе условий (ценностей и мотивов учебных мигрантов как социальной группы, с одной стороны, и государственной политики как внешнего стимула, с другой) могли бы стать ресурсом социально-экономического развития страны (региона) происхождения учебных мигрантов.

Исследование основано на:

1) анализе библиографических источников по проблематике учебной миграции и ее эффектов, а также специфики учебной миграции из Приднестровья;

2) анализе статистической и отчетной документации Министерства просвещения ПМР и ведомственных структур зарубежных государств – стран приема учебных мигрантов из Приднестровья;

3) вторичном анализе осуществленного нами исследования по картографированию миграции из Приднестровья [15];

4) первичном анализе полуструктурированных интервью на тему «Приднестровские студенты в зарубежных вузах», проведенных нами в декабре 2018 – январе 2019 года в рамках программ Научно-исследовательской лаборатории «Социология» Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т.Г. Шевченко. Объектом исследования выступили учебные мигранты из Приднестровья, его предметом – механизмы их социальной активности. Цель – выработка рекомендаций по управлению учебной миграцией из Приднестровья для превращения ее в ресурс развития республики. Выборочная совокупность – 100 респондентов.

Исследователи учебной миграции отмечают сложности учета и измерения образовательной миграции и ценность социологических методов в получении детальной и разнообразной информации о ней [16]. В Приднестровье проблема учета учебной миграции обусловлена спецификой, связанной с непризнанностью приднестровского государства и отсутствием дифференцированной международной статистики по учебной миграции из него (за исключением приднестровских учебных мигрантов, обучающихся в России).

Методология социологических исследований миграции раскрыта в неоклассической экономической теории миграции и теории «push and pull», теории «мобильного перехода» В. Зелинского и теории исторического структурализма, а также в рамках позитивистского, системного и транснационального подходов [17]. Методологической основой нашей работы служат положения неоклассической экономической теории миграции, теория «push and pull», позитивистский и транснациональный подходы.

Анализ библиографических источников по теме исследования показал, что ряд ученых обращается к теме учебной миграции и отмечает проблему «утечки умов», особенно в контексте регионального развития.

Для решения этой проблемы предлагаются меры по поддержке возвращения учебных мигрантов в регион (страну) исхода. Однако в ряде регионов проблема оттока населения носит комплексный характер и предлагаемые меры малоэффективны [18; 19].

Учебные мигранты как в процессе миграции, так и в условиях переселения за рубеж имеют определенный социальный потенциал для социально-экономического развития страны (региона) своего происхождения, но он не используется в качестве стратегического ресурса развития. Это противоречие определило научную проблему настоящего исследования как поиск эффективных способов использования социального потенциала учебных мигрантов для социально-экономического развития региона.

Научная новизна работы состоит в комплексном изучении учебных мигрантов из Приднестровья как социальной группы. Эмпирические результаты исследования стали основой для качественной характеристики социального потенциала учебных мигрантов из Приднестровья, формулировки задач стратегии в сфере сбережения молодого человеческого капитала и использования потенциала учебных мигрантов в социально-экономическом развитии региона.

Согласно информации, предоставляемой Министерством просвещения ПМР на протяжении последних 12 лет, 1,1–2,9% выпускников 9-х классов и 20,2–27,6% выпускников 11-х классов приднестровских государственных школ поступают в организации профессионального образования за пределами Приднестровья⁶.

На территории Приднестровья функционирует 8 негосударственных школ, которые находятся в юрисдикции Республики Молдова и осуществляют преподавание на молдавском/румынском языке на основе латиницы [20]. Сведения о социализации выпускников этих школ не входят в официальную статистику Приднестровья, однако из исследований известно, что абсолютное большинство их выпускников предпочитает

поступать в вузы Молдовы и Румынии [15, с. 35–37].

Количество учебных мигрантов из Приднестровья, с одной стороны, отражает процессы глобализации образования, с другой – политическую и социально-экономическую специфику региона.

В 1990 году Приднестровье вследствие геополитических и языковых разногласий отделилось от Молдавской ССР, и с этого времени (на протяжении почти 30 лет) на территории современной Республики Молдова и Приднестровья параллельно развивались отличные друг от друга не только политические, законодательные, экономические, финансовые, но и образовательные системы.

Система образования в Приднестровье копирует образовательные стандарты России. Главный приднестровский вуз – ПГУ им. Т.Г. Шевченко – аккредитован Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации. Документы, выданные ПГУ им. Т.Г. Шевченко, признаются на территории Приднестровья и России, однако существуют проблемы с их признанием на территории других государств. Таким образом, мотивация абитуриентов, поступающих в организации профессионального образования за пределами Приднестровья, связана с получением документов об образовании, признаваемых в других странах.

Другая причина учебной миграции из Приднестровья носит экономический характер: получение образования за рубежом рассматривается как возможность первого этапа эмиграции и предпосылка социально-экономической интеграции на территории зарубежных государств.

Мотивация учебной миграции из Приднестровья может иметь и социальный характер, она обусловлена эмиграцией молодежи и студентов вслед за близкими родственниками или друзьями, обосновавшимися за рубежом.

По мнению исследователей, учебной миграции из Приднестровья также способ-

⁶ Отчеты Министерства просвещения ПМР. URL: http://minpros.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1564 (дата обращения 10.06.2020).

существует существование в республике единственного государственного университета, который не может обеспечить качественную «вузовскую среду», включая здоровую конкуренцию среди учебных заведений, наличие научных школ, возможность активного участия в решении крупнейших политических, экономических и социальных задач, вследствие чего сохраняется тенденция выезда выпускников школ на учебу в другие государства [21, с. 36].

По результатам исследования «Приднестровские студенты в зарубежных вузах» выяснилось, что значительную роль в решении о получении образования за рубежом играет совокупность «выталкивающих» и «притягивающих» факторов. При этом как для учебной миграции, так и для других типов миграции из Приднестровья решающее значение имеют экономические факторы [22], в том числе недостаток достойно оплачиваемых и престижных в общественном мнении рабочих мест [23, с. 130].

В качестве «выталкивающих» факторов респонденты отмечали:

1) политические факторы:

– неопределенность политического статуса Приднестровья («Приднестровье – непризнанное государство», «Неуверенность в стабильном будущем Приднестровья»);

2) экономические факторы:

– проблемы занятости населения Приднестровья («Безработица в Приднестровье», «Отсутствие рабочих мест и будущего профессионального роста»);

– качество жизни населения Приднестровья («Катастрофический уровень экономического благосостояния Приднестровья», «Меня не устраивает уровень жизни в Приднестровье»);

3) социальные факторы:

– влияние социального окружения («Давление родителей», «Настояли родители»);

4) образовательные факторы:

– отсутствие профессиональной подготовки по выбранному направлению («В Приднестровье нет такого направления, по которому я обучаюсь», «Малый выбор

направлений и специальностей в приднестровских вузах»);

– неудовлетворительная оценка качества профессионального образования в Приднестровье («На мой взгляд, в Приднестровье нет качественного образования», «Не устраивает образование в Приднестровье», «По моей специальности в Приднестровье плохая база»);

– проблемы с признанием документов о профессиональном образовании, выданных на территории Приднестровья («Диплом Приднестровья вызывает сомнения у работодателей за границей», «Дипломы Приднестровья ничего не значат за рубежом», «На момент поступления приднестровские дипломы за пределами республики были не признаны»).

В качестве «притягивающих» факторов респонденты отмечали:

1) экономические факторы:

– возможности занятости за рубежом («Больше возможностей после окончания обучения найти работу», «Больше возможностей реализовать свои профессиональные навыки», «Больше шансов найти работу, трудоустроиться», «Возможность совмещения учебы и работы», «Гарантии трудоустройства», «Есть шанс работать по профессии», «Желание в дальнейшем работать в стране, где я учусь», «За границей легче найти работу», «Легко найти работу по специальности», «Перспектива найти работу по своей специальности», «Перспективы продвижения по карьерной лестнице», «Хочу найти работу за рубежом»);

– доходы и качество жизни за рубежом («Более высокие зарплаты», «Выше уровень жизни», «Другой уровень зарплат», «Лучший уровень жизни населения», «Стабильное экономическое положение», «Условия проживания лучше», «Хорошее денежное довольствие»);

2) социальные факторы:

– наличие социальных контактов в стране обучения («Большинство друзей учатся за пределами Приднестровья», «В 200 км от места, где я проживаю, живут мой отец, дед и бабушка, и я посчитал, что не поехать сюда

учиться, еще и при таких обстоятельствах, глупо», «Воссоединение с семьей», «Девушка учится в том же городе», «Есть у кого останиться», «Мои родители переехали вместе со мной в новую страну», «Наличие родственников и друзей в этой стране», «Переезд родителей», «Переехали семьей», «Родственники за рубежом», «Рядом с родителями», «Там работают мои родители»);

– расширение социальных связей («Больше новых знакомств», «Возможность знакомства с новыми людьми», «Давно хотел побывать в этой стране, а также завести больше знакомых и друзей», «Желание завести новых знакомых», «Желание найти новых друзей, возможно, завести семью», «Новые знакомства», «Новый круг общения», «Студенты всего мира обучаются в моем вузе (коммуникация)»);

3) культурологические факторы:

– культурный обмен («В этой стране другой менталитет», «Мне нравится узнавать культурные особенности страны, интегрироваться в среду», «Мне очень нравится культура данной страны», «Познание менталитета другой культуры», «Возможность путешествовать», «Расширение кругозора», «Хочу развиваться, узнавать что-то новое»);

4) эмиграционные факторы:

– переезд в другую страну («Давно мечтала уехать за границу», «Давно хотел пожить за границей», «Новое место жительства», «Переезд на ПМЖ в другую страну», «Хотела после окончания вуза остаться жить здесь», «Хотелось жить в другом городе, увидеть что-то новое», «Я давно хотел уехать в большой город», «Я собираюсь в будущем на постоянной основе проживать за пределами Приднестровья»);

5) образовательные факторы:

– большой выбор специальностей («Большое количество дополнительного образования», «Большое количество специальностей, предоставляемых вузом», «Большой выбор профессий», «Выбор профессий шире», «Наличие необходимого профиля», «Нашел университет с желаемой специальностью», «Профильное образование», «Спектр услуг, предоставляемых россий-

скими вузами, выше», «Широкий выбор специальностей»);

– получение качественного образования («Более высокий уровень образования», «Более новое оборудование и техника в России», «В Москве образование лучше», «Вуз входит в тройку лучших в России», «Вуз сотрудничает с мировыми вузами и компаниями», «Высокий уровень образования», «Высокое качество образования», «Высококвалифицированные преподаватели», «Выше уровень языков», «Гибкая система образования», «Другой уровень образования», «Желание получить больше опыта и знаний», «За рубежом преподавание идет на более высоком и профессиональном уровне», «Здесь могу получить больше знаний», «Иная система образования», «Качество образования лучше», «Квалификация и опыт преподавателей», «Квалифицированное образование», «Квалифицированные преподаватели, так как проходят стажировку в других странах», «Лучшая программа для обучения», «Лучше образование», «Лучшее качество высшего образования», «Моя специальность там охватывает больше аспектов», «Образование РФ больше ценится», «Считаю, что в России лучше высшее образование», «Считаю, что за рубежом лучше уровень образования», «Уровень образования выше», «Хотел получить достойное образование», «Хочу получить более престижное образование», «Хочу высокий уровень знаний», «Широкий выбор прохождения практики»);

– получение признанного диплома («Диплом признанного государства», «Нужен диплом, который будет актуален в Европе», «Признание дипломов за рубежом», «Российский диплом больше ценится, чем наш», «Российский диплом котируется везде»).

В качестве основных маршрутов учебной миграции из Приднестровья выступают страны ближнего зарубежья. Согласно статистическим данным Министерства просвещения ПМР о поступлении выпускников 11-х классов, в 2019 году 54,4% учебных мигрантов из Приднестровья поступили в учебные заведения России, 35,2% – Республики

Таблица 2. Государственные стипендии (квоты) для обучения иностранных граждан и соотечественников из Приднестровья в российских вузах за счет средств федерального бюджета в 2014/2015–2018/2019 академических годах, чел.

	Учебный год				
	2014/2015	2015/2016	2016/2017	2017/2018	2018/2019
Количество квот	253	250	201	216	206

Составлено по: Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Экспорт российских образовательных услуг: стат. сб. Вып. 6 / Мин-во образования и науки Российской Федерации. М.: Социоцентр, 2016. 408 с.

Молдова, 5,6% – Украины, 4,8% – других государств (см. табл. 1). Предпочтение этих маршрутов напрямую отражает особенности этнической структуры и языковой ситуации в Приднестровье.

На протяжении столетий в Приднестровье проживает несколько этнических групп: русские (34,0%), молдаване (33,0%), украинцы (26,7%), болгары (2,8%), гагаузы (1,2%) и другие этносы (2,3%)⁷. Официальными языками Приднестровья являются молдавский (на основе кириллической графики), русский и украинский, при этом делопроизводство ведется на русском языке, он же доминирует и в системе образования. Так, в 2018/2019 учебном году на русском языке обучались 86,8% учеников государственных общеобразовательных учреждений; 98% учеников государственных учреждений начального и среднего профессионального образования; 98,4% студентов государственных учреждений высшего профессионального образования⁸.

Россия, Республика Молдова, Украина, Болгария проводят политику привлечения приднестровских абитуриентов для обучения.

Министерство просвещения ПМР оказывает информационную поддержку абитуриентам, нацеленным на поступление в вузы России, и занимается ресурсным обеспечением для проведения конкурсных испытаний претендентов на квоты⁹. За 5 лет (2014/2015–2018/2019 уч. гг.) для граждан Приднестровья было выделено 1126 квот для обучения в российских вузах по разным

ступеням образования (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура; табл. 2).

Распределением учебных квот на получение образования в Республике Молдова занимается Министерство образования РМ. Открытая информация о количестве таких учебных квот отсутствует. Привлекательность обучения в Молдове связана с функционированием внушительного количества программ академической мобильности студентов в страны дальнего зарубежья. Согласно официальным данным, за рубежом (в основном в странах ЕС) обучаются свыше 5 тыс. граждан Республики Молдова [24, с. 119].

Учебные квоты на получение образования в вузах Украины и Болгарии обеспечиваются при посредничестве общественных организаций украинцев и болгар на территории Приднестровья и посольств Украины и Болгарии в Республике Молдова. Поскольку эти страны не признают правосубъектность Приднестровья, то информация об учебной миграции в них публикуется по макрорегиону Республика Молдова без дифференциации на учебных мигрантов из Приднестровья.

Особенностью населения Приднестровья является распространенность двойного гражданства. На начало 2019 года население Приднестровья составляло 465 тыс. чел. По оценкам, гражданство России имеют порядка 220 тыс. граждан Приднестровья, гражданство Республики Молдова – 333 тыс. чел., Украины – 77 тыс. Также население Приднестровья пользуется возможностью всту-

⁷ Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2019: стат. сб. (2014–2018 гг.) / Гос. служба статистики Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2019. С. 28.

⁸ Там же. С. 54, 60–61.

⁹ Министерство просвещения ПМР. Квоты. URL: <http://minpros.info/node/9951> (дата обращения 10.06.2020).

пления в гражданство Болгарии (этнические болгары) и Румынии (потомки граждан, проживающих на территории Приднестровья в период румынского губернаторства Транснистрия (1941–1944 гг.)), однако их количество неизвестно [25, с. 41–42].

Наличие двойного гражданства дает абитуриентам из Приднестровья право самостоятельного поступления на обучение за рубежом наряду с другими гражданами этих государств. На протяжении ряда лет на площадке ПГУ им. Т.Г. Шевченко несколько российских вузов проводят олимпиады для школьников и студентов, победители и призеры которых зачисляются на бюджетное обучение [15, с. 28–37].

Знание языка, наличие гражданства страны эмиграции, идентичные образовательные программы (касается образовательных программ России) упрощают порядок поступления и обучения на территории зарубежных государств. Подготовка к обучению за рубежом не требует дополнительного изучения языка страны эмиграции. Языковая и культурная идентичность с ее населением упрощает процесс адаптации к учебной деятельности и социальному взаимодействию. Наличие гражданства зарубежной страны и/или упрощенные процедуры приобретения гражданства для учебных мигрантов ведут к натурализации на территории страны обучения [15, с. 28–37].

Результаты исследования «Приднестровские студенты в зарубежных вузах» говорят о том, что для 28% респондентов получение среднего образования в Приднестровье положительным образом отразилось на показателях учебы в зарубежном вузе. Среди преимуществ приднестровского среднего образования отмечались качество образования, соответствие образовательным стандартам России, обучение на нескольких языках (русский, молдавский, украинский) и др. 63% респондентов указали, что, готовясь к поступлению в зарубежные вузы, они обошлись без помощи репетиторов.

С другой стороны, 10% опрошенных отметили, что их школьное обучение в Приднестровье отрицательным образом

сказалось на результатах учебы в зарубежном вузе. Среди недостатков приднестровского среднего образования назывались устаревшая образовательная программа, использование несовременных методов обучения.

По окончании зарубежного вуза лишь 7% респондентов планируют вернуться в Приднестровье. Мотивация возвращения связана с:

1) социальными факторами:

– воссоединение с родными и близкими («Вернуться к родным и близким», «Все родные и близкие в Приднестровье», «Друзья, родственники», «Родители и родственники», «Родные», «Семья», «Тоска по родителям»);

2) патриотическими факторами:

– чувство «родины» («Люблю свою страну и наш город», «Мне нравится наш город и наша республика, очень спокойно и тихо», «Ностальгия», «Патриотизм», «Приднестровье – моя Родина», «Родина», «Тоска по месту, в котором я родилась и выросла», «Хочу помочь своей республике», «Хочу продвигать индивидуальное предпринимательство в своей стране»);

3) психологическими факторами:

– сложности адаптации за рубежом («Не смог адаптироваться на новом месте»).

93% респондентов после получения образования планируют остаться за рубежом. Мотивация эмиграции в основном связана с:

1) экономическими факторами:

– возможности занятости за рубежом («Более полноценное раскрытие своего потенциала в сфере профессии», «Больше перспектив в работе», «Больше предложений на рынке труда», «Больше работы по специальности», «Больше шансов найти хорошую работу», «Возможность для ведения бизнеса», «Возможность открытия своего дела», «Возможность трудоустройства по профилю», «Востребованность моей специальности на рынке труда», «Карьерный рост», «Перспектива карьерного роста», «Перспективность трудоустройства»);

– доходы и качество жизни за рубежом («Более высокий заработок», «Больше зарплата», «Высокие зарплаты», «Высокий уро-

вень жизни», «Достойная зарплата», «Здесь я смогу больше зарабатывать», «Развитая медицина», «Уровень доходов», «Уровень жизни выше»);

2) социальными факторами:

– социальные контакты в стране обучения («Большинство друзей живут здесь», «Живу с родителями за рубежом», «Живу тут вместе с девушкой», «Здесь моя семья», «Здесь я встретил свою девушку, а в будущем, надеюсь, свою жену», «Некоторые родственники тоже переехали», «Проживание всей семьи со мной в городе», «Родители в России», «У меня здесь появилась девушка»);

3) культурологическими факторами:

– культурное потребление («Активный образ жизни», «Больше вдохновения от чего-то неизведанного», «Больше возможностей увидеть мир», «Большой и интересный город», «В Москве намного интереснее», «Жить веселее», «За границей очень интересно», «Интересно пожить в другой стране», «Красивее город», «Хочу увидеть заграничные красоты природы»);

4) политическими факторами:

– политическая стабильность за рубежом («Признанное государство», «Спокойная политическая обстановка»).

Российские исследователи отмечают положительные социально-экономические последствия образовательной миграции для стран приема учебных мигрантов: пополнение численности трудоспособного населения, «омоложение» возрастной структуры граждан, увеличение количества высококвалифицированных специалистов, стимулирование культурного обмена и развитие системы образования [26, с. 42]. Для Приднестровья как страны – донора учебных мигрантов имеет ценность профессиональная самореализация выпускников и пополнение местного рынка труда высококвалифицированными кадрами. Однако тенденция невозвращения студентов на родину ведет к искажению смысла организации профессионального обучения студентов из Приднестровья за рубежом [27, с. 89]. Натурализация учебных мигрантов из Приднестровья за пределами страны вызывает «утечку умов» и «растрату

умов», что уже привело к дефициту кадров высокой квалификации, специалистов, умеющих работать на новом высокотехнологичном оборудовании [28, с. 113].

Потери Приднестровья в этом смысле увеличиваются и за счет молодых высококвалифицированных специалистов, получивших образование в Приднестровье [29], но эмигрировавших по причине совокупности политических, экономических, социальных проблем, из которых определяющими являются проблемы трудоустройства и занятости [30, с. 103].

Процесс «утечки умов» посредством учебной миграции характерен и для России. На федеральном уровне образовательная миграция за рубежом называется «интеллектуальным обнищанием». Оно чревато такими последствиями, как потеря интеллектуальной элиты, в том числе и потенциальной; усиление несбалансированности профессиональной структуры высококвалифицированных специалистов; рост масштабов потерь национальной интеллектуальной собственности; недоиспользование в национальных целях профессиональных знаний, приобретенных интеллектуалами на родине [31, с. 179].

На региональном уровне исследования показывают, что возвратная миграция оценивается российскими студентами как экономически нецелесообразная, поскольку возвращение в регион означает потерю в уровне будущего заработка. Однако эти финансовые потери могут отчасти компенсироваться хорошими шансами трудоустройства по специальности благодаря личным и социальным связям студентов [32, с. 54].

Приднестровские сообщества за рубежом из числа учебных мигрантов из Приднестровья и высококвалифицированных специалистов даже в условиях эмиграции могут играть для республики роль ресурсов развития. В ходе интервью респонденты отмечали, что для школьников, учителей и школы в целом они могли бы стать:

1) информационным ресурсом («Буду делиться информацией об образовании за рубежом», «Выпускникам школы дать совет по

выбору вуза или специальности», «Делиться информацией о том или ином государстве, городе, вузе», «Делиться полученным опытом с администрацией школы, учителями, учениками», «Могу создать блог, распространять информацию о том, что нужно сделать все возможное, чтобы выучить английский, физику, информатику и уехать на Запад», «Организовать беседу с учениками школы, чтобы помочь им выбрать свою профессию», «Осведомлять их об остановке в мире путем рассказов», «Помощь в поступлении», «Рассказать о зарубежье ученикам, чтобы они правильно сделали выбор», «Рассказать, как живется и учится за рубежом», «Расширить кругозор, мировоззрение», «Советы по учебе»);

2) мотивационным ресурсом («Выступать в качестве мотиватора», «На сравнении доказывать, что дома лучше», «Проводить мероприятия по профориентации», «Придать уверенности», «Приезжать и выступать с патриотическими лекциями», «Стимулировать учебу школьников», «Студенты, которые добьются чего-либо за рубежом, могут быть мотиваторами для учащихся»);

3) образовательным ресурсом («Делиться навыками, приобретенными за рубежом», «Повышать уровень образования», «Поделиться опытом преподавания и знаниями», «Показал бы фитнес упражнения», «Приглашать учеников на стажировки»);

4) материально-техническим ресурсом для школы («Инвестиции», «Книги», «Компьютерные классы», «Материальная помощь», «Новое оборудование», «Периодически вносить в фонд для ремонта и ухода за школой», «Привезти в дар учебники», «Привлечение инвестиций в школу», «Ремонт школы», «Финансовая поддержка»).

Для Приднестровья как государства респонденты видят себе в качестве:

1) экономического ресурса:

– инвестиции в экономику («Вкладывание инвестиций в экономику своей страны», «Инвестиции», «Помочь стране в экономических вопросах», «Привлечение туристов», «Развитие новых отраслей», «Расширение малого бизнеса», «Свести зна-

комых инвесторов и построить взаимовыгодную платформу»);

– кадры для рынка труда («Восполнять ряды квалифицированных работников», «Высококвалифицированные специалисты», «Полнить количество специалистов, которых так не хватает в Приднестровье (учителя, врачи)», «Молодые специалисты», «Свежие умы»);

– инновации («Внедрение новых технологий», «Возможность организовать преподавание в формате Free в неформальной обстановке, чего пока нет в Приднестровье», «Внести какие-либо новшества в сферу технологий, которые могли бы вывести Приднестровье на новый уровень развития»);

– финансирование родных («Помогать родителям», «Прислать деньги близким»);

2) информационного ресурса:

– распространение информации о Приднестровье («Дать знать, что есть Приднестровье», «Если студент станет известным человеком, то более широкие массы узнают о том, что есть такая непризнанная республика, между Молдовой и Украиной», «Показывать наш край, чтобы о нем знало как можно больше людей», «Распространение информации о Приднестровье», «Рассказывать за границей о своем крае», «Рассказывать иностранцам о нашем крае», «Снять фильм про Приднестровье»);

3) образовательного ресурса:

– повышение квалификации специалистов («Дать более полноценные и важные знания, поделиться опытом со студентами наших образовательных учреждений», «Дать новые знания», «Делиться своим опытом во всех сферах», «Делиться своим опытом с коллегами из Приднестровья», «Обмен знаниями, опытом в профессиональной среде, проведение мастер-классов», «Обмен опытом с населением», «Поделиться набранным за рубежом опытом в разных аспектах», «Поднять уровень высококвалифицированных специалистов»);

4) демографического ресурса:

– прирост населения («Если люди возвращаются с новой созданной семьей, то они могут дать прирост населения республики»);

5) гражданского ресурса:

– развитие гражданского общества («Организовать молодежные движения, форумы, спортивные мероприятия, ориентированные на поколение NEXT», «Помочь стране в политических вопросах», «Развивать гражданское общество в Приднестровье»).

В 2015–2016 гг. Представительство Международной организации по миграции в Молдове реализовало Программу содействия возвращению и реинтеграции молдавских выпускников, получивших образование за границей. В ее рамках были проведены мероприятия по финансированию, трудоустройству, помощи в профессиональном становлении молодых людей, вернувшихся из-за рубежа и имеющих потенциал для улучшения ситуации в Республике Молдова через полученные знания и навыки. Бенефициарами этого проекта также стали выпускники зарубежных вузов – уроженцы Приднестровья¹⁰.

На протяжении ряда лет Международная организация по миграции занимается разработкой мер по привлечению усилий диаспоры в развитие страны происхождения мигрантов. Д. Ионеску в качестве ресурсов диаспоры для развития страны – донора миграции рассматривает человеческий капитал, финансовый и предпринимательский капитал, социальный капитал, ностальгический капитал и ресурс для регионального развития [33, с. 40–52]. Д.Р. Агуниас и К. Ньюленд предлагают шесть направлений работы с диаспорой: репатриация средств диаспоры, прямые инвестиции, инвестирование и финансовые рынки, возвращение человеческого капитала, благотворительность и туризм диаспоры [34, с. 113–240]. Х. де Хаас предлагает несколько программ для поддержки участия диаспоры в развитии стран происхождения, включающие упрощение и снижение затрат на денежные переводы, поддержку предпринимательской активности мигрантов в странах происхождения и содействие «циркуляции

умов», поддержку проектов социального развития, иницируемых диаспорами, поддержку сетей и организаций диаспор [35].

Эти рекомендации вместе с результатами социологических исследований стали основой для разработки комплексной стратегии сбережения молодого человеческого капитала в Приднестровье и использования социального потенциала учебных мигрантов в социально-экономическом развитии региона. Основными задачами стратегии видятся:

1) в развитии профессионального образования на территории Приднестровья:

- совершенствование материально-технического обеспечения учебного процесса;
- повышение квалификации профессорско-преподавательских кадров;
- расширение перечня специальностей и специализаций;
- введение и развитие практикоориентированного образования;
- поддержка совместных с вузами зарубежных стран образовательных программ, сетевого обучения и программ Erasmus+;
- обеспечение зарубежного признания документов о профессиональном образовании ПМР за рубежом;

2) в планировании профессиональной подготовки и научных исследований приднестровских учебных мигрантов с учетом потребностей социально-экономического развития региона:

- грантовая поддержка совместных исследовательских коллективов из числа приднестровских и зарубежных преподавателей и студентов;
- организация практических конференций, курсов повышения квалификации;
- обеспечение в Приднестровье баз практик для приднестровских учебных мигрантов; гарантия трудоустройства по окончании профессионального образования;

3) в поддержке становления диаспоральных/земляческих организаций приднестровских студентов за рубежом:

¹⁰ Experiente de reintoarcere si reintegrare ale migrantilor si tinerilor absolventi ai universitatilor de peste hotare, Republica Moldova. Organizatia internationala pentru migratie, Misiunea in Republica Moldova: Chisinau, 2016. 30 p. URL: https://moldova.iom.int/sites/moldova/files/documents/Experien%C8%9Be%20de%20re%C3%AEntoarcere%20%C8%99i%20reintegrare_Malul%20drept_Edi%C8%9Bia%202.pdf (accessed 10.06.2020).

- статистический учет и социологический мониторинг сообщества учебных мигрантов из Приднестровья за рубежом;
- помощь в адаптации и социальная защита за рубежом;

- сохранение приднестровской идентичности и обеспечение связи с Приднестровьем;

4) в стимулировании использования социального потенциала приднестровских учебных мигрантов и кадров высокой квалификации в развитии образовательной и научно-исследовательской системы Приднестровья:

- материально-техническая и финансовая поддержка образовательных и исследовательских учреждений;

- тьюторство школьников и студентов;

- посредничество в международном образовательном сотрудничестве и академической мобильности преподавателей и студентов;

- повышение уровня цитируемости приднестровских исследователей в международных наукометрических системах;

5) в стимулировании использования социального потенциала приднестровских учебных мигрантов и кадров высокой квалификации в проектах социально-экономического развития Приднестровья:

- формирование имиджа Приднестровья за рубежом;

- лоббирование интересов Приднестровья в стране эмиграции;

- волонтерство и благотворительность;

- инновации;

- инвестиции;

- привлечение туристов и др.

Теоретико-методологическая значимость итогов исследования состоит в выявлении качественных характеристик потенциала учебных мигрантов из Приднестровья в условиях нехватки количественных статистических данных. Представлено авторское определение социального потенциала учебных мигрантов как социальной группы.

Результаты проведенных полуструктурированных интервью могут служить методологической основой для разработки инструментария количественного исследования учебных мигрантов из Приднестровья и организации регулярного социологического мониторинга.

Выводы и рекомендации исследования вошли в перечень комплекса мер, разработанных НИЛ «Социология», по темам «Современные проблемы социализации молодежи ПМР: социальный и психолого-педагогические аспекты» и «Социализация и формирование идентичности молодежи ПМР», проведенных по заказу Министерства просвещения ПМР. Таким образом, результаты нашего исследования носят практический характер и в дальнейшем могут быть использованы в качестве эмпирической базы для разработки молодежной, образовательной и миграционной политики Приднестровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митин Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2010. № 3. С. 123–134.
2. Brooks R., Waters J. *Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education*. Palgrave MacMillan, 2011. 208 p. DOI: 10.1057/9780230305588
3. Fong V.L. *Paradise Redefined: Transnational Chinese Students and the Quest for Flexible Citizenship in the Developed World*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011. 267 p.
4. Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.
5. Защитина Е.К., Павлов П.В. Экспорт высшего образования: прикладное исследование: монография / Южный федеральный университет. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2019. 184 с.

6. Mosler Vidal E., Dag Tjaden J. (under the supervision of Laczko F.). *Global Migration Indicators*. Berlin: Global Migration Data Analysis Centre (GMDAC) International Organization for Migration, 2018. 63 p. Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/global_migration_indicators_2018.pdf (accessed 10.07.2020).
7. Зангиева И.К., Сулейманова А.Н. Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (135). С. 126–145. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.09
8. Kashnitsky I., Mkrtchyan N., Leshukov O.V. Interregional migration of youths in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics. *Educational Studies Moscow*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 169–203.
9. Докторович А.Б. Социальный потенциал как предмет системного исследования // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 179–189.
10. Васильева Е.А. Управление социальным потенциалом государственной гражданской службы (на примере Республики Саха (Якутия)). СПб.: Астерион, 2014. 180 с.
11. Байков Н.М., Березутский Ю.В. Социальный потенциал молодых семей региона как многомерное образование // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 113–121.
12. Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф. К вопросу определения сущности категории «социальный потенциал» // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014. С. 163–166.
13. Нугаев М.А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 182 с.
14. Лесина Л.А. Социальный потенциал молодежи как важнейший ресурс социально-экономического развития региона // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: мат-лы юбил. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 274–279.
15. Ostavnaia A. *Mapping migration from Transnistria*. Chisinau: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 178 p. Available at: https://moldova.iom.int/sites/moldova/files/documents/Mapping%20Migration%20from%20Transnistria_0.pdf (accessed 10.06.2020).
16. Korepina T.A. Methodology of accounting and measurement of educational migration of population: problems and prospects of development // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Экономика. 2018. Т. 13. № 2. С. 319–333. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-2-319-333
17. Самофалова Е.И. Особенности изучения образовательной миграции в работах зарубежных авторов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 104–119. DOI: 10.17223/1998863X/29/11
18. *External youth migration in the countries of Central Asia: risk analysis and minimization of negative consequences*. Astana: International Organization for Migration Subregional Coordination Office in Central Asia, 2019. 81 p. Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_en.pdf (accessed 10.07.2020).
19. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия / А.А. Байков [и др.] // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 75–84. DOI: 10.31857/S013216250002787-8
20. *The Moldovan-Administered Latin-Script Schools in Transdnistria: Background, Current Situation, Analysis and Recommendations*. OSCE Mission to Moldova, 2012. 80 p. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/4/f/99058.pdf> (accessed 10.06.2020).
21. Трач М.И., Трач Д.М. К вопросу воспроизводства кадров // Экономика Приднестровья. 2007. № 2. С. 34–38.

22. Волкова О.А., Оставная А.Н. Кризисные явления в экономике Приднестровья как фактор динамики миграционных настроений: по результатам социологического исследования // Вестн. Южн.-Рос. гос. техн. ун-та (Новочеркас. политехн. ин-та). Сер.: Социально-экономические науки. 2015. № 5. С. 123–129.
23. Степанов В.П., Бобкова Е.М., Матвейчук Е.А. Жизненный выбор молодежи в условиях самопровозглашенной государственности // Вестн. Приднестр. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (46). С. 130–136.
24. Poalelungi O., Mazur J., Vremis M. *Extended Migration Profile of the Republic of Moldova 2010–2015. Overview of Migration Trends for the Period 2005–2015: Analytical report*. Chisinau: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 155 p.
25. Оставная А.Н. Роль «Восточного партнерства» в формировании европейского вектора приднестровской миграции // Аналит. бюл. ИСПИРР. 2019. № 2 (3). С. 32–47.
26. Рязанцев С., Письменная Е. Влияние образовательной миграции на экономическое развитие Российской Федерации // Ректор вуза. 2015. № 5. С. 38–43.
27. Кондратенко И. Мотивация учебной миграции студентов и аспирантов Приднестровья // Политика и практика регулирования миграции в условиях современных вызовов: мат-лы междунар. науч.-исслед. конф., Тирасполь, 27 января 2017 г. Кишинэу, Международная организация по миграции, миссия в Молдове, 2017. С. 87–90.
28. Терзи Н.В. Рынок труда и система профессионального образования в Приднестровской Молдавской Республике: проблемы взаимодействия // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. 2014. № 2. С. 112–114.
29. Бурла М.П., Кривенко А.В., Фоменко В.Г. Анализ факторов, трендов и последствий миграции населения Приднестровья // Экономика Приднестровья. 2014. № 4–5. С. 18–24.
30. Кондратенко И. Трудности трудоустройства выпускников вуза как фактор трудовой миграции // Современные миграционные процессы: состояние и основные формы: мат-лы междунар. науч. конф., Тирасполь, 17 декабря 2015 г. Кишинев, Международная организация по миграции, Миссия в Республике Молдова, 2016. С. 103–108.
31. Воронина Н.А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 158–183.
32. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
33. Ionescu D. *Engaging Diasporas as Development Partners for Home and Destination Countries: Challenges for Policymakers*. Organisation internationale pour le migrations. Geneve, 2006. 86 p. Available at: https://www.iom.int/sites/default/files/our_work/ICP/IDM/MRS26.pdf (accessed 10.06.2020).
34. Agunias D.R., Newland K. *Comment associer les diasporas au développement. Manuel a l'usage des decideurs et praticiens dans les pays d'origine et d'accueil*. Organisation internationale pour le migrations et Institut des politiques migratoires: Geneve et Washington D.C, 2012. 273 p. Available at: https://publications.iom.int/fr/system/files/pdf/diaspora_handbook_fr_for_web_28may2013.pdf (accessed 10.06.2020).
35. De Haas H. *Engaging Diasporas. How governments and development agencies can support diaspora involvement in the development of origin countries*. International Migration Institute: Oxford, 2006. 112 p. Available at: <https://heindehaas.files.wordpress.com/2015/05/2006-engaging-diasporas.pdf> (accessed 10.06.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алла Николаевна Оставная – старший преподаватель, научный сотрудник, Государственное образовательное учреждение «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко». Республика Молдова, 3300, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. Горького, д. 110б; e-mail: alaost@rambler.ru

Ostavnaya A.N.

SOCIAL POTENTIAL OF EDUCATIONAL MIGRANTS IN THE REGION'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT (THE CASE OF TRANSNISTRIA)

The number of students studying outside their home countries increases every year. A side effect of educational migration is a significant loss of human capital, which negatively affects the region's socio-economic development. In Transnistria, about 25% of school graduates' have been entering universities abroad for several years already. Educational migration from Transnistria has become a brain drain. At the end of their studies, only 2-7% of the Transnistrian graduates who received professional education abroad return. The purpose of the study is to examine the social potential of educational migrants in the socio-economic development of Transnistria. The materials are based on the analysis of bibliographic sources, statistical and reporting documentation of Transnistria departmental structures, the analysis of research conducted by the author of the article: "Mapping migration from Transnistria", "Transnistrian students in foreign universities". The article provides information on the specifics of educational migration from Transnistria, the "pushing" and the "attracting" factors of migration, its routes and channels, the potential of educational migrants as a social, economic and educational resource for the Transnistria's development. The scientific novelty of the study consists in a comprehensive study of educational migrants from Transnistria as a social group. The empirical results of the work became the basis for qualitative characteristics of the social potential of educational migrants from Transnistria and formulation of the strategy objectives in the field of saving young human capital and using the educational migrants' potential in the region's socio-economic development. This is the development of professional education in the territory of Transnistria; planning professional training and research of Transnistrian educational migrants, taking into account the needs of socio-economic development of the region; supporting the formation of diaspora / territorial organizations of Transnistrian students abroad; encouraging the use of the potential of Transnistrian educational migrants and highly qualified personnel in the development of the educational and research system of Transnistria; encouraging the use of the potential of Transnistrian educational migrants and highly qualified personnel in the projects of socio-economic development of Transnistria.

Transnistria, educational migration, brain drain, regional sociology.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla N. Ostavnaya – Senior Lecturer, Researcher, State Educational Institution "T.G. Shevchenko Transnistrian State University". 110B, Gorky Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Republic of Moldova; e-mail: alaost@rambler.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.7

УДК 331.103 | ББК 65.242.1

© Кабакова Е.А.

РАБОЧИЕ МЕСТА КАК ОБЪЕКТ ДЛЯ ИННОВАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА КАБАКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
 Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
 E-mail: vologdascience@gmail.com
 ORCID: [0000-0003-2776-402X](https://orcid.org/0000-0003-2776-402X); ResearcherID: [M-7468-2013](https://orcid.org/M-7468-2013)

Статья посвящена вопросам исследования инноваций на рабочих местах. Цель исследования заключается в рассмотрении сущности концепта «инновации на рабочих местах» в контексте инноваций в социальной сфере, а также в оценке их по таким косвенным индикаторам, как удовлетворенность работников своей профессиональной деятельностью, условиями труда и качеством рабочих мест. Обоснована актуальность изучения этого вида инноваций для повышения эффективности и экономической отдачи от трудовой деятельности. В качестве подтверждения растущего интереса к заявленной тематике приведены сведения из международных наукометрических баз данных Web of Science и Scopus. Представлен опыт изучения указанной проблематики в Европе, обозначена необходимость ее исследования в Российской Федерации. Информационной базой послужили результаты мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН в регионе с 1997 года, а также данные международного социологического исследования «Современный успешный человек», выполненного в 2018 году учеными институтов академий наук России и Беларуси и представителями организаций высшего профессионального образования России и Республики Польша. В рамках исследования применялись общенаучные методы, такие как анализ, синтез, абстракция, обобщение, социологические методы (анкетирование и др.). Результаты, полученные в ходе анализа эмпирических данных, позволили оценить текущее состояние рабочих мест, определить их проблемные моменты, которые могут быть улучшены в процессе применения инновационных решений. Научная новизна исследования заключается в определении сущности концепта «инно-

Для цитирования: Кабакова Е.А. Рабочие места как объект для инноваций в социальной сфере (на материалах Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 100–116. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.7

For citation: Kabakova E.A. Workplaces as the object for innovation in the social sphere (case study of the Vologda Oblast). *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 100–116. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.7

вазии на рабочих местах» в контексте инноваций в социальной сфере, выявлении его компонентов и зависимости эффективности трудовой деятельности от инновационной составляющей рабочих мест. Подчеркивается важность изучения и последующего внедрения инноваций на рабочих местах для совершенствования различных аспектов трудовой деятельности и создания благоприятного рабочего пространства для эффективного функционирования организаций и повышения производительности труда работников региона в целом.

Рабочие места, инновации в социальной сфере, инновации на рабочих местах, внедрение инноваций, эффективность трудовой деятельности, совершенствование рабочих процессов.

Введение

В современном мире во всех сферах человеческой жизнедеятельности происходят определенные трансформации, ведущие к переориентации целей, направлений и приоритетов развития. Эти трансформации обусловлены усилением процессов глобализации, информатизации, интеграции, а также обострением имеющихся и появлением новых вызовов современности. В связи с этим особенно актуальным становится поиск новых возможностей и способов преодоления данных вызовов. Традиционные методы реагирования не всегда способны предоставить решения, соответствующие происходящим изменениям, поэтому мировое сообщество все чаще обращается к внедрению различного рода инноваций. Создание условий для инноваций и инновационной деятельности представляется одним из важнейших вопросов экономической политики.

С внедрением технологических инноваций в производственную сферу мы сталкиваемся достаточно часто. При этом не менее важным является применение инноваций в сферах, в которых формируется человеческий потенциал и от которых зависит благосостояние человека и общества, в первую очередь в социальной сфере, поскольку от ее эффективного развития зависит благополучие граждан и, как следствие, развитие всей страны [1].

Отличительной чертой инноваций в социальной сфере является более широкая область применения. Их специфика заключается в субъектно-предметной сущности и целевом назначении. Внедрение инновационных практик в социальной сфере обуславливает формирование новых экономических отношений (привлечение частных

инвестиций, государственно-частное партнерство, коммерциализация, реализация инвестиционных проектов и др.); введение новых форм организации труда и оказания услуг (специализация организаций, формирование межфункциональных групп специалистов, маршрутизация этапов оказания услуг); эксплуатацию новой техники, применение новых технологий и материалов; появление новых видов услуг (реабилитация, социализация и др.); внедрение новых инструментов управления и т. п. [2].

Социальная направленность инноваций призвана выступать в качестве эффективного инструмента ответов на вызовы современного общества.

Теоретические аспекты исследования инноваций в социальной сфере

Обзор научной литературы показал, что вопросы проявления социальной ориентированности инноваций поднимались, начиная с XIX века, в трудах Р. Оуэна [3], К. Маркса [4], М. Вебера [5], Э. Дюркгейма [6] и др. Они привлекали внимание к разнообразным процессам, связанным с социальными переменами, как в повседневной, так и в трудовой жизни людей. Первоначально эти явления связывали с социалистической революцией, но позднее их стали ассоциировать с различными реформами в социальной сфере, особенно в сферах образования и труда. Инновации в социальной сфере, как правило, имеют некоммерческий характер и направлены на улучшение качества жизни населения. Они оказывают влияние на большие группы людей.

Необходимо отметить, что в начале XX века определилось новое значение тер-

мина «социальные инновации» как появление или принятие нового поведения или новой практики, которые охватывают все сферы жизни общества, начиная от повседневной жизни, сложившихся привычек и культурных обычаев и до включения в систему менеджмента организаций и государственного управления в целом [7]. В экономической литературе второй половины XX века понятие «социальные инновации» встречается в работах П. Друкера [8], М. Янга [9] и других.

К концу XX века интерес теоретиков и практиков к социальным инновациям существенно увеличился в контексте происходящих экономических и социальных трансформаций, ассоциируемых с развитием IT-сферы и реструктуризацией экономики, усилением социально-экономической незащищенности и ростом социального неравенства, медленным прогрессом в вопросе устранения бедности и излишним акцентом в обществе на технологические инновации [10].

О росте популярности изучения социальных инноваций в настоящее время свидетельствуют многочисленные результаты исследований, например, опубликованный в двух томах «Atlas of Social Innovation». В первом томе Атласа («Atlas of Social Innovation: New Practices for a Better Future» [11]) дается представление о тенденциях в области социальных инноваций, обобщены результаты международного исследовательского проекта SI-DRIVE, в котором активное участие в период с 2017 по 2018 год принимали сотрудники ФГБУН ВолНЦ РАН – единственного члена консорциума из РФ. Атлас является, по сути, хранилищем знаний для специалистов-практиков, политиков и исследователей в области социальных инноваций. Достаточно сказать, что в нем собрано

более 1000 инновационных практик со всех стран мира. Во втором томе Атласа («Atlas of Social Innovation: 2nd Volume – A World of New Practices» [12]) ведущие эксперты дают еще более всеобъемлющий обзор этой динамичной области исследований¹.

В Российской Федерации на исследованиях в области социальных инноваций, социальных практик предпринимательства и их коммерциализации специализируются сотрудники Центра социального предпринимательства и социальных инноваций подразделения НИУ «Высшая школа экономики»². Роль некоммерческого сектора в решении социальных проблем изучают специалисты Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ³. Также в 2007 году создан Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», целью которого стала помощь социальному предпринимательству в реализации долгосрочных социально значимых программ и проектов. Фонд выявляет действующие социальные предприятия, новые инициативы в области социального предпринимательства (социальные бизнес-идеи), определяет направления и формы поддержки их деятельности; способствует вовлечению в эту сферу новых предпринимателей путем финансовой поддержки в виде грантов, займов, участия в уставном капитале, обучает и консультирует, формирует позитивное отношение к социальному предпринимательству в обществе⁴. К изучению теоретико-методологических проблем социальных инноваций активно подключаются российские исследователи в регионах. В частности, институциональные особенности развития социальных инноваций раскрыты в работах ученых уральской экономической школы [13], экосистемный подход к созданию региональных социально-

¹ Atlas of Social Innovation. Articles. URL: <https://www.socialinnovationatlas.net/articles> (accessed 04.05.2020).

² Центр социального предпринимательства и социальных инноваций. URL: https://socentr.hse.ru/socialnoe_predprinimatelstvo (дата обращения 15.06.2020).

³ Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: аналит. докл. Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики» / под ред. Л.И. Яковсона, И.В. Мерсияновой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 64 с.; Гражданское общество и социальные инновации: информ.-аналит. бюл. 2015. № 2 (6). 23 с.

⁴ Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». URL: <http://www.nb-fund.ru/about-the-fund> (дата обращения 15.06.2020).

инновационных подсистем рассматривают сотрудники ФГБУН ВолНЦ РАН [14].

Инновационный путь развития становится приоритетом развития стран, поэтому исследование различных направлений социальных инноваций приобретает все большую актуальность. В сфере занятости таким предметом исследований являются инновации на рабочих местах.

Инновации на рабочих местах как отдельное направление изучения инноваций в социальной сфере

Вступление мировых экономик в новую технологическую эпоху, появление более современных форм организации труда влекут за собой смену требований к профессиональным качествам и компетенциям работников. В новых условиях хозяйствования важно создать такое рабочее пространство, в котором трудящиеся наилучшим образом развивают свои знания и опыт и раскрывают творческий потенциал в полной мере. Одной из составляющих процесса его создания становятся инновационные социальные практики [15].

Подтверждением возрастающего интереса к инновациям на рабочих местах может служить статистика из международных наукометрических баз данных (МНБД) Web of Science и Scopus относительно количества публикаций, посвященных указанной тематике. Рассмотрим динамику числа публикаций, начиная с появления первых документов в МНБД Scopus (с 1970 года) и Web of Science (с 1986 года) по 2019 год (табл. 1).

В соответствии с данными, представленными в табл. 1, мы наблюдаем постепенный

прирост числа публикаций по заявленной тематике в течение всего рассматриваемого периода. Если в 1970–1990-е гг. количество публикаций как в Web of Science, так и в Scopus было незначительно, то с 2000 года начинает расти. В 2019 году число публикаций по тематике «инновации на рабочих местах» увеличилось в 10,5 раза (Web of Science) и в 5 раз (Scopus) по сравнению с 2000 годом, что говорит о росте популярности данного направления исследований на протяжении 19 лет. В целом к 2019 году общее количество документов по заявленной тематике в обеих МНБД достигает внушительного количества – 2991 (Scopus) и 1944 (Web of Science) единицы, что еще раз подтверждает актуальность рассматриваемого направления в течение последних десятилетий.

Кроме того, заслуживают внимания данные, связанные с распределением публикаций по тематике «инновации на рабочих местах» по странам (табл. 2).

В обеих МНБД перечень стран, входящих в ТОП-10, примерно одинаковый, но распределение мест внутри десятки различается. При этом тройку стран-лидеров как в Web of Science, так и в Scopus составляют США, Англия/Великобритания и Австралия, а замыкает ТОП-10 в обеих базах данных Франция. Примечательно, что в десятку государств-лидеров в Web of Science входит Китай (7 место), хотя в ТОП-10 в Scopus он отсутствует. С другой стороны, в ТОП-10 в Scopus находятся Швеция и Финляндия, которых нет в десятке стран-лидеров в Web of Science. Полученные данные распределения по странам в МНБД Web of Science и Scopus свидетельствуют о том, что значительная часть ТОП-10 приходится на европейские

Таблица 1. Распределение количества публикаций в МНБД Web of Science и Scopus по тематике «инновации на рабочих местах» по годам*, ед.

Наименование МНБД	Год									Общее количество публикаций
	1970	1986	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019	
Web of Science	–	1	1	6	23	28	89	145	242	1944**
Scopus	1	2	6	21	50	83	164	177	248	2991***

* Данные по состоянию на 18.03.2020.

** 1986–2019 (Web of Science).

*** 1970–2019 (Scopus).

Таблица 2. Распределение количества публикаций в МНБД Web of Science и Scopus по тематике «инновации на рабочих местах» по странам*, ед.

Позиция	Web of Science		Scopus	
	страна	количество публикаций	страна	количество публикаций
1	США	540	США	899
2	Англия	204	Великобритания	387
3	Австралия	172	Австралия	279
4	Канада	136	Канада	197
5	Германия	107	Германия	114
6	Испания	89	Нидерланды	102
7	Китай	88	Швеция	73
8	Нидерланды	82	Италия	71
9	Италия	65	Финляндия/Испания	63
10	Франция	59	Франция	59

* Данные по состоянию на 18.03.2020.

государства. Это говорит о популярности указанной тематики на территории Европы.

Голландский исследователь F. Pot [16] выделяет следующие причины, которые привлекают внимание к развитию инноваций в рабочем пространстве.

1. Потребность в увеличении производительности труда для поддержания уровня благосостояния и социальной защиты в ближайшем будущем с небольшим количеством людей на рабочих местах, учитывая фактор старения населения.

2. Необходимость в развитии и применении навыков и компетенций потенциальных работников для увеличения дополнительной прибыли как части конкурентной и основанной на знаниях экономики.

3. Частные и государственные организации могут извлекать наибольшую выгоду из внедрения новых технологий, при этом неотъемлемой частью этого процесса должны стать инновации на рабочих местах, обеспечивающие правильное функционирование технологий за счет надлежащей организации процесса.

Россия не входит в первую десятку стран, имеющих наибольшее количество публикаций по тематике «инновации на рабочих местах», и находится примерно на одном и том же уровне рейтинга в обеих МНБД, занимая 27 место в Web of Science (23 публика-

ции) и 25 позицию в Scopus (28 публикаций), отставая от лидера в 23,5 и в 32 раза соответственно. Это свидетельствует о недостаточной разработанности тематики в России и обоснованности перспектив исследования рассматриваемого направления в будущем.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что тематика «инновации на рабочих местах» является относительно новой и актуальной на данный момент, количество публикаций по ней пока невелико, однако с каждым годом неуклонно растет.

Рабочие места как объект для инноваций

Учитывая, что значительную часть своей жизни человек проводит на рабочем месте, организация рабочего пространства становится ключевой составляющей, от которой зависит продуктивность трудовой деятельности работника. В связи с этим внедрение инноваций в рабочем пространстве приобретает актуальность, поскольку инновации на рабочих местах влекут за собой изменения в самой деятельности, ролях сотрудников, организационной структуре, корпоративном климате, поведении, трудовых отношениях, доверии и в других областях [17].

Зарубежные исследователи используют понятие «workplace innovation», встречающееся в русскоязычных источниках в двух

вариациях: «инновации на рабочих местах» и «инновации в рабочем пространстве». В рамках исследования мы будем использовать эти формулировки как синонимичные. Под инновациями на рабочем месте мы понимаем нововведения на рабочих местах, направленные на организацию и совершенствование рабочего процесса посредством создания комфортного рабочего пространства и внедрения соответствующих условий работы, которые позволят работнику принимать участие в рабочем процессе, давая возможность быть полностью погруженным в него, проявлять инициативу и раскрывать свой творческий потенциал [15].

В советские времена под «рабочим местом» понималось нечто физическое и непосредственно осязаемое: заводской станок, рабочий стол в кабинете, кабина комбайна и т. п. Например, в 1991 году это понятие трактовалось российскими исследователями как «неделимое в организационном отношении (в данных конкретных условиях) звено производственного процесса, обслуживаемое одним или несколькими рабочими, предназначенное для выполнения одной или нескольких производственных или обслуживающих операций, оснащенное соответствующим оборудованием и технологической оснасткой» [18; 19]. Более широкая трактовка данного определения относилась к «структурной части производственного пространства, в которой субъект труда взаимосвязан с размещенными средствами и предметом труда для осуществления единичных процессов труда в соответствии с целевой функцией получения результатов труда» [18; 19]. Такое понимание рабочего места позволяло встроить эту категорию (и используемый на нем труд, и применяемые средства труда) в тотальную систему народнохозяйственного планирования. Несмотря на то что такого планирования уже давно не существует, эта традиция частично сохраняется и в наши дни. Например, согласно ст. 209 Трудового кодекса РФ (2006 год) рабочим определяется «место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и

которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя». В этом определении, с одной стороны, сохраняется попытка трактовать рабочие места как некую физическую реальность, с другой, оно оказывается неприменимым ко многим из современных профессий и видов деятельности [20].

В рамках нашего исследования под рабочим местом понимается не только физическое место, но и вся рабочая обстановка («working environment»), окружающая работника в процессе труда и оказывающая влияние на выполнение поставленных задач. Эргономичное рабочее место, его рациональная и грамотная планировка и оснащение позволяют наилучшим образом организовать трудовой процесс и повысить его эффективность, а также обеспечить высокую работоспособность сотрудников.

Несмотря на относительную разработанность, понятие «инновации на рабочих местах» остается дискуссионным. Его содержание не имеет однозначного толкования, поэтому при его описании у научно-исследовательского сообщества возникают определенные трудности. Рост интереса общественности к этому явлению способствовал формированию большого количества его трактовок. Рассмотрим некоторые определения, представленные в зарубежных источниках (табл. 3).

Проанализировав их, можно сказать, что под инновациями на рабочих местах исследователи в основном подразумевают инновации организационного характера, что, на наш взгляд, не совсем корректно, поскольку это понятие более широкое. В его рамках должны рассматриваться и другие виды инноваций, которые оказывают влияние на рабочий процесс сотрудников, например технологические инновации.

Необходимо отметить, что в настоящее время инновации в рабочем пространстве занимают важное место в политике стран Европейского союза (ЕС). Они интегрируются в программы исследований инноваций и общественного развития, а также используются в рамках инновационной политики, дополняя технологические инновации.

Таблица 3. Различные дефиниции понятия «инновации на рабочем месте»

№	Источник/авторы	Определение
1	Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast / P.R.A. Oeij, S. Dhondt, R. Žiauberytė-Jakštienė, A. Corral, P. Totterdill [21]	Разработанная и внедренная практика (комбинация практик), позволяющая работникам в структурном плане (разделение труда) и/или культурном контексте (наделение полномочиями) быть вовлеченными в процессы организационных изменений и обновлений с целью улучшения качества трудовой деятельности и повышения эффективности работы организации
2	Dortmund/Brussels Position Paper*	Социальный процесс, формирующий осуществление рабочего процесса и трудовой деятельности, сочетая в себе человеческий, организационный и технологические аспекты
3	European Commission**	Изменения в структуре организационно-экономической сферы, управления персоналом, отношений с клиентами и поставщиками или рабочего пространства в целом
4	International Journal of Social Quality / P.R.A. Oeij, S. Dhondt, T. Korver [22]	Стратегическое обновление в организационном процессе и поведенческих характеристиках, которое находит отражение в организационных возможностях, состоящих из четырех элементов: стратегическая ориентация, совершенствование товарного рынка, гибкий рабочий график и грамотное построение рабочего процесса
5	International Journal of Productivity and Performance Management / F. Pot [16]	Внедрение новых и комплексных изменений в организацию рабочего процесса, управление персоналом, трудовые отношения и технологическую сферу
6	The European Workplace Innovation Network (EUWIN)***	Практические методики и культурные особенности рабочих мест, позволяющие сотрудникам на всех уровнях использовать свои знания, компетенции и творческий потенциал в полной мере
7	Policy Discussion Paper / P. Totterdill [23]	Внедрение новых способов организации рабочего процесса, которые вдохновляют сотрудников учреждения и позволяют раскрыть их творческий потенциал

* Dortmund/Brussels Position Paper on Workplace Innovation: 12th June 2012. URL: http://www.sfs.tu-dortmund.de/cms/de/DieSFS/Gremien_Netzwerke/EUWIN/Dortmund_Brussels_Position_Paper_on_Workplace_Innovation_12th_June_2012.pdf (accessed 03.02.2020).

** European Commission. Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs. Industry. Innovation. Innovation Policies. Workplace innovation. URL: <http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/policy/workplace> (accessed 03.02.2020).

*** The European Workplace Innovation Network (EUWIN). Knowledge Bank Menu. Your Guide to Workplace Innovation. URL: http://uk.ukwon.eu/File%20Storage/5772620_7_EUWIN_ebook_English.pdf (accessed 15.03.2020).

Функционирующая с 2013 года Европейская сеть инноваций в рабочем пространстве (The European Workplace Innovation Network)⁵ является одной из крупнейших инициатив, распространяющих современные знания об инновациях на рабочих местах. На сегодняшний день сеть объединяет 10000 компаний – членов, которые обмениваются знаниями и опытом в рассматриваемой сфере.

Для полноценного понимания данного термина Европейская сеть инноваций в рабочем пространстве выделяет четыре основных элемента: индивидуальная работа сотрудника и команды; структура организации в целом; возможности реагирования и

совершенствования; учет мнения работника при принятии стратегических и тактических решений.

Наибольший эффект достигается при их сочетании, образуя тем самым пятый элемент, создающий такое рабочее пространство, в котором сотрудники любого уровня используют и развивают свои знания и опыт, раскрывают творческий потенциал в полной мере, приходят на работу для совершенствования процесса функционирования организации и выполнения поставленных перед ними задач наилучшим образом [15].

В России процессы изучения инноваций на рабочих местах только набирают обороты,

⁵ The European Workplace Innovation Network (EUWIN). Knowledge Bank Menu. URL: <http://portal.ukwon.eu/euwin-knowledge-bank-menu-new> (accessed 15.03.2020).

поэтому вопросы применения этих понятий к российской действительности сегодня только еще стоят на повестке дня. В отечественных исследованиях понятие «инновации на рабочих местах» в том смысловом значении, которое закрепилось у зарубежных ученых, не фигурирует. Аналогами этого термина в российской науке выступают такие понятия, как «организационные инновации», «инновации в управлении персоналом» и др. Они рассматривают данное явление с разных сторон, однако, на наш взгляд, подобные трактовки не раскрывают полную сущность инноваций в рабочем пространстве, поскольку применяются в обобщенном смысле, не принимая во внимание специфику инновационных изменений на рабочих местах. Вместе с тем следует отметить, что рабочие места имеют свои особенности даже в пределах одной организации с учетом разнообразия сфер деятельности сотрудников (например, рабочие места бухгалтера и слесаря будут существенно отличаться). Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости исследования данного направления инноваций, поскольку «инновации на рабочих местах» относительно особенностей развития этой сферы в РФ пока не получили должного освещения.

Важность обращения государства к вопросу формирования «хороших» рабочих мест в России была подчеркнута на Круглом столе по занятости Гайдаровского форума в 2013 году. По мнению Р.И. Капелюшникова, «рабочие места – один из ключевых факторов развития страны, и государство должно проводить политику, стимулирующую создание рабочих мест. Причем эти рабочие места должны быть «хорошими», то есть современными и высокотехнологичными»⁶.

Начиная с 2013 года в качестве главного тренда реформирования российской экономики стала выступать задача создания к 2020 году 25 млн высокотехнологичных рабочих

мест. Она была озвучена в одном из майских указов⁷ Президента РФ (2012 год). При этом понятие высокотехнологичного рабочего места (называемого также еще и высокопроизводительным или высококвалифицированным) связывается с оснащенностью современным технологическим оборудованием, высокой экономической эффективностью производства, хорошими условиями труда, отвечающими строгим современным нормам, высокой квалификацией и достойной заработной платой занятых на данном рабочем месте, а также с высокой стоимостью создания нового рабочего места [18].

Актуализация внимания к качеству, современности и инновационности рабочих мест была продиктована, прежде всего, необходимостью обеспечить высокую производительность труда, повысить эффективную занятость населения. Приоритетность этой задачи обоснована и включением ее сегодня в национальные приоритеты посредством принятия в 2018 году нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости»⁸.

Таким образом, среди элементов рабочей обстановки / рабочего места, располагающих к применению инновационных решений, с помощью которых возможны улучшения в трудовой деятельности работников и повышение эффективности функционирования организаций, можно выделить условия труда, стиль управления, организационную структуру, техническое оснащение. В последнее время одним из самых важных результатов внедрения инноваций на рабочем месте является вовлеченность работников в управление предприятием [16].

Кроме того, следует учитывать и личные параметры работника, которые также оказывают непосредственное влияние на ход рабочего процесса: профессиональные навыки и способности, личные качества, понимание рабочей роли, мотивацию, отношения в кол-

⁶ Новые рабочие места спасут экономику от кризиса. URL: <https://iq.hse.ru/news/177670935.html> (дата обращения 04.05.2020).

⁷ О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260> (дата обращения 04.05.2020).

⁸ Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». URL: <http://static.government.ru/media/files/R7yQPZhHycRk60uHWCN3gz2gMTHfNjmi.pdf> (дата обращения 04.05.2020).

Рис. Основные направления внедрения инноваций в рабочем пространстве

Источник: Каменев И.Г. Социально-трудовые инновации как основа управления трудовыми ресурсами старших возрастов: дис. ... канд. экон. наук. М.: ГУУ, 2015. 192 с.

лективе, состояние здоровья. В отношении последних, в частности, есть исследования, свидетельствующие, что «оздоровительные программы для сотрудников организаций почти на 30% сокращают медицинские расходы и значительно снижают количество прогулов», а каждый доллар, потраченный компанией на оздоровление своих сотрудников, окупается в 24 раза⁹.

Анализ научной литературы показывает, что классификацию социально-трудовых инноваций можно представить в следующем виде (рис.).

При этом более обсуждаемыми являются нововведения в условиях труда работников. Исследование HeadHunter свидетельствует, что подавляющее большинство трудящегося населения (93%) указало на прямую зависимость между удобством рабочего места и эффективностью деятельности¹⁰. При этом 47% опрошенных отметили улучшение самочувствия и более качественное выполне-

ние рабочих задач в комфортных условиях. Удобство рабочего места, по мнению 44% респондентов, «повышает настроение и позволяет лучше концентрироваться и решать профессиональные задачи».

Вышеперечисленные задачи возможно решить с помощью внедрения инноваций во всех элементах, составляющих условия, в которых трудится работник, начиная от конкретного станка / стола со стулом и заканчивая мерами в области управления.

Методы и методология

В исследовании применялись общенаучные и специальные методы. Для высокопроизводительных рабочих мест и степени износа основных фондов использовались данные Федеральной службы государственной статистики. Анализ наукометрических данных по тематике инноваций в рабочем пространстве основан на данных МНБД Web of Science и Scopus.

⁹ World Health Statistics 2015. URL: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2015/en (accessed 18.06.2020).

¹⁰ Организация рабочего места и мотивация сотрудников. Исследование группы компаний HeadHunter и «Здоровый офис». URL: <https://ramenskoye.hh.ru/article/829> (дата обращения 18.06.2020).

С помощью социологических данных оценены такие элементы рабочей обстановки, как удовлетворенность работников условиями труда, санитарно-гигиеническая обстановка, психологический климат, техническая оснащенность и безопасность условий труда. Информационной базой исследования послужили результаты мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, проводимого ФГБУН ВолНИЦ РАН в регионе с 1997 года. Опросы проходят в городах Вологда, Череповец и 8 районах: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Отбор респондентов ведется по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек. Величина ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%.

Кроме того, были использованы данные межстранового социологического исследования «Современный успешный человек», выполненного в 2018 году учеными институтов академий наук России и Беларуси и представителями организаций высшего профессионального образования России и Республики Польша. В нем приняли участие 492 респондента в возрасте от 18 до 70 лет.

Оценка производилась на основании ответов респондентов на вопросы: «Оцените условия, в которых Вы работаете. Удовлетворены ли Вы, в общем и целом, нынешней работой? Удовлетворены ли Вы условиями труда, в которых Вы работаете?».

Полученные результаты позволили оценить состояние рабочих мест респондентов, определить проблемные моменты, которые могут быть усовершенствованы в ходе рабочих процессов, что, в свою очередь, непосредственно связано с внедрением инноваций в рабочем пространстве с целью улучшения качества и эффективности трудовой деятельности и успешного функционирования организации в целом.

Результаты и их обсуждение

Анализ литературы по обозначенной проблеме показал, что наиболее часто встречается упоминание об инновациях в области усовершенствования условий безопасности труда. Они охватывают несколько направлений. Это и формы оформления документации, и варианты согласования различных операций, автоматизация процессов управления и т. д.¹¹ Среди них, например, разработанная казанской компанией «Living Core» информационная платформа управления промбезопасностью и ее контроля. Ею пользуются около 200 российских предприятий. «Умная каска» с телеметрическим модулем позволяет охранять здоровье и жизнь работников посредством определения степени опасности, когда в результате угрозы модуль каски мгновенно связывается с единой облачной платформой и передает информацию ответственным лицам. «Умная каска» следит за показателями здоровья работника, температурой в рабочей зоне, содержанием вредных примесей в воздухе или концентрацией взрывоопасных газов и сигнализирует о любых поведенческих отклонениях, способных привести к травматизму¹². Фактически здесь речь идет об умных технологиях, внедряемых для поддержания уровня безопасности на предприятиях.

Примером инновационных рабочих мест можно назвать компанию Google, офисы которой оборудованы в соответствии с мировыми стандартами. Это касается не только непосредственно рабочих мест, но и возможностей для восстановления здоровья работников (тренажерные залы, центры отдыха и игровые комнаты, кухни и т. д.). Постоянно совершенствуются характеристики освещенности офисов, увлажненности воздуха и др.

Еще одной группой инновационных решений является внедрение цифрового обучения на предприятиях. Такие технологии позволяют обучающемуся взаимодействовать с точной копией оборудования, учиться навыкам безопасного управления им.

¹¹ «Умные технологии» в охране труда: новейшие тенденции. URL: <http://protrud.info/articles/oborudovanie-i-tehnologii/umnye-tehnologii-v-okhrane-truda-noveyshie-tendentsii.php> (дата обращения 19.06.2020).

¹² Там же.

Таблица 4. Число высокопроизводительных рабочих мест, 2017–2019 гг., тыс. ед.

Территория	2017 год	2018 год	2019 год	2019 год к 2017 году, %
Российская Федерация	17114,0	19638,3	20732,8	121
Центральный федеральный округ	5027,1	5834,0	6226,5	124
Северо-Западный федеральный округ	1984,0	2367,1	2579,3	130
<i>Для справки: Вологодская область</i>	<i>128,4</i>	<i>147,0</i>	<i>161,1</i>	<i>125</i>
Южный федеральный округ	1389,9	1548,3	1649,5	119
Северо-Кавказский федеральный округ	517,3	570,7	573,3	111
Приволжский федеральный округ	3434,8	3952,8	4060,4	118
Сибирский федеральный округ	2063,6	2186,6	2288,3	111
Дальневосточный федеральный округ	878,1	1219,2	1267,3	144
Уральский федеральный округ	1819,1	1959,7	2088,1	115

Источник: Эффективность экономики России / Федеральная служба государственной статистики.
URL: <https://www.gks.ru/folder/11186> (дата обращения 19.06.2020).

Таблица 5. Степень износа основных фондов по округам (по полному кругу организаций), %

Территория	2008 год	2010 год	2015 год	2018 год
Российская Федерация	45,3	47,1	47,7	46,6
Уральский федеральный округ	52,4	52,8	60,0	57,2
Приволжский федеральный округ	50,6	52,6	49,9	51,1
Сибирский федеральный округ	46,3	45,8	46,9	47,2
Дальневосточный федеральный округ	42,4	42,2	40,9	47,0
Южный федеральный округ	43,7	44,6	43,9	46,5
Северо-Западный федеральный округ	44,5	45,4	45,1	44,4
<i>Для справки: Вологодская область</i>	<i>39,9</i>	<i>43,0</i>	<i>49,8</i>	<i>50,1</i>
Северо-Кавказский федеральный округ	н. д.	44,0	38,8	42,1
Центральный федеральный округ	39,8	43,8	43,7	39,4

Источник: Эффективность экономики России / Федеральная служба государственной статистики.
URL: <https://www.gks.ru/folder/11186> (дата обращения 19.06.2020).

В настоящее время в РФ принято решение о введении электронной трудовой книжки¹⁵. Это нововведение позволит избавить от излишних трудозатрат кадровые службы предприятий и организаций и минимизировать риски утери информации о трудовой деятельности.

В отсутствие статистических данных непосредственно об инновациях на рабочих местах обратимся к имеющейся информации о движении высокопроизводительных рабочих мест (ВРМ). Как свидетельствует Федеральная служба государственной статистики, во всех округах РФ наблюдается рост ВРМ (табл. 4), наибольший – в Дальневосточном (144%),

Северо-Западном (130%) и Центральном (124%) федеральных округах.

Самое значительное количество ВРМ в 2019 году отмечено в таком виде экономической деятельности, как обрабатывающие производства (4271 тыс. ед.), наименьшее – в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (154 тыс. ед.).

Статистическим показателем, косвенно являющимся одновременно фактором, стимулирующим инновации на рабочих местах, и фактором, затрудняющим внедрение инноваций, выступает степень износа основных фондов, остающаяся в РФ достаточно высокой (табл. 5).

¹⁵ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде: Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ.

Приведенные данные коррелируют с показателем числа высокопроизводительных рабочих мест, что мы видим при ранжировании регионов: территории с наиболее высоким числом ВРМ имеют более низкие значения степени износа основных фондов.

В связи с вышеприведенными показателями вполне уместно оценить удовлетворенность работников условиями труда. Она прямо не свидетельствует об инновационности рабочих мест, однако частично дает представление о том, имеются ли в них какие-либо усовершенствования, которые приводят к удовлетворенности рабочим пространством.

Оценку удовлетворенности условиями труда посредством многолетнего мониторинга качества трудового потенциала с 1997 года осуществляет ФГБУН ВолНЦ РАН. Так, в 1997 году недостаточность условий на рабочих местах для сохранения своего здоровья (комфортных условий труда) отмечали более половины респондентов – работников Вологодской области (позиция ответов «очень мало» – 21,5%, «недостаточно» – 28,6%). В 2018 году условиями труда

были удовлетворены более половины опрошенных (51,7%).

Как упоминалось ранее, направления для инноваций в социально-трудовой сфере и, в частности, на рабочих местах включают все элементы рабочего процесса, начиная от санитарно-гигиенических условий труда до проблем с его безопасностью. Опросы трудоспособного населения Вологодской области показывают, что более половины работающих оценивают эти элементы как хорошие и очень хорошие (табл. 6). Кроме того, заслуживает внимания такой индикатор, как психологическая обстановка. Наименьшее число респондентов (7,4%) отметили ее состояние как плохое и очень плохое, в то время как 35,5% указали на удовлетворительное (приемлемое) состояние, а 57% опрошенных оценили психологическую обстановку на «хорошем и очень хорошем» уровне. Взаимоотношения в трудовом коллективе являются немаловажным аспектом, влияющим на рабочий процесс. Сильная и слаженная команда – это ценный ресурс для успешного бизнеса. Успешная работа команды зависит от разных факторов, один из

Таблица 6. Динамика ответов работников Вологодской области на вопрос «Оцените условия, в которых работаете», % от числа тех, кто работает

	2008 год	2009 год	2011 год	2016 год	2017 год
Санитарно-гигиеническая обстановка (микроклимат, чистота воздуха, освещение и т. п.)					
Плохая и очень плохая	9,1	10,3	9,8	7,5	7,5
Удовлетворительная	42,5	44,1	39,1	40,7	34,0
Хорошая и очень хорошая	48,3	45,6	51,1	51,7	58,5
Психологическая обстановка					
Плохая и очень плохая	5,0	8,5	8,9	6,0	7,4
Удовлетворительная	46,0	42,2	45,0	45,4	35,5
Хорошая и очень хорошая	48,9	49,5	46,1	39,6	57,0
Техническая оснащенность					
Плохая и очень плохая	9,1	9,3	10,0	9,2	8,1
Удовлетворительная	40,9	41,4	42,5	42,1	34,2
Хорошая и очень хорошая	49,9	49,3	47,5	48,7	57,5
Безопасность					
Плохая и очень плохая	8,1	10,8	12,5	7,5	9,7
Удовлетворительная	42,8	41,2	42,4	43,0	32,1
Хорошая и очень хорошая	49,0	48,0	45,1	49,5	58,2
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 1997–2018 гг.					

них – рабочее пространство сотрудника и его окружение на рабочем месте [24]. Чем комфортнее климат в коллективе, тем слаженнее и быстрее выполняются поставленные задачи, поскольку при благоприятной атмосфере в команде и взаимопомощи сотрудников рабочий процесс проходит без срывов и временных затрат на решение межличностных конфликтов. Анализ теоретических подходов к исследованию инноваций на рабочих местах показывает, что и в этом аспекте важны и нужны инновации (методы и методики психологической диагностики, мероприятия, направленные на укрепление организационной и корпоративной культуры, и т. д.).

Таким образом, с одной стороны, небольшая доля неудовлетворенных (не более 10%) позволяет сделать вывод о том, что в обществе преобладает положительное отношение к своей профессиональной деятельности и условиям ее осуществления. Это косвенно свидетельствует о соответствии рабочих мест представлениям работников. С другой стороны, данные опросов говорят о необходимости усиления внимания к совершенствованию рабочего пространства.

Оценить влияние удовлетворенности условиями труда на его результаты позволяет межстрановое исследование группы ученых из институтов Российской академии наук и организаций высшего образования, проведенное совместно с учеными Беларуси и Польши [25]. Наша гипотеза состоит в том, что условия труда включают в себя оценку всех элементов рабочего места, в том числе и те усовершенствования (нововведения), которые можно назвать

инновационными, и влияют на оценку удовлетворенности. Чем больше человек удовлетворен своим рабочим местом, тем он успешнее в своей профессиональной деятельности. Результаты данного исследования показали эту зависимость. Среди тех респондентов, кто оценил себя как успешного человека, вдвое больше удовлетворенных своим рабочим местом (табл. 7).

Итоги анализа свидетельствуют, что большинство респондентов в той или иной мере испытывает удовлетворение от того, чем они занимаются в профессиональном плане. Они чувствуют свою ответственность и значимость в рабочем процессе, стремятся проявить инициативу и повлиять на состояние дел в организациях, что важно для работы команды, нацеленной на достижение общих целей и задач. В целом полученные результаты позволяют дать положительную оценку условиям труда и рабочим местам опрошенных. Это косвенно свидетельствует о соответствии рабочих мест представлениям работников. Выявленные проблемные моменты, касающиеся различных аспектов трудовой деятельности, при условии их решения и улучшения условий работы смогут повлиять на повышение уровня удовлетворенности респондентов своей профессиональной деятельностью и рабочими местами в целом. Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что вопросы модернизации рабочего пространства трудящихся и внедрения инноваций на рабочих местах на современном этапе актуальны и должны прорабатываться работодателями для совершенствования рабочих процессов, повы-

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы качеством условий труда?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Среднее по опросу		
	в целом	успешные	неуспешные
В основном и полностью удовлетворен	52,2	62,6	36,5
Среднее качество	24,0	23,5	20,6
Совсем и в основном не удовлетворен	12,0	7,0	29,5
Затрудняюсь ответить	10,8	6,9	13,4

Источник: данные пилотного межстранового опроса населения «Современный успешный человек», 2018 год (N = 492).

шения эффективности трудовой деятельности с целью обеспечения успешного функционирования организаций.

Заключение

В настоящее время интерес научно-исследовательского сообщества к инновационной тематике не угасает. Инновации порождают динамику, желание экспериментировать, в связи с чем крайне важно создавать благоприятную среду, в которой организации смогут осуществлять поиск новых вариантов решения актуальных проблем.

Инновации в социальной сфере призваны решать определенный спектр стратегически важных и общественно значимых задач. Они способствуют росту качества и уровня жизни населения, а именно:

- улучшают социально-экономические, культурные, политические, экологические факторы и условия существования человека;
- повышают социальный статус индивида и его положение в обществе;
- способствуют более качественному удовлетворению потребностей человека в самореализации и саморазвитии;
- обеспечивают повышение эффективности предприятий и организаций;
- улучшают качество услуг социальной сферы, приводя их в соответствие с постоянно возрастающими требованиями общества.

Научно-исследовательское сообщество все больше сходится во мнении о том, что сами по себе технологические инновации не способны преодолеть социальные и экономические проблемы, с которыми сталкивается современный социум. Инновации в социальной сфере направлены на гармоничное и сбалансированное развитие конкретного индивида, отдельных социальных групп и всего общества в целом. Они создают условия, обеспечивающие формирование и последующее внедрение технических, технологических, организационных, управленческих и прочих нововведений.

В ходе исследования основной акцент был сделан на рассмотрении инноваций на рабочих местах в контексте инноваций в социальной сфере. Среди наиболее значимых

результатов проведенного исследования следует отметить следующие:

- рассмотрен концепт «инновации на рабочих местах», представлена его характеристика и обоснована актуальность этого вида инноваций для повышения эффективности трудовой деятельности;
- проведена оценка текущего состояния рабочих мест и определены проблемные моменты, которые могут быть усовершенствованы в ходе рабочих процессов;
- представлена оценка удовлетворенности работников своей профессиональной деятельностью, условиями труда и качеством рабочих мест;
- обоснована важность внедрения инноваций на рабочих местах для совершенствования различных аспектов трудовой деятельности и создания благоприятной рабочей обстановки и пространства для эффективного функционирования организации.

Крайне важно видеть в инновациях в рабочем пространстве динамичный процесс, в который постоянно вовлечены все его участники посредством реагирования, изучения и трансформации рабочих процессов в ответ как на внутренние, так и на внешние факторы. Инновационный потенциал является одним из факторов экономического роста, высокого качества рабочего персонала и более эффективных трудовых отношений. Внедрение инноваций на рабочих местах подразумевает комплексный подход к процессу изменений в целом. Необходимо отметить, что степень активности и вовлеченности сотрудников в рабочие процессы выступает одной из важнейших составляющих для успешного и эффективного функционирования организации.

Результаты представленного исследования вносят вклад в развитие теоретических аспектов изучения инноваций в социальной сфере, в частности – инноваций на рабочих местах, в выявление тенденций развития данной сферы на современном этапе, а также подтверждают обоснованность применения подхода к рассмотрению зависимости эффективности трудовой деятельности от инновационной составляющей рабочих мест.

Подводя итог дискуссии об инновациях в рабочем пространстве и социальной сфере в целом, важно подчеркнуть, что именно эти инновации способны вывести наше общество на новый уровень развития. Инновации в социальной сфере являются не только ключевыми предпосылка-

ми для развития человеческого капитала и повышения благосостояния общества, но и основой модернизации экономики; именно они становятся движущей силой общественных изменений и могут стать катализатором инновационного развития экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чувакова С.Г. Инновации в социальной сфере и сфере занятости как базовые предпосылки модернизации отечественной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 17 (74). С. 75–79.
2. Леонтьев И.Л. Теория и практика инноваций в социальной сфере // Системная интеграция в здравоохранении. 2014. № 1 (23). С. 53–71.
3. Owen R. *A new view of society. Essays on the formation of human Character, and the Application of the Principle to Practice*. London: Cadell & Davies, 1813. Available at: <https://la.utexas.edu/users/hcleaver/368/368OwenNewViewtable.pdf> (accessed 03.05.2020).
4. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy. Vol. I: The Process of Capitalist Production* Trans. From the 3rd German edition, by S. Moore & E. Aveling, ed. by F. Engels. Chicago: C.H. Kerr and Co., 1909. Available at: <https://oll.libertyfund.org/titles/marx-capital-a-critique-of-political-economy-volume-i-the-process-of-capitalist-production> (accessed 03.05.2020).
5. Weber M. *The theory of social and economic organization*. Martino Fine Books, 2012. 450 p.
6. Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. New York: The Free Press, 1982. 264 p.
7. Howaldt J., Hochgerner J. Desperately Seeking: A Shared Understanding of Social Innovation. In: *Atlas of Social Innovation. New Practices for a Better Future*. Dortmund: Sozialforschungsstelle, TU Dortmund University, 2018. Pp. 18–21.
8. Drucker P.F. Social innovation, management, new dimension. *Long Range Planning*, 1987, no. 20 (6), pp. 29–34.
9. Young M. *The Social Scientist as Innovator*. Cambridge, Mass: Abt Books, 1983. 265 p.
10. Sandu S., Anghel I. Social innovation and innovation performance in the European Union. *Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica*, 2016, no. 18 (1), pp. 57–70.
11. Howaldt J., Kaletka C., Schröder A., Zirngiebl M. *Atlas of Social Innovation – New Practices for a Better Future*. Dortmund: Sozialforschungsstelle, TU Dortmund University, 2018. 245 p.
12. Howaldt J., Kaletka C., Schröder A., Zirngiebl M. *Atlas of Social Innovation: 2nd Volume: A World of New Practices*. München: Oekom Verlag GmbH, 2019. 208 p.
13. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 57–75. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.3
14. Соловьева Т.С. Развитие экосистемы социальных инноваций в России в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. 2019. № 3. С. 42–50. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.5
15. Кабакова Е.А. Европейский опыт исследования инноваций в рабочем пространстве // Молодые исследователи – регионам: мат-лы междунар. науч. конф., г. Вологда, 23–24 апреля 2019 г. Вологда: ВоГУ, 2019. С. 149–150.
16. Pot F. Workplace innovation for better jobs and performance. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2011, vol. 60, no. 4, pp. 404–415. DOI: 10.1108/17410401111123562

17. Vaas F., Žiauberytė-Jakštienė R., Oeij P.R.A. Case studies can support definitions of workplace innovation in practice. *Special Issue on Workplace Innovation*, 2017, vol. 1, pp. 61–72.
18. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Доктрина высокотехнологичных рабочих мест в российской экономике. М.: Эдитус, 2013. 124 с.
19. Подымалов Н. Проблемы повышения качества производства // Плановое хозяйство. 1991. № 3. С. 120–121.
20. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А. Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения: препринт WP3/2012/03 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 46 с.
21. Oeij P.R.A., Dhondt S., Žiauberytė-Jakštienė R., Corral A., Totterdill P. Implementing workplace innovation across Europe: Why, How and What? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 195–218. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.11
22. Oeij P.R.A., Dhondt S., Korver T. Workplace innovation, Social Innovation, and Social Quality. *International Journal of Social Quality*, 2011, vol. 1, no. 2, pp. 31–49. DOI: 10.3167/IJSQ.2011.010204
23. Totterdill P. *Policy Discussion Paper. Closing the Gap: Workplace innovation and UK productivity*. Available at: https://archive.acas.org.uk/media/4426/Closing-the-Gap-Workplace-innovation-and-UK-productivity/pdf/Totterdill_Innovation_paper.pdf (accessed 03.02.2020).
24. Leonidova G.V., Kabakova E.A. Trust as a factor of successful team work. *Book of Abstracts IWOT22: International Workshop on Teamworking, 22nd Edition: Teamworking and Technology at Work*. Leiden, 2018, September 6–7. Pp. 14–16.
25. Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования / А.А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Алексеевна Кабакова – заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: vologdascience@gmail.com

Kabakova E.A.

WORKPLACES AS THE OBJECT FOR INNOVATION IN THE SOCIAL SPHERE (CASE STUDY OF THE VOLOGDA OBLAST)

The article is devoted to the research of workplace innovation. The aim of the study is to consider the essence of the concept “workplace innovation” in the context of innovation in the social sphere, as well as to assess innovation according to such indirect indicators as the employee satisfaction with their professional activity, working conditions and quality of workplaces. The author justifies the relevance of studying this type of innovation to increase the efficiency and economic returns from labor activity. The data from the international scientometric databases Web of Science and Scopus are presented as the confirmation of the growing interest to the topic under consideration. The paper reveals the experience of studying this issue in Europe and specifies the necessity of researching it in the Russian Federation. The information base of the study comprises the results of the monitoring regarding the quality of the labor potential of the Vologda Oblast, which has

been conducted by Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the region since 1997, as well as the data from the international sociological survey “Modern Successful Person”, carried out in 2018 by the researchers from the Russian and Belarusian institutes of Academies of Sciences and the representatives from the Russian and Polish organizations of higher professional education. The author has used general scientific methods such as analysis, synthesis, abstraction, generalization, sociological methods (questionnaire, etc.) in the process of carrying out the study. The results obtained during analyzing the empirical data have allowed to assess the current state of workplaces, determine their problem issues, which can be improved in the process of applying innovative solutions. The scientific novelty of the study consists in defining the essence of the concept “workplace innovation” in the context of innovation in the social sphere, identifying its elements and the dependence of labor efficiency on the innovative component of workplaces. The author emphasizes the importance of studying and further implementation of workplace innovation for improving various aspects of labor activity and creating the favorable working environment for the effective functioning of organizations and increase in labor productivity of workers in the region as a whole.

Workplaces, innovation in the social sphere, workplace innovation, implementing innovation, efficiency of labor activity, improvement of working processes.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Kabakova – Deputy Head, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: vologdascience@gmail.com

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.8

УДК 331; 614 | ББК 65.495

© Проворова А.А.

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА ВСЛЕДСТВИЕ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА¹

АННА АНДРЕЕВНА ПРОВОРОВА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: aashirikova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4573-2761

Здоровье населения трудоспособного возраста является важным социально-экономическим ресурсом. Характерная для регионов Арктики гиперзаболеваемость, более высокий уровень смертности населения в трудоспособном возрасте в совокупности со снижением численности рабочей силы наносят значительный ущерб экономике. Проблема сохранения здоровья занятого населения получила наибольшую актуальность в связи с повышением пенсионного возраста. Гипотеза исследования заключается в том, что масштаб демографических и социально-экономических потерь в регионе может зависеть от возраста человека и характера заболеваемости. Цель состоит в изучении динамики повозрастных изменений масштаба и характера заболеваемости занятого населения, а также оценке социально-экономического ущерба, вызванного временной утратой трудоспособности. Информационно-эмпирическую основу составили данные статистической формы № 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности» в Архангельской области за 2010–2018 гг. В статье охарактеризованы теоретические аспекты влияния заболеваемости населения на различные стороны социально-экономического развития региона, предложена классификация методических подходов к оценке социально-экономического ущерба от потерь здоровья. Осуществлен структурно-динамический анализ причин временной утраты трудоспособности населения арктического региона на примере Архангельской обла-

Для цитирования: Проворова А.А. Оценка социально-экономического ущерба вследствие заболеваемости занятого населения арктического региона // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 117–133. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.8

For citation: Provorova A.A. Assessing socio-economic damage caused by morbidity of the employed population of the Arctic region. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 117–133. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.8

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

сти, раскрыты возрастные особенности и тенденции заболеваемости занятого в экономике региона населения. На основе актуальных методик проведена оценка повозрастных потерь трудового потенциала, а также социально-экономического ущерба по причине отдельных видов заболеваний. Анализ показал наличие некоторых положительных тенденций, которые заключаются в снижении частоты и длительности случаев нетрудоспособности в результате заболеваемости, в сокращении масштабов экономического ущерба от некоторых видов заболеваний. Социально-экономической проблемой является снижение потенциала здоровья занятого населения с возрастом. Полученные результаты могут быть использованы при корректировке и оценке эффективности региональных программ по развитию социальной сферы.

Временная нетрудоспособность, заболеваемость, занятое население, социально-экономический ущерб, арктический регион.

Актуальность

Являясь важнейшей характеристикой трудовых ресурсов, общественное здоровье, наряду с образованием и квалификацией, рассматривается в качестве ключевой детерминанты экономического роста. Состояние здоровья человека находится в прямой взаимосвязи с его трудоспособностью, жизненной активностью, социальным благополучием. Высокий потенциал физической и психической дееспособности служит залогом полноценной жизни.

Дискомфортные природно-климатические условия Арктики обуславливают более «интенсивное расходование человеческого капитала», которое проявляется в ускоренном развитии экологически обусловленных патологий, более тяжелом протекании хронических заболеваний, преждевременном старении и смертности населения [1]. Профессиональные риски, связанные с занятостью во вредных и опасных условиях труда в зоне Арктики способствуют увеличению смертности от профессиональных и хронических заболеваний. Расширение границ трудоспособного возраста, обозначенное изменениями в современном законодательстве, в еще большей степени выявило проблему сохранения здоровья работающего населения. По оценкам Н.Ф. Измерова, около 70% трудового населения России за 10 лет до пенсионного возраста имеет серьезные па-

тологии [2]. Исследования В.П. Казначеева [3] подтверждают более высокую стоимость производства единицы валового внутреннего продукта на Севере в «человеко-часах» потраченной жизни, что говорит о необходимости разработки на законодательном уровне медико-экологических требований для полноценного жизнеобеспечения человека в экстремальных экологических условиях [4].

Современные стратегические документы социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации недостаточно отражают решение проблем сохранения здоровья трудоспособного населения и ограничиваются предложением развития и внедрения корпоративных программ укрепления здоровья на рабочем месте². Вместе с тем реализация государственных стратегических планов по освоению уникальных минерально-сырьевых ресурсов, созданию опорных зон, развитию Северного морского пути невозможна без участия коренного населения, здоровье которого будет иметь ключевое значение. В связи с этим изучение особенностей заболеваемости населения трудоспособного возраста и оценка экономического ущерба от потерь здоровья в арктических регионах является важной научной задачей.

В представленной работе внимание сосредоточено на исследовании экономиче-

² Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526> (дата обращения 16.03.2020); Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года: утв. Постановлением Правительства от 21 апреля 2014 г. № 366. URL: <http://government.ru/docs/2916> (дата обращения 16.03.2020).

ского ущерба от потерь здоровья населения на примере анализа временной утраты трудоспособности (ВУТ) вследствие заболевания. Цель заключается в изучении динамики повозрастных изменений масштаба и характера заболеваемости занятого населения, оценке социально-экономического ущерба, вызванного временной нетрудоспособностью. Эмпирическую основу исследования составляют данные статистической формы № 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности» за 2010–2018 гг. в Архангельской области, а также данные баз Федеральной службы государственной статистики. Объектом исследования является занятое население Архангельской области, предметом – заболеваемость населения как основная причина временной нетрудоспособности. Практическая значимость работы заключается в получении и систематизации сведений о состоянии здоровья занятого населения арктического региона, которые могут использоваться для оценки эффективности медико-организационных мероприятий по совершенствованию оказания медицинской помощи, в целях корректировки региональных государственных программ в сфере здравоохранения, занятости и социальной защиты населения, а также для прогноза затрат государственных фондов социального страхования и обязательного медицинского страхования.

Теория и методология

Рассматривая здоровье как экономическое благо, его можно охарактеризовать как некоторый запас, необходимый для производства человеческого капитала [5]. Социально-экономическая сущность здоровья состоит в том, что любая его потеря приводит к экономическому ущербу, неизбежным расходам для восстановления и различным социальным последствиям. Важнейшим показателем состояния здоровья выступает заболеваемость населения, приводящая к инвалидизации, преждевременной смертности, временной утрате трудоспособности. Каждое из этих последствий несет определенный социальный и экономический ущерб. Обозначим основные аспекты и социально-экономические последствия, вызванные временной нетрудоспособностью населения, под которой понимается невозможность выполнения работником своих трудовых обязанностей в связи с потерей (снижением) трудоспособности из-за болезни (травмы) или иных предусмотренных законодательством социально значимых причин (рис. 1).

Прежде всего временная нетрудоспособность, вызванная заболеваемостью населения, наносит определенный демографический ущерб. Состояние здоровья молодого, находящегося в трудоспособном возрасте, населения определяет демографический по-

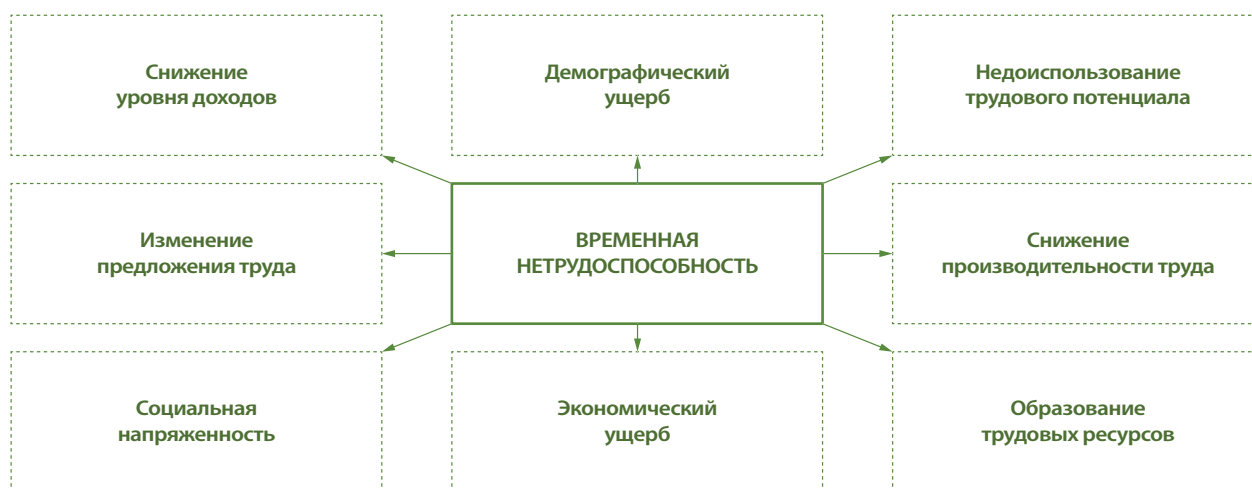

Рис. 1. Аспекты влияния заболеваемости населения с временной утратой трудоспособности на социально-экономическое развитие

тенциал общества в целом. Интенсивность, длительность и характер заболеваемости населения в совокупности определяют продолжительность жизни, возможность реализации репродуктивных планов и воспроизводства здорового поколения. Плохое состояние здоровья предопределяет высокий уровень преждевременной смертности. Особенностью арктической модели смертности является более высокий уровень смертности населения в трудоспособном возрасте, который выше среднероссийского на 20%, наряду с более низкими показателями общего коэффициента смертности населения. Уровень здоровья выступает важным показателем качества трудовых ресурсов. Ухудшение состояния здоровья населения, вызванное «омоложением» старческих заболеваний (заболевания сердечно-сосудистой системы, онкологические заболевания), а также возникновение новых форм болезней ставит вопрос о возможности продолжения трудовой жизни, качественном выполнении трудовых функций. По данным федеральных органов государственной статистики, в 2017 году в регионах Арктики наибольший уровень заболеваемости по сравнению со среднероссийскими значениями фиксировался по таким видам заболеваний, как новообразования (в 1,7 раза), болезни эндокринной системы (в 1,5 раза), костно-мышечной системы (в 1,5 раза), органов дыхания (в 1,5 раза) и пищеварения (в 1,5 раза), а также врожденные аномалии (в 1,5 раза)⁵.

Другим аспектом влияния заболеваемости на социально-экономическое развитие является недоиспользование трудового потенциала, которое будет выражаться в годах несостоявшейся трудовой деятельности в результате временной утраты трудоспособности. С позиции качественных оценок состояние здоровья людей оказывает влияние на производительность труда, уровень образования и доходов населения. Повышение производительности труда в настоящее время выступает одним из ключевых факторов, определяющих конкуренто-

способность стран на мировом рынке. Д.И. Блум, Д. Кэннинг отмечают, что воздействие здоровья на производительность труда осуществляется через величину выработки. Очевидно, что, обладая физической и умственной активностью, население может произвести больший общественный продукт [6]. Рассматривая косвенный аспект такого влияния, следует сказать, что люди, не обладающие физическим и психическим здоровьем, в меньшей степени ориентированы на эффективное использование современных технологий, обладают более низкими адаптационными способностями к изменяющимся условиям. Это приводит к более низкой производительности труда [7].

Связь здоровья и образования проявляется в том, что повышение продолжительности жизни в результате снижения заболеваемости стимулирует такой процесс, как инвестирование «в себя», в собственное обучение и повышение квалификации [8]. С другой стороны, образованному человеку в большей степени свойственно самосохранительное поведение, он имеет более высокий уровень медицинской грамотности, располагает большим доступом к информационным ресурсам и обладает критическим мышлением по отношению к использованию инновационных методов оздоровления и ведения здорового образа жизни. Зарубежные исследователи выделяют такой аспект взаимодействия здоровья и инвестирования, как возрастание пенсионных накоплений в инвестиционных фондах в результате увеличения продолжительности жизни [6].

Безусловно, временная утрата трудоспособности предполагает снижение доходов. Это обусловлено как правовым статусом занятости (формальная или неформальная), так и особенностями российского законодательства, которое определяет размер выплаты пособия по нетрудоспособности в зависимости от стажа работы.

Воздействие здоровья на предложение труда проявляется в двух противоположных аспектах. С одной стороны, плохое со-

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B18_14p/Main.htm (дата обращения 16.03.2020).

стояние здоровья вынуждает человека снизить занятость или уйти с рынка труда, тем самым сократить предложение труда. Ряд исследований свидетельствует о том, что плохое здоровье, а особенно наличие хронических заболеваний, влияет на решение выйти на пенсию раньше [9]. Вероятность досрочного выхода на пенсию у человека с плохим здоровьем в 10 раз выше, чем у здорового [10]. Однако, в случае если система социальной защиты не способна возместить падение доходов в результате ухудшения здоровья и снижения производительности труда, стремление человека иметь прежний уровень заработка будет сопровождаться ростом занятости, тем самым увеличивая предложение труда [7].

Совокупность последствий временной нетрудоспособности, проявляющихся в снижении занятости населения, падении доходов и производительности труда, вызывает масштабный экономический ущерб, который, в свою очередь, характеризуется упущенной выгодой в результате недопроиз-

водства валового регионального продукта, недополучением налоговых поступлений в бюджет, издержками государства на выплату больничного листа и оказание медицинских услуг. Помимо демографических и экономических проявлений, высокий уровень заболеваемости и вызванной в связи с этим временной утраты трудоспособности имеет и социальные последствия, находящие отражение в социальной напряженности и депривации.

Несмотря на значительные теоретические изыскания в отношении влияния заболеваемости населения на различные стороны жизни общества, наиболее изучен аспект экономического ущерба от временной нетрудоспособности. Вся совокупность методических подходов к оценке социально-экономического ущерба от временной нетрудоспособности в результате заболеваемости населения условно можно разделить на три группы (табл. 1).

Первая группа подходов характеризует оценку социально-экономических потерь,

Таблица 1. Методические подходы к оценке социально-экономического ущерба от временной нетрудоспособности вследствие заболеваемости населения

Направление	Сущность
Социально-экономические потери	
Социально-демографические потери	Потерянные годы жизни вследствие нарушения здоровья
Потери трудового потенциала	Число лет несостоявшейся трудовой деятельности в результате временной нетрудоспособности, человеко-лет
Экономические потери	Упущенная выгода в производстве ВВП (ВРП), недополучение налоговых поступлений в бюджет
Социально-экономические затраты	
«Груз болезней»	Затраты на оказание медицинской помощи людям, включая амбулаторное, стационарное лечение; реабилитационные мероприятия, санаторно-курортное лечение; затраты на компенсацию временной нетрудоспособности людей, потерявших свое здоровье
Стоимость среднестатистической жизни	Стоимостное выражение жизни среднестатистического человека, которое измеряется суммой затрат на поддержание всего жизненного цикла
Затраты – полезность	Качественная оценка рентабельности медицинских мероприятий (лечения болезней), в которой учитываются не только затраты на лечение, но и продленные годы жизни с учетом ее качества
Комплексная оценка	
Совокупный экономический ущерб от временной нетрудоспособности	Сочетание нескольких подходов к оценке ущерба от заболеваемости, учитывающих как затраты, так и потери
Составлено по: [11–22].	

вызванных временной нетрудоспособностью населения. Одним из подходов к оценке масштабов социально-демографических потерь вследствие утраты здоровья является используемое в настоящее время мировым сообществом понятие глобального бремени болезни. Применяемый в рамках данного подхода индикатор DALY (disability adjusted life years) отражает потерянные годы жизни, утраченные из-за преждевременной смертности, а также потерянные годы здоровой жизни вследствие нарушения здоровья, не приводящего к смертельному исходу⁴ [11]. Этот показатель, широко используемый за рубежом для комплексной оценки потерь здоровья, в России пока не нашел активного применения.

Используемые в Российской Федерации методические подходы описывают потери трудового потенциала в результате временной нетрудоспособности и экономические потери, которые выражаются в упущенной выгоде от производства валового регионального продукта (ВРП). Оценка потерь трудового потенциала сводится к расчету человеко-лет несостоявшейся трудовой деятельности в результате заболеваемости путем деления числа дней нетрудоспособности на количество календарных дней в году. Главным образом, потери трудового потенциала, согласно этой методике, сводятся к потере рабочего времени из-за временной нетрудоспособности. Данный метод позволяет оценить потери трудового потенциала от различных причин нетрудоспособности и дифференцировать его масштабы среди мужского и женского населения. Расчет упущенной выгоды в производстве ВРП осу-

ществляется на основе показателя потерь трудового потенциала, размеров пособий по временной нетрудоспособности, валового регионального продукта и численности занятых⁵. Современная методология расчета экономических потерь от заболеваемости населения, разработанная Министерством здравоохранения РФ, рассматривает упущенную выгоду как произведение числа дней временной нетрудоспособности на ВВП в расчете на одного занятого в день. При этом методика позволяет осуществить расчет недопроизводства ВВП с учетом возраста, пола и причин заболеваемости⁶. А.П. Егоршин, Н.А. Полина в своей методике расчета непроизведенного в результате нетрудоспособности валового регионального продукта предлагают использовать в дополнение к вышеперечисленным показатели фонда рабочего времени, а также численности работников, проходящих стационарное и амбулаторное лечение [12].

Второй подход рассматривает ущерб от заболеваемости с позиции государственных затрат на оказание медицинской помощи и выплат, компенсирующих временную нетрудоспособность. Современные методики оценки, используемые в РФ, включают в структуру затрат стоимость медицинского обслуживания в стационарах и амбулаторного лечения, пособие по временной утрате нетрудоспособности с учетом числа заболеваний и числа детей, лечащихся под присмотром родителей [13]. Еще одним методом экономического учета «груза» заболеваемости является оценка среднестатистической стоимости жизни. Согласно различным подходам, стоимость жизни

⁴ Методические указания. Экономическая оценка потерь здоровья населения в результате воздействия неблагоприятных факторов окружающей среды: технич. отчет / Б.А. Ревич [и др.]. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/312918667_metodiceskie_ukazania_-_ekonomiceskaa_ocenka_potерь_zdorova_naselenia_v_rezultate_vozdejstvia_neblagopriatnyh_faktorov_okruzausej_sredy (дата обращения 16.05.2020). DOI: 10.13140/RG.2.2.17412.32646

⁵ Методика расчета медико-социальной и экономической эффективности реализации программ, направленных на улучшение здоровья населения (на примере болезней системы кровообращения): утв. Минздравсоцразвития РФ 14 марта 2005 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=373049&dst=100001#038857570191502955> (дата обращения 15.06.2020).

⁶ Методологии расчета экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизация населения: утв. Приказом Минэкономразвития России № 192, Минздравсоцразвития России № 323н, Минфина России № 45н, Росстата от 10 апреля 2012 г. № 113. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129302 (дата обращения 15.06.2020).

определяется размером затрат, вложенных в развитие человека, последующей отдачей от них и готовностью человека платить за то, чтобы снизить риск смерти или сохранить здоровье [14], или размером компенсационных выплат категории людей, чья трудовая деятельность связана с риском для жизни [15], или затрат на поддержание всего жизненного цикла (величина заработной платы, затраты органов власти на образование и лечение, личные затраты на поддержание жизнедеятельности и лечение, пенсии) [16]. Применение указанных методик позволяет планировать мероприятия и расходы в рамках государственной системы здравоохранения. Современным методом, помогающим оценить не только затраты на медицинское обслуживание, но и их эффективность (затраты – полезность), является использование коэффициента QALY (Quality-Adjusted Life-Years) – годы жизни с поправкой на качество жизни. Этот индекс позволяет оценить количество прожитых дополнительных лет в результате примененных мер профилактики или лечения заболевания с учетом показателя качества жизни, определяемого на основе самооценки здоровья [17]. Оценка эффективности вложений в систему здравоохранения на основе методик DALY и QALY в РФ затруднена ввиду недостатка статических данных. Несмотря на некоторое ограничение, в России были предприняты попытки оценить экономические потери вследствие заболеваемости с использованием описанных методов [18; 19]. Исследования показывают, что основные потери здоровой жизни в РФ связаны с нарушениями здоровья, не приводящими к смертельному исходу. Отмечается, что «вклад» заболеваний в потери здоровой жизни изменяется с возрастом: вклад инфекционных болезней наиболее характерен для возраста от 0 до 4 лет; травм – для населения в возрасте от 30 до 44 лет; роль неинфекционных болезней максимальна в пожилых возрастах. Согласно результатам данных исследований, с целью повышения продолжительности здоровой жизни насе-

ления России рекомендуется увеличить расходы общества на лечение и профилактику заболеваний органов дыхания, болезней системы кровообращения, костно-мышечной системы [20].

Наибольшее распространение при оценке ущерба вследствие временной нетрудоспособности получил комплексный подход, который предполагает суммирование как экономических потерь в виде недополученного эффекта, так и государственных затрат на медицинское обслуживание и социальные выплаты. Различные модификации методик по оценке социально-экономического ущерба включают учет налоговых потерь в бюджет из-за временной нетрудоспособности [13], личные расходы граждан на медикаменты и медицинское обслуживание [21].

Оценка затрат чаще всего воспринимается как прямой ущерб, в то время как оценка потерь, выражающаяся в числе лет потерянной здоровой жизни, рассматривается как косвенный ущерб. Кроме того, заболеваемость с временной утратой трудоспособности имеет и иные экономические потери, которые связаны с недоиспользованием основных фондов, ухудшением организации труда из-за невыхода на работу заболевшего, снижением трудоспособности и качества жизни в целом [12]. Не поддаются экономической оценке и иные последствия, например, нарушение отношений в семье из-за болезни, упущенные возможности карьерного роста, ограничения общественной деятельности.

Результаты и обсуждение

Анализ сведений о причинах временной нетрудоспособности в Архангельской области позволяет сделать вывод о преобладании в 2018 году таких причин, как болезни органов дыхания (42,2%), костно-мышечной системы (15,7% случаев), а также травмы, отравления и иные внешние причины (9,6%)⁷. Структура причин нетрудоспособности не претерпела значительных изменений за период с 2010 по 2018 год и согласуется с общероссийской [22]. Анализ динамики по-

⁷ Письмо Министерства здравоохранения Архангельской области от 22 марта 2019 г. № 01-01-14/д696.

казателей за исследуемый период позволяет сделать вывод о сокращении числа случаев нетрудоспособности по всем видам заболеваний, что отчасти может быть обусловлено снижением численности занятого населения в регионе. Вместе с тем, рассматривая динамические изменения в структуре нетрудоспособности, следует отметить увеличение веса заболеваний органов дыхания (на 5 п. п.) и новообразований (на 0,7 п. п.). Данные тенденции согласуются как по числу случаев, так и по продолжительности дней временной нетрудоспособности. Значимость других причин несколько снизилась, в основном за счет сокращения заболеваемости болезнями системы кровообращения, пищеварения и костно-мышечной и соединительной ткани. Исключение составили болезни крови и эндокринной системы, а также беременность и роды, чьи доли в структуре случаев нетрудоспособности по причине заболеваемости не изменились. Снижение числа случаев заболеваемости работающего населения может свидетельствовать о некотором улучшении потенциала здоровья, что благоприятно скажется на воспроизводстве всего демографического потенциала.

Динамика случаев нетрудоспособности за 2010–2018 гг. свидетельствует о том, что снижение в наибольшей степени коснулось населения в возрасте 15–19 (на 52%), 20–29 лет (на 50%), а также возрастную категорию 50–59 лет (на 45%). Сокращение числа случаев нетрудоспособности в наиболее экономически активных возрастах 30–39 и 40–49 лет составило 25 и 33% соответственно. В меньшей степени снижение данного показателя коснулось категории населения старше 60 лет (на 11%) (рис. 2, 3). Следует отметить: если уменьшение числа случаев ВУТ в возрасте 15–19 и 20–29 лет сопровождалось сокращением числа занятых в данных категориях на 70 и 31%, то сокращение числа случаев нетрудоспособности в возрасте 60–72 года на 11% было сопряжено с увеличением численности занятого населения в этом возрасте примерно на 12%⁸. Такая динамика отчетливо характеризует тенденцию старения

рабочей силы и снижения ее качества с возрастом.

Анализ возрастного профиля причин нетрудоспособности свидетельствует о специфическом характере заболеваемости населения различных возрастных категорий. Временная нетрудоспособность молодого населения 15–19 и 20–29 лет обусловлена болезнями органов дыхания, травмами, отравлениями и иными внешними причинами. С увеличением возраста значимость указанных причин снижается, уступая место болезням костно-мышечной системы, системы кровообращения, болезням глаза и новообразованиям.

Расчет данного показателя на 100 человек занятого населения свидетельствует о некотором снижении «бремени нетрудоспособности» на экономику региона: с 45,6 случаев в 2010 году до 33,6 случаев в 2018 году. Оценивая этот показатель в каждой возрастной категории, можно говорить о некотором снижении заболеваемости. В наибольшей степени такая динамика характерна для самой экономически активной категории населения в возрасте от 20 до 59 лет (табл. 2).

Также следует обратить внимание на негативную динамику случаев ВУТ по отдельным видам заболеваний среди населения в возрасте 15–19 лет и старше 60 лет. Так, увеличение числа случаев нетрудоспособности на 100 человек занятых в возрастной категории от 15 до 19 лет вызвано болезнями системы кровообращения (на 14%), глаза (на 50%), органов дыхания (на 92%), пищеварения (на 44%), мочеполовой системы (на 26%), а также внешними причинами (на 30%). Такие результаты обусловлены более интенсивным сокращением численности занятого населения на фоне более плавного снижения случаев нетрудоспособности. С 2010 по 2018 год численность занятого населения в указанном возрасте снизилась с 5,3 до 1,5 тыс. чел., т. е. почти на 70%, в то же время снижение абсолютного числа случаев нетрудоспособности за этот период составило около 50%.

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>

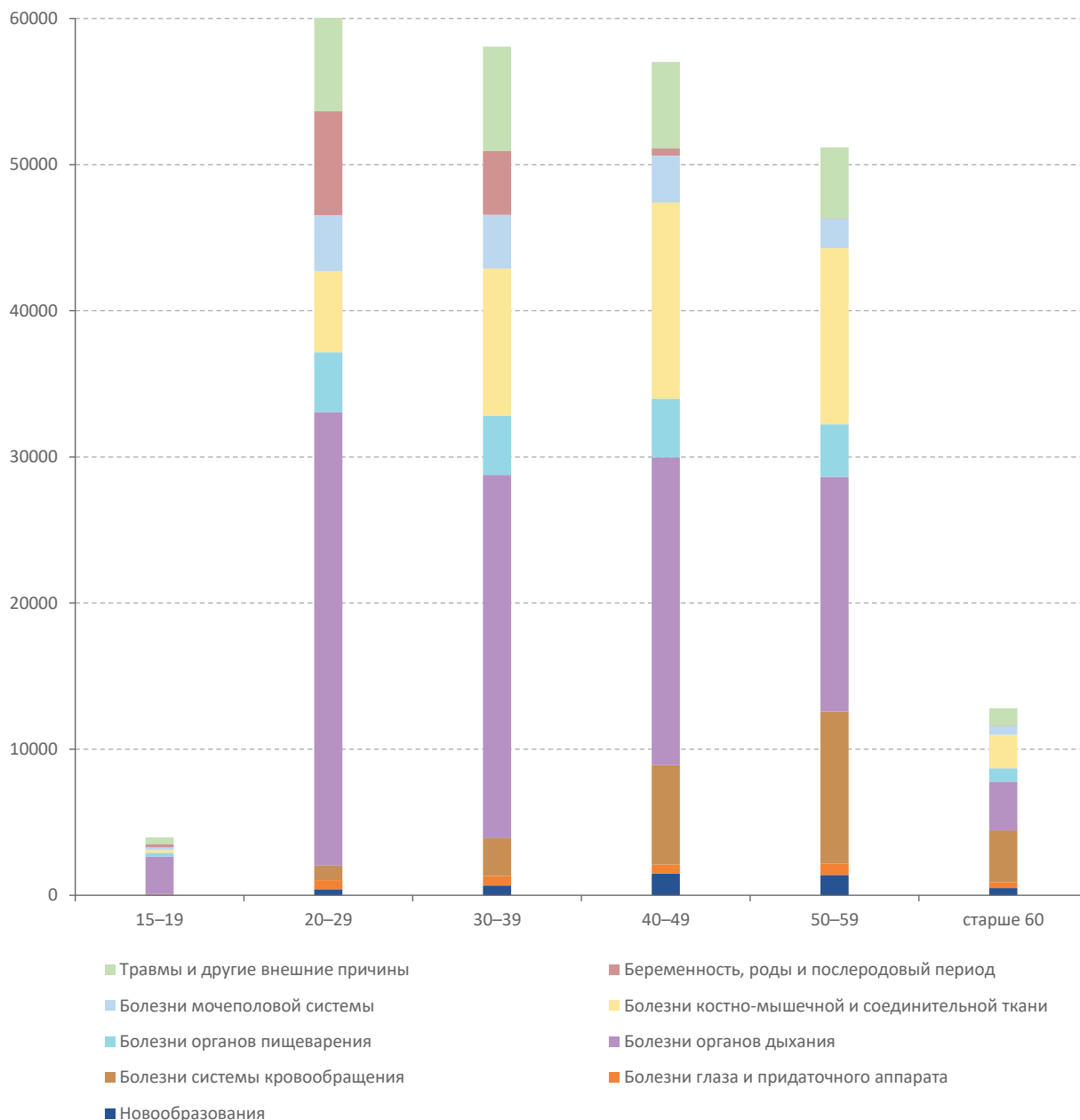

Рис. 2. Возрастной профиль временной нетрудоспособности населения Архангельской области по причине наиболее распространенных заболеваний, 2010 год, число случаев

Источник: Статистическая форма 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности за 2010 год» в Архангельской области (без Ненецкого автономного округа).

Увеличение числа случаев ВУТ на 100 человек занятого населения старше 60 лет вызвано болезнями глаза (на 57%), системы кровообращения (на 11%) и дыхания (на 3%), а также новообразованиями (на 83%). Характер этих заболеваний коренным образом влияет на продолжительность жизни человека, а их лечение предопределяет более длительный период нетрудоспособности, что в совокупности обуславливает

недоиспользование трудового потенциала и величину экономического ущерба.

Негативной тенденцией становится сокращение числа случаев временной нетрудоспособности по причине беременности, родов и послеродового периода. В наибольшей степени это характерно для молодых женщин 20–29 лет: число случаев нетрудоспособности за исследуемый период снизилось более чем на 30%. Такие результаты со-

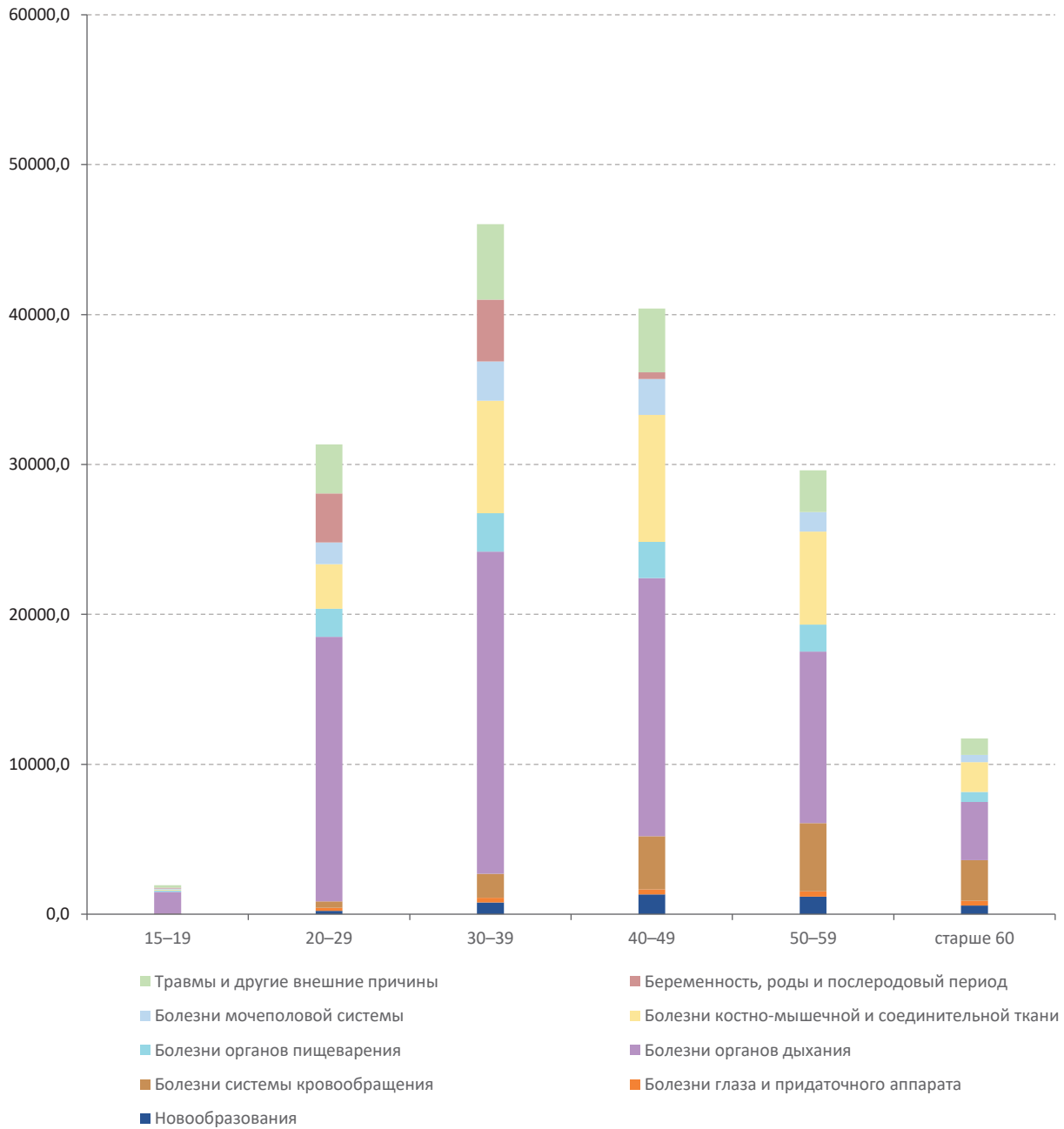

Рис. 3. Возрастной профиль временной нетрудоспособности населения Архангельской области по причине наиболее распространенных заболеваний, 2018 год, число случаев

Источник: Статистическая форма 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности за 2018 год» в Архангельской области (без Ненецкого автономного округа).

гласуются с современными репродуктивными установками молодежи в Арктике – нацеленностью на малодетный тип семьи или откладыванием рождения ребенка на более поздний период жизни [23].

Важно отметить увеличение «груза нетрудоспособности» вследствие заболеваемости с возрастом. Например, если в 2018 году в возрасте 40–49 лет число случаев по

всем видам заболеваний на 100 человек занятых равнялось 32,8, то для населения старше 60 лет – 47,6.

Таким образом, улучшение здоровья молодого населения, составляющего в будущем основу трудовых ресурсов, и старшего поколения, использование трудового потенциала которого в условиях повышения пенсионного возраста приобретает особую значимость,

Таблица 2. Временная нетрудоспособность населения Архангельской области по причине наиболее распространенных заболеваний в 2010 и 2018 гг., число случаев на 100 чел. занятых

	15–19 лет		20–29 лет		30–39 лет		40–49 лет		50–59 лет		Старше 60 лет	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018
Новообразования	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4	0,5	1,0	1,0	1,2	1,3	1,2	2,2
Болезни глаза	0,4	0,6	0,5	0,2	0,4	0,2	0,4	0,2	0,7	0,4	0,7	1,1
Болезни системы кровообращения	0,7	0,8	0,7	0,4	1,7	1,0	4,5	2,7	9,2	4,9	9,2	10,3
Болезни органов дыхания	48,7	93,6	22,1	18,4	15,9	14,1	14,0	12,9	14,2	12,3	14,2	14,7
Болезни органов пищеварения	4,6	6,5	2,9	1,9	2,6	1,7	2,7	1,8	3,2	1,9	3,2	2,6
Болезни костно-мышечной системы	3,8	3,8	3,9	3,1	6,4	4,9	8,9	6,4	10,7	6,7	10,7	7,5
Болезни мочеполовой системы	3,4	4,3	2,7	1,5	2,4	1,7	2,1	1,8	1,8	1,4	1,8	1,8
Беременность, роды и послеродовый период	4,4	4,3	5,0	3,4	2,8	2,7	0,3	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0
Травмы, отравления и пр.	8,5	11,1	5,3	3,4	4,6	3,3	3,9	3,2	4,3	3,0	4,3	4,1
Всего по заболеваниям	81,3	132,3	47,5	35,1	41,2	32,6	41,9	32,8	49,5	34,3	59,0	47,6

Составлено по: Статистическая форма 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности» за 2010 и 2018 гг. в Архангельской области (без Ненецкого автономного округа); Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 16.03.2020).

является важной социально-экономической задачей.

Помимо влияния здоровья на реализацию демографического потенциала, временная утрата трудоспособности вследствие заболеваемости имеет большое экономическое значение, проявляющееся в недоиспользовании трудового потенциала, упущенной выгоде в производстве валового регионального продукта, государственных затратах на оказание медицинской помощи и выплату пособий по временной нетрудоспособности.

В нашем исследовании представлена оценка социально-экономического ущерба, в основу которой положен комплексный подход, учитывающий как потери, вызванные недополучением дохода, так и государственные затраты на оказание медицинской помощи и социальные выплаты. Оценка потерь трудового потенциала опирается на существующие эмпирические данные и сосредоточена лишь на потерях рабочего времени, вызванных временной нетрудоспособностью в результате заболевания. В качестве причин временной нетрудоспособности

рассматривались только болезни, включая беременность, роды и послеродовый период. Иные причины (уход за больными, отпуск в связи с санаторно-курортным лечением, освобождение от работы в связи с карантинном) в расчете не использовались, что было обусловлено изучением качества самого населения, занятого в экономике региона. Порядок расчета и используемые показатели представлены в табл. 3, 4.

В 2018 году потери экономики Архангельской области из-за временной нетрудоспособности в результате заболеваемости на каждые 100 чел. составили 434 календарных дня. Всего было потеряно 2,2 млн календарных дней, что может соответствовать невыходу на работу в течение года чуть более 6 тыс. работников. В 2010 году на 100 чел. занятого населения приходилось 625 дней, что равнялось потере трудового потенциала в размере 10092,7 человеко-лет. Сокращение масштабов потерь трудового потенциала обусловлено не только абсолютным снижением числа случаев нетрудоспособности, но и сокращением продолжительности одного случая. Это может свидетель-

Таблица 3. Порядок расчета социально-экономического ущерба вследствие временной утраты трудоспособности по причине заболевания

Название	Порядок расчета	Источник данных
Социально-экономические потери		
Потери трудового потенциала, человеко-лет	$P = \frac{DVN}{365}, \text{ где:}$ P – потери трудового потенциала в результате заболеваемости с временной утратой трудоспособности, человеко-лет; DVN – число дней временной нетрудоспособности по причине заболевания; 365 – число дней в году	Статистическая форма № 16ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности»
Упущенная выгода в производстве ВРП в результате временной нетрудоспособности	$ВРП_{\text{н}} = \frac{T_{\text{вут}}}{\Phi} * ВРП * N, \text{ где:}$ ВРП _н – недопроизведенный в результате временной утраты трудоспособности ВРП, млн руб.; T _{вут} – количество дней нетрудоспособности на одного занятого вследствие заболевания; Φ – фонд рабочего времени на одного занятого, дней; ВРП – размер валового регионального продукта, произведенного в текущем году на 1 занятого, млн руб.; T – число случаев нетрудоспособности вследствие заболевания, ед.	Статистическая форма № 16ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности»; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения 16.03.2020)
Социально-экономические затраты		
Финансовое обеспечение средствами ФОМС одного вида заболевания, млн руб.	$\Phi_{\text{ОМС}} = \Phi_{\text{л}} * T, \text{ где:}$ Φ _{ОМС} – финансовое обеспечение средствами ФОМС на лечение одного вида заболевания, млн руб.; Φ _л – расходы средств ФОМС в расчете на одного жителя; руб.; T – число случаев нетрудоспособности по определенному виду заболевания, ед.	Отчет о результатах деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2018 году. М.: Федеральный фонд ОМС, 2019. 90 с.; Статистическая форма № 16ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности»; Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru (дата обращения 25.06.2020)
Выплаты пособия по временной нетрудоспособности в связи с заболеваемостью, млн руб.	$\Phi_{\text{вут}} = \frac{\Phi_{\text{вут}}}{N} * N_i, \text{ где:}$ Φ _{вут} – выплаты пособий по временной нетрудоспособности в результате заболеваемости, млн руб.; Φ _{вут} – расходы фонда социального страхования на выплату пособий по временной нетрудоспособности и в связи с материнством, руб.; N – число дней нетрудоспособности вследствие заболеваемости; N _i – число дней нетрудоспособности по причине исследуемого заболевания	Статистическая форма № 16ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности»; ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru (дата обращения 25.06.2020)
Составлено по: [12; 14].		

Таблица 4. Основные социально-экономические показатели, характеризующие социально-экономический ущерб от временной нетрудоспособности занятого населения в Архангельской области, 2010 и 2018 гг. (в текущих ценах)

Показатель	2010 год	2018 год
Валовой региональный продукт, млн руб.	210134,1	514033,4
Численность занятых, тыс. чел.	589,2	516,4
Средняя продолжительность одного случая нетрудоспособности по причине заболевания, дней	13,6	12,9
Число случаев временной нетрудоспособности по причине заболеваний, ед.	268631	173496
Фонд рабочего времени на 1 человека, дней	249	247
Расходы фонда социального страхования на выплату пособия по временной нетрудоспособности и в связи с материнством, млн руб.	2189,9	2497,1
Пособие по временной нетрудоспособности, руб./день*	494	879
Расходы средств ОМС в расчете на одного жителя (застрахованное лицо), руб.	4953,7**	18414

* Размер ежедневного пособия по временной нетрудоспособности (ВУТ) рассчитывается как частное расходов фонда ОМС на выплату пособий по ВУТ и общего числа дней нетрудоспособности в году.
 ** Сведения с учетом Ненецкого автономного округа.

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>; Статистическая форма № 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности» в Архангельской области (без Ненецкого автономного округа) за 2010 и 2018 гг.; ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru>; Отчет о результатах деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2018 году. М.: Федеральный фонд ОМС, 2019. 90 с.

ствовать об эффективности мер, предпринимаемых в рамках государственной системы здравоохранения.

В 2018 году наибольшие потери трудового потенциала были обусловлены болезнями органов дыхания (1819,7 человеко-лет), внешними причинами (1084,1 человеко-лет) и болезнями костно-мышечной системы (1078,5 человеко-лет). В рейтинг основных причин входят болезни систем кровообращения и пищеварения. При этом следует выделить возрастные особенности потерь трудового потенциала. Так, основные потери трудового потенциала молодого населения в возрасте от 15 до 39 лет вызваны болезнями органов дыхания, костно-мышечной ткани и травмами. Также в число пяти основных причин нетрудоспособности в данном возрасте входят болезни органов пищеварения, беременность, роды и послеродовый период.

Для населения в возрасте 40–49 лет потери трудового потенциала, помимо болезней органов дыхания, костно-мышечной системы и внешних причин, вызваны болезнями системы кровообращения и новообразованиями. Для населения старше 50 лет основные потери трудового потенциала связаны в большей степени с болезнями системы кровообращения и костно-мышечной системы (табл. 5).

Общей тенденцией за исследуемый период (2010–2018 гг.) стало снижение трудопотерь в результате заболеваемости населения. Это обусловлено уменьшением численности занятого населения и, соответственно, числа случаев временной нетрудоспособности. Однако, рассматривая структуру потерь трудового потенциала, следует отметить, что с увеличением возраста населения растут потери трудового потенциала вследствие забо-

Таблица 5. Масштабы потерь трудового потенциала в результате заболеваемости в отдельных возрастных категориях, человеко-лет

Причина временной нетрудоспособности	15–19 лет		20–29 лет		30–39 лет		40–49 лет		50–59 лет		Старше 60 лет	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018
Новообразования	1,1	0,3	30,1	14,3	49,4	51,9	110,1	88,2	102,5	78,2	35,7	38,8
Болезни глаза	0,7	0,3	20,6	6,9	20,6	10,5	20,2	10,8	25,4	11,4	13,6	9,8
Болезни системы кровообращения	1,8	0,6	47,1	17,8	125,3	68,0	327,0	151,0	499,8	194,1	170,7	115,8
Болезни органов дыхания	64,6	36,1	777,7	439,4	622,4	534,8	527,5	428,6	402,8	284,4	83,1	96,4
Болезни органов пищеварения	5,8	3,5	179,1	65,6	171,2	101,1	142,7	85,4	116,8	56,2	28,5	21,9
Болезни костно-мышечной системы	8,4	2,3	231,1	117,7	421,0	297,5	561,1	336,0	504,2	246,3	95,5	78,7
Болезни мочеполовой системы	1,7	0,5	53,0	26,0	96,5	65,7	128,6	74,2	115,6	54,4	21,9	17,4
Беременность, роды и послеродовый период	8,2	2,1	249,7	103,1	153,9	129,5	16,9	14,1	1,1	0,0	0,2	0,0
Травмы, отравления и пр.	29,0	11,2	477,9	213,1	456,9	328,5	380,9	277,5	311,7	182,5	76,1	71,3
Всего по заболеваниям	140	65,0	2338,9	1125,6	2396	1752	2453	1589	2198	1162,3	517	444

Цветом обозначены виды заболеваний, характеризующиеся наибольшим масштабом потерь трудового потенциала в данной возрастной категории.
Составлено по: Статистическая форма № 16ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности в Архангельской области» в 2010 и 2018 гг.

леваний системы кровообращения, костно-мышечной ткани, глаза, эндокринной системы и новообразований. Масштабы потерь трудового потенциала населения старше 60 лет по причине болезней системы кровообращения выше в 30 раз, чем соответствующие потери в возрасте 15–19 лет, по причине новообразований – более 20 раз. Эти заболевания в настоящее время становятся ведущими причинами инвалидизации и смертности населения.

В табл. 6 представлены оценочные данные социально-экономического ущерба вследствие временной нетрудоспособности населения по классам болезней, получившим наибольшее распространение в регионе. Необходимость таких оценок обусловлена их использованием для определения экономической эффективности различных программ по развитию социальной сферы. Изучение экономического ущерба, вызванного определенными видами заболеваний, позволяет скорректировать приоритеты деятельности органов власти, уполномоченных решать соответствующие вопросы, а также определить эффективность оздоровительных мероприятий, направленных на снижение заболеваемости экономически активного населения.

Полученные результаты демонстрируют снижение потерь трудового потенциала вследствие заболеваемости занятого населения. Общие потери трудового потенциала с 2010 по 2018 год сократились на 40%, что обусловлено в основном снижением распространения болезней системы кровообращения и пищеварения. Это положительным образом сказалось и на снижении упущенной выгоды в производстве валового регионального продукта. Несмотря на расчет упущенной выгоды в текущих ценах, а также увеличение размеров валового регионального продукта (ВРП) на одного занятого в экономике с 2010 по 2018 год в 2,8 раза, потери ВРП по причине болезней системы кровообращения и пищеварения снизились в 2018 году по сравнению с 2010 годом на 21 и 8% соответственно. В меньшей степени потери трудового потенциала были вызваны временной нетрудоспособностью в результате возникновения новообразований. Негативной тенденцией является и максимальный прирост упущенной выгоды в производстве ВРП вследствие новообразований (в 2,4 раза). Несмотря на некоторое снижение заболеваемости населения болезнями органов дыхания, данная категория выступает основной причиной социально-

Таблица 6. Оценка социально-экономического ущерба от временной нетрудоспособности вследствие заболеваемости населения Архангельской области, в текущих ценах

Причина временной нетрудоспособности	Социально-экономические потери				Социально-экономические затраты			
	потери трудового потенциала, человеко-лет		недопроизводство ВРП, млн руб.		финансовое обеспечение средствами ФОМС, млн руб.		выплата пособий по временной нетрудоспособности, млн руб.	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018
Новообразования	328,8	271,7	1,3	3,2	21,05	75,3	59,2	87,2
Болезни системы кровообращения	1171,8	547,3	25,3	20,0	120,6	236,6	211,3	175,6
Болезни органов дыхания	2478,2	1819,7	217,6	379,1	490,2	1346,7	446,8	583,9
Болезни органов пищеварения	644,1	333,6	9,7	8,9	83,8	173,3	116,1	107,1
Болезни костно-мышечной системы	1821,3	1078,5	70,4	83,5	215,8	500,8	328,4	346,0
Внешние причины	1732,4	1084,1	41,5	51,2	133,7	305,7	312,4	347,8
Всего по заболеваниям	10092,7	6140,5	2405,6	3034,6	1330,7	3194,7	1819,9	2497,0

Источник: расчеты автора.

экономических потерь. Это обуславливает необходимость проведения более эффективных профилактических и оздоровительных мероприятий.

Масштаб социально-экономических затрат связан с издержками государства на оказание медицинской помощи и выплату пособий по причине временной нетрудоспособности. Учитывая, что величина затрат на лечение может варьироваться в зависимости от возраста и характера заболеваемости, в исследовании величина затрат на лечение определенной группы заболеваний рассчитывалась как произведение подушевых расходов средств фонда обязательного медицинского страхования и числа случаев временной нетрудоспособности, вызванных заболеванием. Наибольшие финансовые затраты согласно расчетам приходятся на болезни органов дыхания и костно-мышечной системы. Второй аспект издержек связан с необходимостью выплаты пособий по временной нетрудоспособности. Объем выплат пособий в рамках определенного вида заболевания рассчитывался как произведение размера ежедневного пособия по ВУТ и числа дней нетрудоспособности, вызванного тем или иным заболеванием. Как показали расчеты, снижение заболеваемости населения болезнями системы кровообращения и пищеварения также положительным образом сказывается на сокращении этого вида государственных затрат. Можно наблюдать те же тенденции в части преобладающей доли затрат на выплату пособия по временной нетрудоспособности, вызванной болезнями органов дыхания и костно-мышечной системы, и максимальный по сравнению с

иными видами заболеваний прирост расходов в связи с нетрудоспособностью по причине возникновения новообразований.

Заключение

Повышение производительности труда, стабильное воспроизводство рабочей силы выступают сегодня решающими факторами конкурентоспособности экономики региона. В связи с этим рост качества человеческих ресурсов, принятие мер по укреплению здоровья населения, обеспечивающих возможность участия максимального числа работников в производстве экономических благ, становятся ключевой стратегической задачей политики развития арктических территорий. Проведенный анализ свидетельствует о наличии некоторых положительных тенденций, которые заключаются в снижении частоты и длительности случаев нетрудоспособности в результате заболеваемости и сокращении масштабов экономического ущерба от некоторых видов заболеваний. Вместе с тем медико-демографической и социально-экономической проблемой является снижение потенциала здоровья занятого населения с возрастом, включая учащение возникновения заболеваний, влияющих на качество и продолжительность жизни. Эти проблемы усугубляются сокращением численности занятого населения в целом и увеличением в ее структуре старших возрастных групп. Все сказанное обуславливает необходимость формирования эффективного организационно-экономического механизма, направленного на сохранение здоровья работающего населения в условиях Арктики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Душкова Д.О., Евсеев А.В. Оценка параметров природного и человеческого капитала в контексте современной структуры природопользования Севера России // Арктика: экология и экономика. 2012. № 3 (7). С. 38–43.
2. Измеров Н.Ф. Современные проблемы медицины труда // Медицина труда и экология человека. 2015. № 2. С. 5–12.
3. Проблемы «Сфинкса XXI века». Выживание населения России / В.П. Казначеев [и др.]. Новосибирск, 2000. 232 с.
4. Дискомфортность окружающей среды для жизнедеятельности населения и районирование территорий России / В.И. Хаснулин [и др.] // Экология человека. 2004. № 6. С. 43–47.

5. Grossman M. On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political Economy*, 1972, vol. 80, no. 2, pp. 223–255.
6. Bloom D.E., Canning D., Graham B. Longevity and lifecycle savings. *Scandinavian Journal of Economics*, 2003, vol. 105, pp. 319–338.
7. Currie J., Madrian B.C. Health, health insurance and the labor market. *Handbook of Labor Economics*, 1999, vol. 3 (50), pp. 3309–3416.
8. Strauss J., Thomas D. Health, nutrition and economic development. *Journal of Economic Literature*, 1998, vol. 36, pp. 766–777.
9. Экономические последствия неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации / М. Suhrcke [и др.]. Европейская обсерватория по системам и политике здравоохранения, 2008. 83 с.
10. Bound J., Stinebrickner T., Waidmann T. Health, economic resources and the work decisions of older men. *NBER Working Paper*, 2007, no. w13657. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1077089>
11. Murray C.J.L. Quantifying the Burden of Disease: the Technical Basis for Disability Adjusted Life Years. *Bull. World Health Organ.*, 1994, vol. 72, no. 3, pp. 429–445.
12. Егоршин А.П., Полина Н.А. Об экономическом эффекте снижения уровня заболеваемости и инвалидности населения // *Здравоохранение в России*. 2015. № 59 (1). С. 22–25.
13. Лещук С.И., Суркова И.В., Ольшевский А.Г. Расчет экономического ущерба от заболеваемости населения // *Вестн. ИрГТУ*. 2014. № 1 (84). С. 137–144.
14. Репин Е.Н. Стоит ли жизнь миллион? // *Энергия*. 1990. № 1. С. 8–9.
15. Корчагин В.П., Нарожная В.Л. Экономическая оценка ущерба от людских потерь // *Проблемы прогнозирования*. 1998. № 5. С. 109–120.
16. Прохоров Б.Б., Шмаков Д.И. Оценка стоимости статистической жизни и экономического ущерба от потерь здоровья // *Проблемы прогнозирования*. 2002. № 3. С. 125–135.
17. Rios-Diaz A.J., Lam J., Ramos M.S, Moscoso A.V., Vaughn P., Zogg Ch.K., Caterson E.J. Global patterns of QALY and DALY use in surgical costutility analyses: a systematic review. *PLoS ONE*, 2016, vol. 11 (2). DOI: 10.1371/journal.pone.0148304
18. Мосейко Е.Е. Оценка социальных и экономических потерь российского общества вследствие низкого уровня накопления капитала здоровья: методика QALY/DALY // *Управление экономическими системами*. 2013. № 5. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/2158--qalydaly>
19. Сабгайда Т.П., Протасова Н.П., Артюхов И.П. Адаптация расчета DALY для анализа потерь здоровья населения вследствие сердечно-сосудистых болезней, не приводящих к смертельному исходу // *Социальные аспекты здоровья*. 2015. № 1 (41). URL: http://vestnik.mednet.ru/component/option.com_mjfrontpage/Itemid.27/lang.ru
20. Оценка экономических потерь здоровья населения на основе глобального бремени болезней DALY и эффективности затрат по всем видам медицинской помощи с использованием показателя QALY / С.А. Леонов [и др.] // *Менеджер здравоохранения*. 2011. № 6. С. 14–28.
21. Щепин О.В. Заболеваемость с временной утратой трудоспособности населения Российской Федерации // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2012. № 4. С. 6–9.
22. Прохоров Б.Б. *Общественное здоровье и экономика*. М.: МАКС Пресс, 2007. 291 с.
23. Губина О.В., Проворова А.А. Репродуктивные установки населения как условие обеспечения заселенности арктического региона // *Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий: сб. мат-лов Всерос. конф. с междунар. участием II Юдахинские чтения*. Архангельск: ФГБУН ФИЦКИА РАН, 2019. С. 537–542.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Андреевна Проворова – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: aashirikova@mail.ru

Provorova A.A.

ASSESSING SOCIO-ECONOMIC DAMAGE CAUSED BY MORBIDITY OF THE EMPLOYED POPULATION OF THE ARCTIC REGION

The health of the working-age population is an important socio-economic resource. Hyper-morbidity characteristic of the Arctic regions and high mortality rate of the working-age population, combined with a decrease in the labor force, cause significant damage to the economy. The problem of preserving health of the employed population has become most relevant due to the increasing the retirement age. The hypothesis of the study is that the scale of demographic and socio-economic losses in the region may depend on the age of the person and the nature of the disease. The aim is to study the dynamics of age-related changes in the scale and nature of morbidity in the employed population, as well as to assess the socio-economic damage caused by temporary disability. The information and empirical basis was made up by the data from the statistical form no. 16-VN "Information on the causes of temporary disability" in the Arkhangelsk Oblast for the period of 2010–2018. The article describes the theoretical aspects of the population morbidity impact on various aspects of the region's socio-economic development, and also offers a classification of methodological approaches to assessing socio-economic damage due to health losses. A structural and dynamic analysis of the causes of temporary disability of the population of the Arctic region is carried out on the example of the Arkhangelsk Oblast; age features and trends of morbidity of the population employed in the region's economy are revealed. Based on current methods, the age-related losses of labor potential, as well as socio-economic damage due to certain types of diseases were assessed. The analysis showed that there are some positive trends, including a reduction in the frequency and duration of disability cases caused by morbidity, and a reduction in the scale of economic damage due to certain types of diseases. The socio-economic problem is the decline in the health potential of the employed population with age. The results obtained can be used to adjust and evaluate the effectiveness of regional programs for social sphere development.

Temporary disability, morbidity, employed population, socio-economic damage, Arctic region.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Provorova – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "N.P. Laverov Federal Research Center for Integrated Arctic Research", Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 23, Northern Dvina River Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: aashirikova@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9

УДК 332.1 | ББК 65.049

© Кожевников С.А., Патракова С.С.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В РАКУРСЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ¹

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru
ORCID: [0000-0001-9063-6587](https://orcid.org/0000-0001-9063-6587); ResearcherID: [I-8373-2016](https://orcid.org/I-8373-2016)

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА ПАТРАКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: sspatrakova@bk.ru
ORCID: [0000-0002-4834-3083](https://orcid.org/0000-0002-4834-3083)

Рыночные реформы 90-х гг., несмотря на некоторые позитивные последствия для России, привели к нарушению ряда межрегиональных связей, усилению дезинтеграционных и фрагментационных процессов в пространстве, формированию «островов экономической выгоды» национального уровня и деградации внутрирегиональных центров притяжения. Вместе с тем в настоящее время необходимость развития межрегионального сотрудничества и усиления связности экономического пространства обострила сложная мировая политическая и геоэкономическая ситуация. В этих условиях факторами дальнейшего социально-экономического развития России являются внутренние источники, эффективное использование которых зависит от связности национального пространства, интенсивности перемещения в нем экономических ресурсов

Для цитирования: Кожевников С.А., Патракова С.С. Интеграционные процессы на Европейском Севере в ракурсе межрегиональных миграций населения // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 134–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9

For citation: Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Integration processes in the European North from the perspective of the interregional population migrations. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 134–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2099.2020.6 «Механизмы управления пространственной интеграцией экономики регионов Европейского Севера России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

и т. д. При этом особую важность повышение связности имеет для северных регионов, где наблюдается значительная внутренняя пространственная неоднородность. Цель статьи заключается в исследовании интеграции пространства Европейского Севера России (ЕСР) в ракурсе межрегиональных миграционных потоков. В работе использованы монографический метод, методы анализа и синтеза, приемы экономико-математического и статистического анализа. В результате установлено, что наблюдаемое сокращение численности населения субъектов ЕСР в постсоветский период было обусловлено значительными масштабами как естественной, так и миграционной убыли. Определено, что повышение степени интегрированности Европейского Севера в экономическое пространство Северо-Западного федерального округа связано не только с активным вовлечением субъектов ЕСР в миграционные потоки более крупного экономического региона, но и со структурными диспропорциями в экономике, разрушением устоявшихся хозяйственных связей Севера, фрагментацией и дезинтеграцией всего российского пространства. Результаты работы вносят вклад в развитие представлений о пространственной связанности северных территорий и могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований по схожей тематике, а также федеральными и региональными органами власти при разработке стратегий и программ социально-экономического и пространственного развития.

Экономическое пространство, интеграция, связность, миграционные потоки, Европейский Север России.

Введение

К настоящему времени остро проявились негативные последствия пространственной трансформации Российской Федерации в постсоветский период. Особое внимание привлекают возрастающий центростремительный вектор развития, сохраняющиеся меж- и внутрирегиональные различия в качестве жизни населения, процессы хозяйственного опустынивания и обезлюдивания освоенных ранее, а также удаленных от центров экономической, политической, культурной жизни страны территорий и т. д. Эти факты, а также общая тенденция концентрации экономической активности, сопровождающаяся миграцией экономических ресурсов из периферии в центр, с востока на запад, из территорий добывающей специализации в регионы обрабатывающей ориентации, способствуют углублению проблем, связанных с обеспечением интегрированности пространства России [1].

С целью устранения проблем современного экономического пространства (ЭП) страны, минимизации рисков пространственного развития и повышения эффективности использования «пространствен-

ного» фактора была разработана и принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года² (далее – Стратегия). В целом принятие Стратегии является важным этапом в формировании концепции и системы управления развитием современного пространства [2]. Однако, как отмечает д.э.н., профессор О.В. Кузнецова, заложенные в этом документе идеи и подходы оцениваются в научном сообществе весьма неоднозначно, а повышение качества государственного управления в сфере пространственного развития требует решения ряда задач и широкого экспертного обсуждения [3].

Отдельное внимание в Стратегии уделяется развитию сотрудничества (как межрегионального, так и межмуниципального), в связи с чем ввиду ряда институциональных и организационных проблем необходима отдельная теоретико-методологическая проработка. При этом своевременность и актуальность исследования интеграции, предложений по формированию принципов и критериев оценки мегапроектов, реализуемых на территориях нескольких субъектов РФ, обусловлены предусмотренным гори-

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р / Сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/35733>

зонтом времени для перехода от фрагментарного, поляризованного, конъюнктурно-истощительного использования территории к целостному, социально-эколого-экономическому развитию [4].

При этом особое значение развитие интеграционных связей имеет для северных регионов России, где факторы первой (природные и климатические условия) и второй (обусловленные человеческой деятельностью) природы усиливают внутреннюю неоднородность и разорванность экономического пространства.

Целью работы является исследование интеграции экономического пространства субъектов Европейского Севера России (ЕСР) в ракурсе межрегиональных миграционных потоков. Это предполагает постановку и решение следующих задач:

1) рассмотрение теоретико-методологических аспектов пространственной интеграции и связности регионов;

2) анализ ключевых тенденций и проблем связности ЭП субъектов ЕСР в части межрегионального обмена наиболее ценным для общества фактором производства – человеческими (трудовыми) ресурсами;

3) разработка рекомендаций, направленных на повышение связности, интенсивности, равноценности миграционных потоков в ЭП в границах СЗФО и улучшение демографической ситуации в субъектах ЕСР.

Объектом исследования выступает экономическое пространство субъектов ЕСР, предметом – межрегиональные миграционные взаимосвязи и интеграционные/деинтеграционные процессы в нем. Научная новизна заключается в изучении связности экономического пространства как одной из предпосылок развития интеграционных процессов через призму межрегиональных потоков населения.

Теоретико-методологические основы исследования

Исходя из понимания сложности и многомерности самого ЭП, объектами исследо-

вания пространственной экономики выступают не только закономерности, факторы и условия размещения производительных сил по территории, но и процессы и явления, разворачивающиеся в пространстве [5]. Одними из наиболее сложных для управления становятся интеграционные и дезинтеграционные процессы – противоположные по сути, но тесно связанные между собой.

Пространственная интеграция, если апеллировать к научным выводам ученых Института экономических исследований ДВО РАН [6], Института экономики РАН [7], воспринимается как одно из направлений пространственного развития (как процесс) и как результат пространственного развития (как состояние). При этом глубинной причиной интеграционных процессов является необходимость установления долговременных хозяйственных связей между объектами и получения позитивных синергетических эффектов, вызванная неравномерностью распределения экономических ресурсов по территории [8].

Интеграция ЭП выступает мощным инструментом ускорения социально-экономического развития территорий и создания единого пространства за счет усиления взаимосвязей в экономической, политической, культурной сферах, развития коммуникаций, поддержания многосторонних потоков ресурсов, технологий. Среди основных предпосылок, обуславливающих развитие интеграционных процессов, выделяют территориальную близость регионов и наличие связующей инфраструктуры, присутствие миграционного обмена, наличие исторических связей между регионами, в т. ч. территориально-производственных связей в рамках общественного разделения труда, сходство в проблемах социально-экономического и пространственного развития, общую заинтересованность в получении синергетических эффектов³. Таким образом, можно сделать следующий вывод: главное условие дальнейшего развития

³ Кожевников С.А. Теоретические основы пространственной интеграции экономики регионов // V Научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий». URL: <http://econproblem.isert-ran.ru>

интеграционных процессов в экономическом пространстве – это такое его важнейшее свойство, как связность (производственно-экономическая, миграционная, культурная, транспортная и т. д.).

В целом различные аспекты пространственной интеграции разного уровня (наднациональной, региональной, внутрирегиональной) отражены в работах отечественных ученых, например, А.Г. Гранберга, П.А. Минакира, С.А. Суспицына, В.Н. Лаженцева, Е.М. Бухвальда, И.А. Татаркина и др.

В фокусе внимания зарубежных исследователей (R.B. Ekelund, R.F. Hébert [9], Ph. De Voe, C. Grasland, A. Healy [10], M. Fujita, P. Krugman, A.J. Venables [11], R. Amdam [12], M. Fischer и др. [13]) находятся как теоретико-методологические, так и практические аспекты обеспечения пространственной интеграции. К примеру, доктор D.C. Okeke (представитель Университета Нигерии) описал парадигму пространственного развития для региональной интеграции в развивающихся странах, в частности для Африки⁴. V. Biot, A. Colard (представители Брюссельского свободного университета), рассматривая политику планирования пространственного развития Европейского союза, выявили существующий дисбаланс между заинтересованными сторонами, различия в целях, отсутствие координации, а также отсутствие надрегионального видения [14]. A. Uszkaí (Университет святого Иштвана Венгрии), исследуя теоретико-методологические аспекты экономической интеграции применительно к пространственным единицам, обосновывает, что возможные методы измерений ее глубины существенно определяются пространственными уровнями [15].

С опорой на Руководство по устойчивому пространственному планированию Европы и Концепцию пространственной интеграции зарубежные ученые полагают [10], что сбалансированное развитие труднодости-

жимо без пространственной интеграции и сотрудничества регионов. В их отсутствие можно столкнуться с «островами экономической выгоды, окруженными менее развитыми районами».

Таким образом, обеспечение интеграции экономического пространства является важной научной и практической задачей, поскольку в современном динамичном мире именно взаимовыгодное сотрудничество становится одним из основных факторов экономического успеха и развития. При этом одной из предпосылок развития интеграционных процессов является связность в контексте межрегионального обмена капиталом, информацией, товарами и услугами и, на наш взгляд, наиболее ценными для общества человеческими (трудовыми) ресурсами.

Пространственный характер миграции обусловлен тем, что совокупные миграционные потоки выходят за рамки одного региона, а их результатом выступают уменьшение числа людей из региона происхождения и дифференцированное прибавление людей в каждом регионе назначения [16] (т. е. пространственное взаимодействие и перераспределение экономической активности). С другой стороны, проблемы, связанные с распределением населения (быстрая урбанизация и концентрация населения, депопуляция сельских районов, снижение интенсивности возвратных миграций и др.), также имеют пространственную специфику.

N.D. Coniglio⁵, рассматривая базовую модель П. Кругмана [17], приходит к выводу: даже если регионы априори идентичны, благодаря только миграционным связям они могут дифференцироваться на индустриальное ядро и периферию либо интегрироваться, формируя новые пространственные структуры. Соответственно, повышение интенсивности (в идеале равноценных) миграционных потоков между регионами будет способствовать росту общей интегрирован-

⁴ Okeke D.C. An analysis of spatial development paradigm for enhancing regional integration within national and it's supporting spatial systems in Africa. Thesis submitted for the degree Philosophiae Doctor in Urban and Regional Planning. 2015. 411 p. URL: <https://repository.nwu.ac.za/handle/10394/15485>

⁵ Coniglio N. Regional integration and migration: an economic geography model with heterogeneous labour force. URL: https://ideas.repec.org/p/gla/glaewp/2003_1.html

ности (экономической, социальной, культурной и др.) в рамках единого пространства.

Обращаясь к выводам А. Rogers и др., можно отметить, что исходное представление миграции как сложного процесса в ЭП должно учитывать влияние численности населения в местах происхождения и назначения, а также некий фактор «разделения» или «взаимодействия» между этими местами. По мере усложнения методологии исследований, совершенствования инструментария пространственной экономики и, что не менее важно, появления в доступе необходимых статистических данных, при рассмотрении миграционных пространственных связей стали применяться логарифмические линейные модели [16], программное обеспечение (например, IMAGE Studio [18]).

К сожалению, сложившиеся в настоящее время в России миграционные тенденции характеризуются низкой территориальной и трудовой мобильностью населения, при которой основной поток мигрирует из восточных и северных регионов в центральные и южные и из сельской местности в городскую, а система пространственных связей между институтами на рынке труда полноценно не сформирована, что в итоге не позволяет использовать функции внутренней миграции как инструмента перераспределения трудовых ресурсов между регионами [19; 20]. С другой стороны, неполнота имеющихся в открытом доступе исходных данных ограничивает возможности дальнейшего анализа.

Методы и методика

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной и пространственной экономики. Информационной базой послужили стратегические документы в области социально-экономического развития территорий, официальные интернет-ресурсы органов власти и статистических служб и т. д.

В работе использовались монографический метод, методы сравнительного анализа и синтеза полученной информации, аналогии, приемы экономико-математического и статистического анализа.

В целях выявления тесноты и интенсивности межрегиональных миграционных связей ЕСР с учетом ограниченности статистических данных, применялись как абсолютные показатели миграции (показатели прибытия, выбытия, миграционного оборота), так и относительные:

1) коэффициенты результативности миграционных связей (КРМС), рассчитываемые как частное от деления численности выбывших из региона i в регион j на численность прибывших в обратном направлении, в промилле, выявляющие степень неравномерности парного обмена населением. При КРМС ниже 800‰ регион i активно получает население, выше 1250‰ – активно теряет (границы равноценности – 800–1250‰);

2) коэффициенты интенсивности миграционных связей (КИМС), рассчитываемые как отношение парного объема выбытий в итоговом объеме выбытий i -го региона к миграционной емкости этого региона во всей активной среде массива, свидетельствующие о тесноте миграционных связей между регионами (чем выше значение КИМС, тем сильнее связь, чем ближе к нулю – тем слабее);

3) миграционные индексы пространственной структуры оборота (МИПС), также позволяющие определять тесноту миграционных связей между территориями, но в отличие от КИМС не только по ряду миграционных партнеров региона, но и по всему массиву парных миграционных связей. МИПС свидетельствует, во сколько раз теснота связи между двумя регионами выше средней арифметической взвешенной по всему массиву межрегиональных миграционных связей.

Использование таких показателей обусловлено тем, что только по абсолютным объемам межрегиональной миграции объективно выявить предпочтения невозможно, поскольку в этом случае лидирующие места будут занимать пары наиболее крупных по численности населения регионов [21]. Кроме того, исследование с применением отмеченных показателей может проводиться по любым видам перемещений и типам исходных

данных, делая анализ миграционных потоков более гибким, полным и корректным.

Результаты и обсуждение

В процессе пространственного развития отдельных территорий и регионов интеграция ЭП в силу внешних и внутренних причин может сменяться дезинтеграцией и фрагментацией [22]. При рассмотрении вопросов модернизации и обеспечения развития пространства России актуален поиск не столько мер по содействию интеграционным процессам и предотвращению фрагментационных, сколько механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального ЭП [6]. Иными словами, на смену стандартизированным механизмам развития должны прийти более гибкие и конкретизированные в соответствии с природно-климатическими, исторически сложившимися социально-экономическими, этническими и другими особенностями регионов.

В то же время в рамках обеспечения социально-экономического и пространственного развития всей страны отдельного внимания требуют северные территории России, ЭП которых в значительной степени отличается своей разреженностью, неоднородностью, очаговостью экономической активности и систем расселения. На наш взгляд, вовлечение их в различные общественные отношения (как на внутрирегиональном, так и на межрегиональном уровне) является одним из условий обеспечения целостности государства.

Европейский Север специфичен ввиду своего экономико-географического положения, сформированных хозяйственных связей, истории промышленного освоения и заселения, культурного наследия, сложившихся производственных цепочек и т. д. К настоящему времени в силу рыночных преобразований, изменений в социально-экономической политике России, усложнения геополитических и геоэкономических отношений между странами и влияния прочих экзо- и эндогенных факторов в субъектах ЕСР трансформировались производственный каркас

и каркас расселения, характер и интенсивность потоков экономических ресурсов (товаров и услуг, информационных и человеческих ресурсов). Рассмотрим далее состояние пространственной интеграции в контексте связанности межрегиональными миграционными потоками (потоки населения и, соответственно, перемещения рабочей силы значительно влияют на сохранение пространства территорий и степень их хозяйственной освоенности).

Первоначально проанализируем демографические процессы, сформировавшиеся в постсоветский период на Европейском Севере. Так, наибольшее сокращение численности постоянного населения ЕСР наблюдалось в Мурманской (в 1990–2018 гг. на 37%, тогда как в среднем по России – 0,8%; табл. 1) и Архангельской областях, Республике Коми. Значительное влияние при этом оказали не только естественные причины, но и миграционный отток населения.

Одной из основных причин естественной убыли населения ЕСР, на наш взгляд, стало снижение рождаемости вследствие массового оттока населения моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов (вследствие сокращения производства и появления безработицы, распада СССР), что негативно сказалось на трудовом и демографическом потенциале (в советское время численность населения поддерживалась и даже возрастала благодаря притоку населения – рабочей силы, необходимой для интенсивного хозяйственного освоения). При этом коэффициенты демографической нагрузки за период 1990–2018 гг. увеличились (например, нагрузка лиц старше трудоспособного возраста на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста увеличилась в 1,3–2,6 раза), что было обусловлено старением населения (доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения в 2018 году в 1,3–2,4 раза выше уровня 1990 года). С другой стороны, при переходе к рыночной экономике не было создано действенных инструментов и механизмов, противовесов масштабному оттоку жителей.

Если ранее отъезд населения из субъектов ЕСР был обусловлен в основном поиском

Таблица 1. Численность населения регионов ЕСР

Территория	Год							2018 год к 1990 год, %
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018	
Численность постоянного населения в среднем за год, тыс. чел. (РФ – млн чел.)								
РФ	147,9	148,4	146,6	143,5	142,9	146,4	146,8	99,23
Республика Карелия	791,6	767,0	732,1	682,8	645,7	631,2	620,3	78,36
Республика Коми	1244,4	1144,7	1050,4	972,9	905,6	860,6	835,6	67,15
Архангельская область (с НАО)	1572,2	1487,1	1379,7	1290,5	1231,2	1178,7	1149,6	73,12
Ненецкий авт. округ	51,8	43,9	41,1	41,9	42,1	43,6	43,9	84,72
Вологодская область	1354,1	1336,2	1294,9	1240,4	1204,8	1189,4	1172,2	86,56
Мурманская область	1190,1	1052,0	931,9	848,2	796,9	764,2	750,8	63,09
Естественный прирост / убыль населения, чел.								
Республика Карелия	2481	-6116	-5709	-5697	-2659	-1924	-3108	-
Республика Коми	7609	-3952	-3688	-4099	-171	1145	-1362	-
Архангельская область (с НАО)	5761	-8988	-10390	-8129	-2509	-1227	-3816	-
Ненецкий авт. округ	531	32	10	94	199	364	224	-
Вологодская область	1989	-10219	-9382	-10357	-5072	-1262	-4531	-
Мурманская область	6401	-3417	-2785	-3156	-193	276	-1099	-
Миграционный прирост / отток населения, чел.								
Республика Карелия	-	1518	1217	138	-1031	-734	-1320	-
Республика Коми	-	-12091	-6776	-7312	-8630	-8738	-9276	-
Архангельская область (с НАО)	-	-4613	-6108	-5044	-7956	-8018	-7093	-
Ненецкий авт. округ	-	-1155	-187	-59	-130	101	-392	-
Вологодская область	-	6080	1507	314	-194	-2063	-4445	-
Мурманская область	-	-16017	-9926	-5177	-6713	-4384	-4402	-
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.								

работы, то в настоящее время среди основных его причин исследователи [23] называют причины личного, семейного характера и связанные с возвращением на прежнее место жительства; поиск новой работы и последующее трудоустройство; получение образования. Вероятно, также оказывают влияние и неудовлетворительное состояние инфраструктуры северных территорий (социальной, инженерной), сложные климатические условия, внутренние установки, желание удовлетворить социальные потребности и др.

Статистические данные свидетельствуют о том, что с 1990 года наиболее активно на ЕСР население мигрировало из Республики Коми и Ненецкого автономного округа (табл. 2).

Согласно Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. донорами переселенцев для ЕСР выступают все субъекты РФ, вместе с тем традиционно наиболее сильные миграционные связи имеются с субъектами Северо-Западного, Центрального и Приволжского федеральных округов (табл. 3). Необходимо отметить, что для ЕСР характерна высокая доля коренного населения в общей его численности.

При этом, как отмечают исследователи [24], северные территории получают менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные (что было отмечено еще в конце 1990-х гг.). Например, среди прибывших из-за пределов Республики Коми мигрантов в 2015 году имели высшее и среднее про-

Таблица 2. Коэффициенты миграционного прироста, чел. на 10 тыс. чел. населения

Территория	Год								2018 год к 1990 году
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018	
Республика Карелия	-35	-16	-13	-115	-54	-12	-31	-21	14
Республика Коми	-134	-178	-108	-163	-139	-102	-112	-111	23
Архангельская область (с НАО)	-78	-89	-79	-72	-82	-68	-69	-62	16
Ненецкий автономный округ	-170	-275	-62	-21	-50	23	-53	-89	81
Вологодская область	-20	21	1	-4	-17	-17	-31	-38	-18
Мурманская область	-77	-254	-167	-169	-69	-57	-46	-59	18

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 3. Население ЕСР по месту рождения, % к общей численности населения

Регион проживания	Республики Карелия		Республика Коми		Архангельская область		Ненецкий авт. округ		Вологодская область		Мурманская область	
	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год
Центральный ФО	4,7	3,9	5,7	4,3	3,9	3,2	2,1	1,9	4,1	3,6	9,2	7,3
Северо-Западный ФО	9,3	8,0	4,7	4,1	6,1	5,3	13,3	14,5	4,9	5,0	12,1	10,6
Южный ФО	1,3	0,7	2,6	1,4	1,1	0,7	1,9	1,2	0,8	0,5	3,3	2,0
Северо-Кавказский ФО	-	0,4	-	0,6	-	0,3	-	0,6	-	0,3	-	0,9
Приволжский ФО	3,0	2,4	8,1	6,9	3,0	2,6	2,8	3,1	2,1	2,0	6,8	5,6
Уральский ФО	0,8	0,7	1,4	1,2	0,6	0,5	0,8	0,7	0,6	0,6	1,5	1,2
Сибирский ФО	1,1	1,0	1,6	1,2	0,8	0,7	1,0	0,8	0,9	0,8	1,9	1,5
Дальневосточный ФО	0,5	0,5	0,6	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,9	0,7
Доля населения, не указавшего место рождения и имеющего местом рождения зарубежные страны	9,0	11,3	10,1	11,8	5,3	5,4	7,5	6,0	5,3	8,9	16,4	20,5
Доля коренного населения	70,3	71,1	65,1	68,1	78,9	81,1	70,4	70,9	81,0	78,1	47,9	49,5

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.

фессиональное образование 66,5%, а среди выбывших за пределы республики – 69,0% (разница составила в абсолютном значении 5,4 тыс. чел.).

Соответственно отмеченному сокращению численности плотность населения в целом на территориях снижалась и к 2018 году составила в Архангельской области 1,95 чел. / кв. км (в 1990 году – 2,68), Республике Коми – 2 чел. / кв. км (2,99), Карелии – 3,44 чел. / кв. км (4,59), Вологодской области – 8,11 чел. / кв. км (9,29), Мурманской области – 5,18 чел. / кв. км (8,21) при среднероссийском значении 8,6 чел. / кв. км в 2018 году. О крайне низкой концентрации челове-

ческих и трудовых ресурсов на северных территориях свидетельствует и показатель плотности населения в трудоспособном возрасте, не превышающий значения в 2 чел. / кв. км [25].

В постсоветский период усилилась концентрация населения на урбанизированных территориях – в крупных городах, агломерациях, региональных центрах (доля городского населения в субъектах ЕСР варьируется в пределах 73–92% по итогам 2018 года; табл. 4). С другой стороны, усиление поляризации пространства сказалось и на сокращении численности и доли сельского населения, снижении числа сельских населенных

Таблица 4. Городское и сельское население ЕСР

Территория	Доля городского населения в общей численности населения на 1 января, %			Доля сельского населения в общей численности населения на 1 января, %			Число сельских населенных пунктов с численностью менее 10 чел., ед.		Доля сельских населенных пунктов с численностью менее 10 чел. в числе сельских населенных пунктов с населением, %	
	2002 год	2010 год	2019 год	2002 год	2010 год	2019 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год
РФ	73,28	73,6	74,6	26,72	26,4	25,4	34003	36225	23,91	27,09
Республика Карелия	74,81	77,7	80,7	25,19	22,3	19,3	174	203	25,55	30,43
Республика Коми	75,27	76,6	78,2	24,73	23,4	21,8	86	98	12,08	14,33
Архангельская область (с НАО)	75,19	75,2	78,3	24,81	24,8	21,7	1330	1429	39,00	45,77
Ненецкий авт. округ	62,75	67	73,3	37,25	33	26,7	3	2	6,98	5,00
Вологодская область	68,91	70	72,6	31,09	30	27,4	3046	3228	47,48	54,94
Мурманская область	92,26	92,7	92,2	7,74	7,3	7,8	12	20	11,32	20,41

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.; данные ЕМИСС.

пунктов и повышении в них доли населенных пунктов с численностью менее 10 чел. При этом стремление государства к развитию только крупнейших и крупных агломераций, обозначенное в Стратегии, может только усилить разорванность и поляризованность ЭП [2].

Таким образом, наряду с сокращением трудового и демографического потенциала [26] отмеченные факты свидетельствуют об определенной деградации расселенческого каркаса северных территорий, сжатию обжитой части, наличии значительной сети «вымирающих» населенных пунктов без реальных производств и людей, что в итоге ставит под угрозу целостность и связность пространства, снижает возможности интеграции ЭП.

В проводимом исследовании для оценки межрегиональной связности как процесса, выявления тесноты миграционных потоков между регионами были рассчитаны как абсо-

лютные объемы прибытия и выбытия населения, так и показатели КРМС, КИМС, МИПС. Интерпретация полученных результатов проводилась с опорой на теоретико-методологические работы д.э.н. О.Л. Рыбаковского [21; 27] и исследование И.С. Симаровой⁶.

Рассматривая Европейский Север и его внутренние миграционные потоки, можно сделать выводы (исходя из анализа показателей, представленных в табл. 5) о том, что наиболее тесные и равноценные связи существуют между Вологодской, Архангельской областями и Республикой Коми, т. е. в границах Двино-Печорской территориально-хозяйственной системы (ТХС), а также между Республикой Карелией и Мурманской областью – в границах Карело-Кольской ТХС, что наряду со схожестью этих групп субъектов в сфере инфраструктуры и хозяйства территорий подтверждает положения В.Н. Лаженцева [28] о существовании внутреннего единства и связности ЕСР. Вместе с тем

⁶ Симарова И.С. Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства: дис. ... канд. экон. наук. Тюмень, 2014. 146 с.

Таблица 5. Показатели межрегиональной связности по миграции населения субъектов ЕСР в 2018 году

Регион j	Мощность потока детерминанты		КРМС парный, ‰	КИМС (выбытия), ед.	МИПС оборота, раз
	по притоку	по оттоку			
Вологодская область (регион i)					
Архангельская область	0,52	0,52	1001,84	1,51	1,41
Мурманская область	0,26	0,27	1051,53	1,21	0,82
Республика Карелия	0,06	0,09	1419,19	0,48	0,48
Республика Коми	0,15	0,12	826,64	0,50	0,93
Архангельская область (регион i)					
Вологодская область	0,44	0,40	998,16	1,14	1,31
Мурманская область	0,27	0,35	1487,78	1,60	0,89
Республика Карелия	0,06	0,05	937,20	0,26	0,30
Республика Коми	0,23	0,20	966,32	0,82	1,37
Мурманская область (регион i)					
Архангельская область	0,39	0,31	672,14	1,02	0,93
Вологодская область	0,23	0,26	950,99	0,83	0,79
Республика Карелия	0,30	0,38	1075,83	2,32	2,09
Республика Коми	0,07	0,05	584,84	0,23	0,42
Республика Карелия (регион i)					
Архангельская область	0,11	0,13	1067,01	0,44	0,37
Вологодская область	0,16	0,12	704,63	0,41	0,55
Мурманская область	0,70	0,70	929,52	3,63	2,45
Республика Коми	0,02	0,05	2222,22	0,23	0,27
Республика Коми (регион i)					
Архангельская область	0,57	0,52	1034,86	1,68	1,69
Вологодская область	0,27	0,29	1209,72	0,90	1,07
Мурманская область	0,11	0,17	1709,88	0,83	0,50
Республика Карелия	0,05	0,02	450,00	0,13	0,27

Источник: расчеты автора.

Двино-Печорская и Карело-Кольская ТХС связаны между собой в рамках внутрирегионального разделения труда, транспортной инфраструктурой, кооперационными связями при наличии единых технологических сетей.

Рассматривая связность субъектов ЕСР в территориальных границах СЗФО, можно сделать следующие выводы (временные рамки исследования были ограничены имеющимися в открытом доступе статистическими данными).

1) Республика Карелия в период 1998–2018 гг. имела наиболее тесные миграци-

онные связи с Мурманской областью и Ненецким автономным округом (в 2,46 и 4,92 раза выше средней арифметической взвешенной по всему массиву межрегиональных связей). Неизменными с 1998 года активными миграционными донорами для региона являются Республика Коми и Вологодская область (до 2018 года в их число также входили Мурманская область и Ненецкий автономный округ). С другой стороны, активными реципиентами стали Калининградская и Ленинградская области, г. Санкт-Петербург, а в 2018 году и Ненецкий автономный округ. При этом максимальный миграционный

оборот Республики Карелии наблюдался с ближайшими территориальными соседями – Ленинградской и Мурманской областями, г. Санкт-Петербургом (2782, 2327, 5053 чел. соответственно).

2) Республика Коми в настоящее время имеет тесную взаимосвязь с Архангельской областью и Ненецким автономным округом (МИПС оборота равен 2,35 и 4,21 раза), а также территориально удаленной Калининградской областью (МИПС оборота 2,20 раза). Наиболее активным миграционным донором для региона является Ненецкий автономный округ (ранее в число регионов-доноров входили также Архангельская и Мурманская области). Основные потоки мигрантов из региона направлены с другой стороны в Новгородскую и Ленинградскую области, Республику Карелию.

Стоит отметить, что миграционный оборот Коми с регионами ЕСР с 1998 по 2018 год значительно сократился (например, в 4 раза с Архангельской, в 6 – с Вологодской областью) в сравнении с Ленинградской (сокращение в 1,7 раза) и Калининградской областями (в 2 раза). Полагаем, что этот факт может быть обусловлен, помимо общей переориентации потока, значительным – порядка 33% – сокращением общей численности населения.

3) Архангельская область имеет наиболее тесные связи с соседними регионами – Вологодской областью и Ненецким автономным округом, Республикой Коми (МИПС оборота в 2018 году 3,49, 8,40 и 2,27 раза). Эта связь основана на потоках населения в Вологодскую область, являющуюся в 1998–2010 гг. одним из основных реципиентов для региона; сравнительно равноценном обмене населением с Коми (на 1 тыс. прибывших из республики выбывало в обратном направлении 953 чел. по данным на 2018 год) и Ненецким автономным округом (на 1 тыс. прибывших из округа выбывало в обратном направлении порядка 858 чел.).

Наиболее активным донором для региона в настоящее время является Ненецкий автономный округ (ранее в число регионов-доноров входила также Мурманская об-

ласть). Регионами – миграционными донорами для Архангельской области к 2018 году стали Калининградская, Ленинградская, Новгородская области (в 1998–2002 гг. наблюдалась активная миграция из региона в Вологодскую область и Республику Карелию).

4) Наиболее тесные миграционные связи Ненецкого автономного округа прослеживаются с Архангельской областью и Республикой Коми (МИПС оборота в 2018 году составил 8,89 и 4,32 раза соответственно). В парах с этими регионами, а также с г. Санкт-Петербургом, округ имеет наибольший миграционный оборот, превышающий аналогичные значения в парах с прочими регионами СЗФО (например, в 2018 году оборот между округом и Архангельской областью практически в 20 раз превышал оборот с Мурманской областью, в 15 – с Вологодской и т. д.).

Активным донором для Ненецкого автономного округа по итогу 2018 года стала Карелия, которая, тем не менее, не является его территориальным соседом. При этом в 1998–2002 гг. значителен приток мигрантов из Мурманской области, в 2009–2010 гг. – из г. Санкт-Петербурга. С другой стороны, основными миграционными реципиентами округа в 2018 году выступали Калининградская и Ленинградская области (ранее в их число также входили Вологодская, Новгородская и Псковская области).

5) Вологодская область за 1989–2018 гг. имела наиболее тесные связи с соседними регионами – Архангельской областью и Республикой Коми, а также с Мурманской областью (МИПС оборота в 2018 году равен 3,55, 1,88, 1,48 раза). Наиболее активным донором для региона в настоящее время является Республика Коми (ранее в число доноров входили Архангельская, Мурманская области, Ненецкий автономный округ). Потоки населения из региона направлены в основном в Калининградскую, Ленинградскую области, г. Санкт-Петербург.

6) Мурманская область в 1998–2018 гг. была наиболее тесно связана миграционными потоками с Республикой Карелией, Калининградской и Архангельской,

Вологодской областями (МИПС оборота в 2018 году составил 2,37, 2,03, 1,50, 1,43 раза). Наиболее активными донорами для региона в настоящее время являются Республика Коми и Архангельская область. В 1998–2002 гг. регион сам был донором для остальных субъектов СЗФО и ЕСР (как отмечалось ранее, население активно мигрировало с северных территорий). К 2018 году миграционные потоки из области сконцентрировались в на-

правлении Новгородской, Ленинградской, Псковской областей, г. Санкт-Петербурга.

Наглядно список активных миграционных доноров и реципиентов для субъектов ЕСР представлен в *табл. 6* (с регионами СЗФО, отсутствующими в данной таблице, субъекты имеют сравнительно равноценный миграционный оборот).

Согласно мнению ученых [26], чем ближе регионы территориально находятся

Таблица 6. Регионы – активные миграционные доноры и регионы – активные реципиенты

Регионы ЕСР	Регионы – активные доноры		Регионы – активные реципиенты	
	1989–2002 гг.	2018 год	1989–2002 гг.	2018 год
Республика Карелия	Архангельская область, Мурманская область, Республика Коми, Ненецкий авт. округ	Вологодская область, Республика Коми	г. Санкт-Петербург, Псковская область	Калининградская область, Ленинградская область, Ненецкий авт. округ
Республика Коми	Архангельская область	–	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия
Архангельская область	–	–	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия, Республика Коми	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область
Ненецкий авт. округ	Мурманская область	Республика Карелия	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия	Калининградская область, Ленинградская область
Вологодская область	Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий авт. округ, Республика Коми	–	Псковская область	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия
Мурманская область	–	Архангельская область	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Ненецкий авт. округ, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область

Источник: расчеты автора.

друг к другу, тем, при прочих равных условиях, их миграционный обмен более равноценный. На практике, как показывают расчетные данные, такой четкой зависимости не наблюдается – у большинства регионов ЕСР миграционный обмен неравномерен, что обусловлено агломерационным влиянием Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга, Калининградской, Новгородской и Псковской областей, уже сложившейся тенденцией миграции жителей с северных регионов, субъективными мотивами населения.

В то же время можно отметить нарастание тесноты межрегиональной миграционной связности в рамках всего Северо-Западного федерального округа (в советский период включающего в себя субъекты Северного экономического района – ЕСР и Северо-Западного экономического района), что свидетельствует о повышении степени интегрированности Европейского Севера в общее ЭП страны и межрегиональном сближении. Однако однозначно оценить этот момент (активное вовлечение субъектов ЕСР в миграционные потоки более крупного региона) как позитивный нельзя, поскольку одновременно этому способствовали разрушение устоявшихся хозяйственных связей Севера, усиление структурных диспропорций в экономике (преобладание добывающих производств в валовом региональном продукте в ущерб другим видам деятельности высокой добавленной стоимости), фрагментация и дезинтеграция всего российского пространства. Тем не менее исследования связности ЭП на межрегиональном и внутрирегиональном уровне целесообразны, необходимы, т. к. анализ тенденций и выявление их причин позволят в случае необходимости оперативно реагировать на нежелательные изменения, дадут возможность разработать механизмы, поддерживающие оптимальные пропорции внутри социально-экономических систем.

В соответствии с обозначенным полагаем, что повышению связности и углублению интеграции субъектов Европейского Севера в пространство СЗФО и страны в целом могут способствовать следующие меры.

1. Оптимизация размещения производительных сил и расселения населения на принципах экономической и социальной целесообразности посредством стимулирования временной, трудовой, образовательной миграции на северные территории; формирования инновационных, научно-образовательных, промышленных центров, а также бизнес-структур в непрофильной для регионов специализации, привлекаемых для квалифицированных кадров (обладающих высокой мобильностью и степенью адаптируемости); развития межрегиональных рынков труда и использования при необходимости вахтового режима работы, предполагающих перемещение работников между соседними регионами/муниципалитетами в границах ЕСР и СЗФО.

2. Активная работа органов власти и местного самоуправления над стимулированием рождаемости, повышением комфортности проживания населения, развитием инженерной и социальной инфраструктуры, а также поддержка лиц и семей, сменивших место жительства, повышение уровня социального и экономического партнерства между регионами, т. е. формирование благоприятной социально-экономической обстановки для проживания и работы.

3. Формирование межрегиональных объединений и кластерных форм, ядром которых могут выступить крупные субъекты бизнеса регионов (промышленные, добывающие, сельскохозяйственные, IT-компании), объединяющие вокруг себя обслуживающие предприятия, различные посреднические и сопутствующие структуры. В результате объединения ресурсов и усилий, координации целей члены кластера смогут получить доступ к новым технологиям, дополнительным финансовым ресурсам, квалифицированной рабочей силе, необходимой информации, увеличить масштабы, экономическую эффективность и географию своей деятельности, в результате чего степень интегрированности и связности территорий будет повышаться.

4. Дополнительный стимул к развитию интеграции – инвестиционная поддержка

межрегиональных проектов и содействие развитию деловых контактов со стороны органов власти и местного самоуправления, а также законодательное и бюджетное обеспечение процесса интеграции, смягчение административных барьеров и нивелирование ограничивающих факторов. Полагаем, что участие государственных органов (при существующей возможности их прямого и косвенного влияния на экономическую сферу и деятельность бизнес-структур) может оказать значительное позитивное влияние на темпы развития интеграции ЭП.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие положения.

Во-первых, в целях формирования единого ЭП России необходимо обеспечивать межрегиональную и внутрирегиональную связность на рынках факторов производства, стимулировать развитие интеграционных процессов, поддерживать обмен потоками населения, товаров, финансовых ресурсов и др. При этом стоит учитывать, что миграционные потоки являются мощным фактором преобразования всего экономического пространства – в рыночных условиях вслед за движением населения осуществляется переток капитала, изменяется конъюнктура на рынке труда, происходит перераспределение по территории создаваемого общественного продукта и др.

Перераспределение населения по территории страны выступает необходимым условием обеспечения социально-экономического развития для России в XXI веке [29]. Однако с учетом сложившейся в субъектах ЕСП демографической ситуации, усугубляемой мощным миграционным оттоком населения с северных территорий и все возрастающим спросом на дополнительную рабочую силу в «якорных центрах», обеспечить связность пространства, а также комплексное социально-экономическое развитие крайне сложно (каркас расселения, а следом и производственный каркас, при сохранении таких тенденций будут сжиматься, приближаться к «якорным центрам»).

Во-вторых, как показали результаты исследования, в постсоветский период Европейский Север несколько утратил свои внутренние взаимосвязи, но стал более интегрирован в пространство Северо-Западного округа и всей России. При этом, несмотря на существование характерных общероссийских тенденций (притяжение к местам концентрации экономической и политической жизни страны, миграция в сторону южных и центральных регионов), регионы ЕСП сохраняют сильную миграционную связь с северо-западной частью страны, что свидетельствует о необходимости развития интеграционных процессов в первую очередь в рамках Северо-Западного экономического района.

В-третьих, исходя из физической и функциональной взаимодополняемости территорий, отсутствия культурных и политических противоречий, связанности транспортной инфраструктуры, наличия исторически сложившихся хозяйственных связей и географической близости Европейского Севера с другими субъектами СЗФО (т. е. наличие объективных предпосылок развития интеграционных связей), целесообразно обратить пристальное внимание на устранение существующих проблем и административных барьеров для повышения связности, асимметрий и межрегиональных различий в уровне жизни населения, темпах социально-экономического развития. С другой стороны, в целях углубления интеграции субъектов Европейского Севера в пространство СЗФО (и страны в целом) уместно реализовывать меры, направленные на усиление интенсивности и связности потоков капитала, информации, товаров и услуг, населения (рабочей силы), создание благоприятной социально-экономической обстановки для работы и жизни населения на северных территориях (для предотвращения значительного миграционного оттока), стимулирование кооперации и государственную поддержку межрегионального сотрудничества бизнес-структур различных форм.

Полученные результаты вносят вклад в развитие представлений о простран-

ственной связности северных территорий и могут быть использованы в целях совершенствования региональной политики в области социально-экономического и пространственного развития, а также при дальнейшем развитии отдель-

ных аспектов тематики исследования. На следующих этапах работы предполагается провести анализ пространственной интеграции ЕСР в контексте связности межрегиональными потоками товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI веке // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106
2. Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // *Вопросы территориального развития*. 2019. № 3 (48). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
3. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125
4. Курушина Е.В., Петров М.Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 1. С. 176–189. DOI: 10.17059/2018-1-14
5. Полякова А.Г. Модернизация структуры экономического пространства региона // *Вестн. Череп. гос. ун-та*. 2011. № 2 (30). С. 28–31.
6. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Горюнов А.П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2018. № 13. С. 885–888.
7. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2015. № 5. С. 7–32.
8. Полякова А.Г., Герасимова В.В. Интеграционные процессы в экономическом пространстве регионов // *Изв. Урал. гос. экон. ун-та*. 2011. № 1 (33). С. 34–39.
9. Ekelund R.B., Hébert R.F. Cycles in the development of spatial economics. In: Ohta H., Thisse J.F. (eds.). *Does Economic Space Matter?* London: Palgrave Macmillan, 1993. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-349-22906-2_2#citeas. DOI: 10.1007/978-1-349-22906-2_2
10. De Boe Ph., Grasland C., Healy A. *Spatial Integration, Report of working group 1.4 of the Study Program on European Spatial Planning*. 1999. Available at: www.nordregio.se/spespn/Files/1.4.final.pdf
11. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge: The MIT Press, 1999. 382 p.
12. Amdam R. Sectoral versus territorial regional planning and development in Norway. *Journal of European Planning Studies*, 2002, vol. 10 (1), pp. 99–111.
13. Fischer M. [et al.]. *Spatial Dynamics of European Integration*. Berlin, Heidelberg: Springer, 1999. 367 p. DOI: 10.1007/978-3-642-60180-4
14. Biot V., Colard A. Challenges and issues of spatial planning in the European Union: European vision and supraregional co-operation. *Belgeo*, 2000, vol. 1-2-3-4, pp. 143–162. DOI: 10.4000/belgeo.13962
15. Uszkai A. measurement levels of the spatial integration – suggestions for a Central-European factor group. *Deturope*, 2015, vol. 7, iss. 2, pp. 65–80.
16. Rogers A., Willekens F., Little J., Raymer J. Describing migration spatial structure. *Papers Reg. Sci.*, 2002, vol. 81, no. 1, pp. 29–48. DOI: 10.1007/s101100100090

17. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99, no. 3, pp. 484–499.
18. King R., Collyer M. Migration and development framework and its links to integration. In: Garcés-Mascareñas B., Penninx R. (eds.). *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Springer: Cham, 2016, pp. 167–188. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_10
19. Сенокосова О.В. Экономическое пространство рынка труда // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 16–20.
20. Топилин А.В., Хомяченко О.Н., Кабалинский А.И. Оценка дезинтеграционных тенденций в экономическом пространстве России и методы их преодоления // Вестн. РАЕН. 2016. № 4. С. 81–85.
21. Петренко К.В., Рыбаковский О.Л. Межрегиональные миграционные связи населения и трудовых ресурсов Тюменской области // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 16–23.
22. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект / П.А. Минакир [и др.] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54
23. Фаузер В.В. Факторы миграции населения северных регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 3 (11). С. 138–144.
24. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
25. Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
26. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
27. Рыбаковский О.Л. Методические вопросы анализа межрегиональных миграций // Народонаселение. 2008. № 1. С. 53–61.
28. Лажнецов В.Н. Междисциплинарный синтез и исследовательская программа (с примерами по географии севера России) // Изв. Коми НЦ УрО РАН. 2017. № 1 (29). С. 102–108.
29. Будилов А.П., Калачикова О.Н. Миграция и переселенческие установки жителей Вологодской области // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 108–119. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Светлана Сергеевна Патракова – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru

Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S.

INTEGRATION PROCESSES IN THE EUROPEAN NORTH FROM THE PERSPECTIVE OF THE INTERREGIONAL POPULATION MIGRATIONS

Despite some positive consequences for Russia, the market reforms of the 1990s, resulted in the disruption of a number of inter-regional relations, increased disintegration and fragmentation processes in space, the formation of the so-called “economic benefit islands” at the national level, and the degradation of intra-regional centers of attraction. At the same time, the complex global political and geo-economic situation has exacerbated the need to develop interregional cooperation and strengthen the economic space coherence. Under these conditions, the factors of further socio-economic development of Russia are its internal sources, the effective use of which depends on the coherence of the national space, the intensity of economic resources movement in it, and so on. While for the Northern regions with their significant internal spatial heterogeneity, the coherence strengthening is of particular importance. The purpose of the article is to study the integration of the European North of Russia (ENR) from the perspective of the interregional migration flows. The authors use the monographic method, methods of analysis and synthesis, methods of economic-mathematical and statistical analysis. As a result, it was found that the observed decrease in the ENR subjects’ population in the post-Soviet period was due to significant scales of both natural and migration losses. It is determined that the increase in the degree of the European North integration into the economic space of the North-Western Federal District is associated not only with the active involvement of the ENR subjects in the migration flows of a larger economic region, but also with structural imbalances in the economy, the destruction of the established economic ties of the North, fragmentation and disintegration of the entire Russian space. The research results contribute to the development of ideas about the Northern territories’ spatial coherence and can be used by researchers in developing on similar topics, as well as by federal and regional authorities in developing strategies and programs for socio-economic and spatial development.

Economic space, integration, coherence, migration flows, European North of Russia.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Svetlana S. Patrakova – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ИЮЛЬ 2020 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.10 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹.

Согласно первой оценке Росстата, общий объем произведенного ВВП страны во II квартале 2020 года снизился на 8% относительно соответствующего периода 2019 года (рис. 1).

1. Производство валового продукта

Замедление роста во многом обусловлено спадом в трех крупных отраслях – транспортной и хранении (-12,2%), добыче полезных ископаемых (-6,7%) и оптовой и розничной торговле (-4,3%; рис. 2).

Основными стабилизирующими факторами стали финансовая и страховая деятельность (+8%), сектор государственного управления (+2%), а также сельское хо-

зяйство (+1,2%, включая лесное хозяйство, охоту, рыболовство и рыбоводство). Правительство РФ уже объявило об активной работе над поддержкой российской экономики.

Первый вице-премьер Андрей Белоусов сообщил о завершении работы над национальным планом восстановления экономики². План состоит из девяти разделов и содержит около 500 мероприятий. Выполнение плана, по словам премьер-министра Михаила Мишустина, позволит «не только переломить ситуацию, сложившуюся в результате распространения новой коронавирусной инфекции, но и приступить к проведению долгосрочных структурных изменений в экономике»³.

❖ Выпуск **промышленности** в январе – июле 2020 года относительно аналогичного периода 2019 года⁴ сократился на

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: июль 2020 года // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 151–162. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.10

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy: July 2020. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 151–162. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.10

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Белоусов сообщил о завершении работы над планом восстановления экономики. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/09/2020/5f5436939a79472f9ade5f5d> (дата обращения 19.09.2020).

³ Правительство разработало план восстановления экономики и доходов россиян. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/06/2020/5ed4f5469a79474fd7568c3a> (дата обращения 19.09.2020).

⁴ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – июль 2020 года с январем – июлем 2019 года.

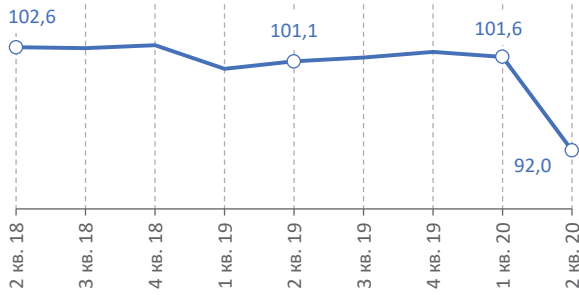

Рис. 1. Динамика производства валового продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

4,2% (табл. 1). При этом падение зафиксировано как в сфере добычи полезных ископаемых (-6,6%), так и обработки (-2,5%). Согласно расчетам НИУ ВШЭ, даже если во II полугодии 2020 года произойдет подъем промышленного производства, по итогам года будет зафиксировано снижение выпуска товаров и услуг примерно

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	7 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	7 мес. 2020 г.
Промышленное производство					
РФ	102,3	102,5	102,3	101,5	95,8
ВО	102,8	103,2	102,9	104,0	102,3
РКо	99,3	99,2	99,0	102,5	121,8
АО	103,0	103,3	102,4	101,9	96,0
МО	96,3	99,4	98,9	105,1	97,4
РКа	104,4	107,0	105,6	100,4	98,6
Добыча полезных ископаемых					
РФ	103,9	103,4	102,5	100,0	93,4
ВО	100,0	98,0	98,5	74,9	104,4
РКо	94,1	92,9	94,9	97,1	147,3
АО	104,3	104,3	103,2	103,1	96,0
МО	100,9	100,1	99,3	98,2	89,5
РКа	96,5	97,1	97,3	97,8	102,9
Обрабатывающие производства					
РФ	101,3	102,1	102,6	103,8	97,5
ВО	103,0	103,5	103,1	103,8	102,2
МО	104,1	105,0	103,9	106,0	104,2
РКа	99,5	100,5	100,4	98,5	95,3
РКо	86,7	98,1	98,0	124,7	115,8
АО	109,9	114,0	111,1	103,9	97,0

* Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.

Рис. 2. Темп прироста физического объема валовой добавленной стоимости (ВДС) по отраслям экономики России в I полугодии 2020 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

на 5%⁵. Минэкономразвития прогнозирует снижение ВВП по итогам года, однако в последнем прогнозе оценка спада была улучшена до 3,9% с представленной ранее 4,8%⁶. Среди причин более позитивного прогноза называется корректировка прогнозируемых цен на нефть.

В Вологодской области по большей части сохранился темп роста промышленного производства на уровне, близком к предыдущему году (2,3%, по этому показателю регион занял 30 место в стране), в том числе добывающего – на 4,4%, обрабатывающего – на 2,2%.

Преобладающей тенденцией в промышленности стало изменение динамики выпуска ее секторов под влиянием возросшей остроты экономических агентов. В частности, в **секторе промышленности конечного спроса** отмечается ускорение роста.

В производстве пищевой продукции в стране зафиксирован рост на 5% (годом ранее – на 2,4%; табл. 2). Прирост во многом был обеспечен увеличением выпуска мясных консервов (+17,6%), растительного масла (+16,6%) и мяса крупного рогатого скота (+11,8). Также отмечено изменение предпочтений россиян в напитках: производство водки снизилось на 3,6%, пива – выросло на 3,3%. В Вологодской области увеличение выпуска продовольственной продукции было еще более существенным (+13,1%), что во многом обусловлено успехами мясной и молочной индустрии: расширилось производство свинины (+13,4%), мясных полуфабрикатов (+17,8%), при этом сократился выпуск колбасных изделий (+4,8%). Также сказалось активное развитие производства осетровой икры (+87,2%).

В российском производстве целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции возобновился рост (+4%, в прошлом году – снижение на 1,5%). На динамику показателя оказало оживление в производстве целлюлозы (+6,4%) и бумаги (+5%). В Вологодской области в этой сфере объем производства

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	7 мес. 2020 г.
Пищевое производство					
РФ	102,4	102,6	103,5	108,9	105,0
ВО	94,0	95,2	99,0	113,1	113,1
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	98,5	99,3	100,2	109,7	104,0
ВО	101,6	105,1	111,4	148,2	148,6
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	104,2	104,9	105,8	107,4	107,0
ВО	103,4	104,8	104,3	111,2	105,6
Металлургическое производство					
РФ	100,3	101,1	102,6	102,4	96,3
ВО	103,7	102,6	101,2	101,2	99,3
Деревообработка					
РФ	107,1	106,2	104,3	98,1	93,6
ВО	114,1	116,1	116,7	101,7	109,2
Машиностроение					
РФ	102,9	104,6	104,2	99,8	87,3
ВО	107,8	110,4	107,3	87,7	100,6
Производство стройматериалов					
РФ	105,4	105,1	104,2	105,0	96,6
ВО	122,4	127,8	101,2	119,0	121,2

увеличился почти наполовину под влиянием резко возросшего выпуска бумаги и картона (+64,2%).

В **секторе промышленности промежуточного спроса** на динамику во многом повлияла сохраняющаяся неопределенность на внешних рынках.

Химическое и нефтехимическое производство в целом по стране выросло на 7%. Положительное воздействие на динамику отрасли оказала активизация выпуска лекарственных препаратов (+16,3%), гербицидов (+47,4%), а также пластмасс в первичных формах (+15,7%). В Вологодской области ускорился рост индекса физического объема в химической индустрии (до 105,6%, годом

⁵ Российская экономика: прогнозы и тенденции. 2020. № 7 (328). С. 24.

⁶ Максим Решетников представил в Правительстве РФ среднесрочный прогноз социально-экономического развития страны. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksimreshetnikov_predstavil_v_pravitelstve_rf_srednesrochnyy_prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_strany.html (дата обращения 19.09.2020).

ранее – 103,4%), обусловленный значительным подъемом в сфере калийных удобрений (113,3%).

❖ Металлургической продукции в стране было произведено меньше на 3,7%, существенно сократился выпуск стальных труб (-16,5%), а также нелегированной стали (-3,1%). В вологодской металлургии объем производств сократился на 0,7%, к чему помимо цен на металл привел спад в производстве конструкций из черных металлов на 24,3%.

❖ В российской деревообрабатывающей промышленности выпуск сократился на 6,4%. Отрасль столкнулась с комплексным замедлением – снизилось производство как лесоматериалов (+3,6%), так и стройматериалов из дерева: древесностружечных плит было выпущено на 11,4% меньше, древесноволокнистых – на 11,7%. При этом интересным моментом стало перераспределение спроса с деревянной мебели (в частности, шкафов было выпущено на 21,5% меньше) на мебель из пластмассовых материалов (+79,8%). В Вологодской области рост объемов деревообработки замедлился и составил 9,2% против 14,1% в прошлом году. При этом упал спрос на деревянные строительные конструкции (-19,8%) и вырос на продукты распиловки и строгания древесины (+8,4%), а также деревянную тару (в 2,4 раза).

В Вологодской области завершена реализация приоритетного инвестиционного проекта в области освоения лесов «Организация лесозаготовок и деревообрабатывающего производства на ООО «Сивеж». Объем инвестиций составил 546 млн рублей. Трудоустроено 144 человека. На предприятии созданы производственные мощности по выпуску пиломатериалов, погонажных изделий, мебельного щита, древесных гранул (пеллет), клееного бруса и древесного угля⁷.

В секторе промышленности инвестиционного спроса динамика была негативной.

❖ Значительно сильнее других отраслей промышленности пострадало машиностроение (-12,7%), в особенности производство легковых автомобилей (-30,2%), электронных ламп (-18,2%) и радиоаппаратуры (-19,7%). Положительным моментом стал рост производства компьютеров и их частей на 60,1% и медицинского оборудования на 69,1%. В Вологодской области, несмотря на успехи отрасли, рост составил лишь 0,6%. К таковым можно отнести увеличение выпуска автотранспортных средств специального назначения на 11,7% и комплектов электрической аппаратуры коммутации или защиты в 2,6 раза. Негативным фактором стало сокращение выпуска одного из ключевых товаров региона – шариковых подшипников – на 40,4%. Производство тракторов при этом снизилось на 72,6%.

Компания «Макро ЕМС» (входит в ГК «Макро Групп») в промзоне Обухово начинает строительство завода по контрактному производству электроники. Объем инвестиций – более 500 млн руб. Производиться будут модули для вычислительной техники и серверного оборудования (в том числе материнских плат на процессорах «Байкал»), телекоммуникационного, медицинского оборудования и оборудования для АСУ ТП. К двум работающим сейчас высокоскоростным линиям проект добавит еще три, причем более современные⁸.

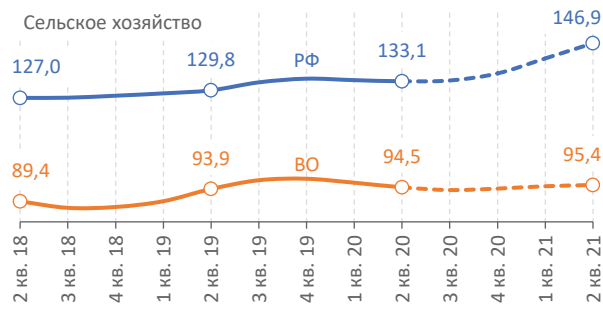
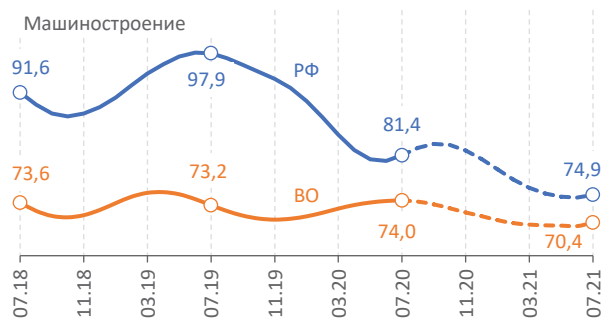
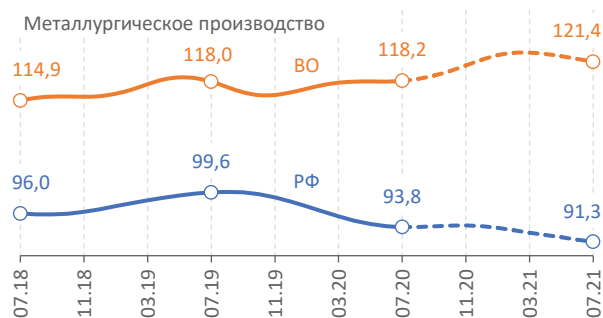
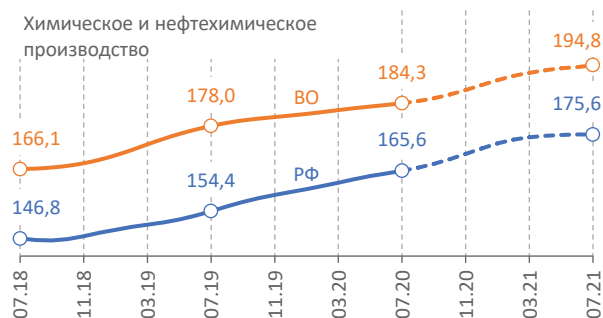
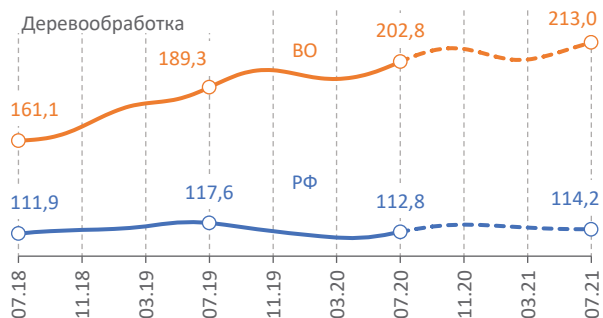
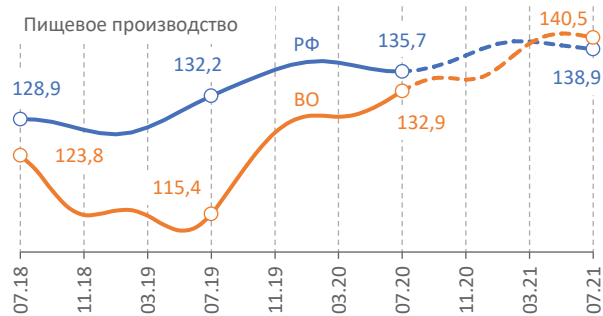
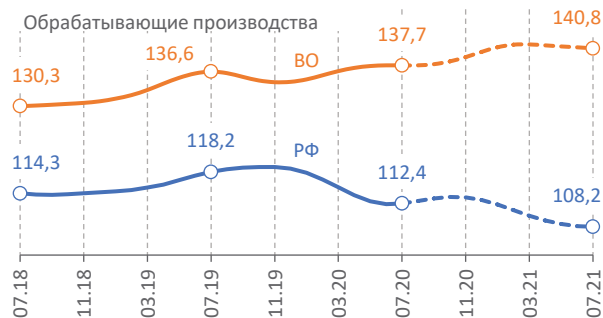
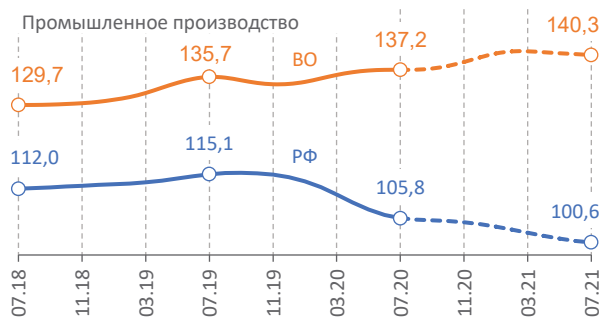
❖ В сфере производства стройматериалов в целом по стране зафиксирован спад на 3,4%, отчасти связанный с сокращением выпуска цемента на 20,6% и стекла на 18,9%.

⬆ В Вологодской области, напротив, сохраняется позитивная динамика (+21,2%), поддерживаемая производством дорожных смесей на 25,3% и бетона на 20,8%.

⁷ Реализация приоритетного инвестиционного проекта ООО «Сивеж» признана завершённой. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/realizatsiya_prioritetnogo_investitsionnogo_proekta_ooo_sivezh_priznana_zavershennoy (дата обращения 19.09.2019).

⁸ В Петербурге будет построен завод по производству электроники. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/30/07/2020/5f2273a09a79472e71a99ea4 (дата обращения 19.09.2020).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

▲ **Сельское хозяйство** в целом по стране увеличило выпуск на 3% (табл. 3). В частности, произведено больше скота и птицы на убой – на 3,9%, молока – на 3,2%. В Вологодской области сельское хозяйство ускорило рост до 6,1% против 1,6% в прошлом году. Положительная динамика отмечается во всех основных товарных группах: скот и птица на убой (в живом весе) +5,8%, куриные яйца +9,3%, молоко +5,3%.

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.
РФ	101,0	103,4	104,0	103,0	103,0
ВО	101,6	108,0	108,5	107,0	106,1
АО	89,8	92,3	93,2	100,3	99,6
РКо	99,6	95,8	96,3	112,4	113,5
МО	98,4	98,4	96,7	102,8	102,4
РКа	94,0	96,7	95,8	98,9	97,0

Следует отметить, что правительство предпринимает меры по стимулированию устойчивого роста продовольственного сектора, в качестве примера можно привести постановление от 14 мая 2020 года № 677, согласно которому сельхозпредприятия, заключившие соглашение о повышении конкурентоспособности, сохраняют доступ к льготным кредитам, даже в случае если не в полном объеме выполняют обязательства по расширению производства в 2020 году⁹.

Изменения в реальном секторе приводят к усилению напряженности на **рынке труда**.

▼ Уровень безработицы в стране вырос на 1,6 п. п. (до 6,2%; табл. 4). В Вологодской области уровень безработицы поднялся почти вдвое – до 7,4% против 3,8% в прошлом году.

▼ Различия в степени кризисных явлений на уровне страны и региона фиксируются также в объеме регистрируемых работода-

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	4,6	4,4	4,6	4,6	6,2
ВО	3,8	3,7	4,5	4,1	7,4
РКа	7,7	1,7	2,0	7,4	9,4
МО	7,3	5,7	7,7	7,2	8,1
АО	6,4	6,2	6,2	6,2	8,2
МО	4,7	4,5	5,6	6,6	8,7
	7 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	7 мес. 2020 г.
Потребность работодателей в работниках					
РФ	103,4	102,6	101,8	98,7	91,2
ВО	112,2	111,2	108,3	101,2	72,2
РКо	119,3	115,6	112,5	101,2	94,3
МО	113,1	113,6	113,5	98,1	94,4
АО	105,5	105,6	106,9	99,4	93,9
МО	116,7	118,1	126,8	171,5	148,6

телями вакансий: если в целом по России декларируемая потребность в работниках снизилась на 8,5%, то в Вологодской области – на 27,8%.

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике страны и в Вологодской области отмечены стагнация доходов бюджета и снижение доходов населения и бизнеса.

▼ Несмотря на рост реальной начисленной заработной платы россиян в I полугодии на 2,9%, **реальные денежные доходы населения** снизились на 3,2% (табл. 5). Ключевым негативным фактором стали трудности бизнеса. В Вологодской области соотношение этих показателей схожее, однако в целом ситуация лучше (не в последнюю очередь из-за отложенного и не столь глубокого торможения в отраслях – потребителях металлопродуката) – отмечен рост реальной начисленной заработной платы на 5,7% при сохранении реальных денежных доходов на уровне прошлого года (+0,6%).

⁹ Постановление правительства о смягчении требований по льготным кредитам для экспортеров сельхозпродукции от 14 мая 2020 года № 677. URL: <http://government.ru/docs/39692> (дата обращения 19.09.2019).

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	101,8	102,2	103,3	108,6	102,9
ВО	103,6	103,7	104,3	111,7	105,7
РКа	102,4	107,5	107,6	107,3	103,8
РКо	104,3	105,0	105,4	106,9	101,6
АО	100,4	105,6	106,0	105,6	100,9
МО	100,8	107,0	107,4	107,2	103,6
Реальные денежные доходы населения					
РФ	100,5	101,5	101,5	102,3	96,8
ВО	99,7	101,7	99,1	101,7	100,6
РКа	99,3	100,4	100,0	101,2	99,4
РКо	95,6	97,1	97,6	99,4	98,6
АО	98,6	96,9	98,8	102,0	98,4
МО	98,7	97,2	98,7	100,6	100,7
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	120,2	111,6	117,5	41,5	52,2
ВО	79,1	99,0	97,2	7,4	70,0
РКа	178,3	167,6	158,9	37,4	50,5
РКо	114,9	94,3	94,7	-	-
АО	164,6	142,7	133,9	-	-
МО	125,4	157,8	111,0	326,6	178,1
	7 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	7 мес. 2020 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	113,0	112,5	110,2	107,6	100,1
ВО	111,1	111,3	112,2	100,7	97,0

Уровень бедности во II квартале 2020 года достиг пикового значения, в дальнейшем он незначительно снизится и стабилизируется, полагает главный экономист BCS Global Markets В. Тихомиров. С ослаблением карантинных ограничений негативный эффект в отношении доходов населения (а значит, и бедности) будет снижаться, поясняет он. Однако быстрого восстановления российской экономики после провала во втором квартале, по его мнению, не произойдет, а значит, уровень бедности будет сокращаться крайне медленно¹⁰.

¹⁰ Росстат зафиксировал рост бедности на пике пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2020/5f64ba649a794707f1dd59d1> (дата обращения 19.09.2020).

✓ **Сальдированный финансовый результат** (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций в I полугодии снизился с учетом инфляции на 47,8%. В Вологодской области уровень финансового результата предприятий сократился на меньшую величину (-30%), однако стоит учитывать низкую базу рассматриваемого периода (в прошлом году снижение составило 20,9%). Предположительно низкий финансовый результат предвещает повторение негативной национальной динамики на местном уровне. Согласно оперативным данным за I полугодие финансовый результат предприятий обрабатывающей промышленности в регионе снизился на 33,3%, а доля убыточных организаций в регионе выросла на 3,3 п. п. (до 29,1%), в частности доля убыточных гостиниц и общепитов увеличилась на треть и составила 80%.

✓ **Реальные доходы консолидированного бюджета** (с учетом внебюджетных фондов) в целом по стране остались на уровне прошлого года (+0,1%). В Вологодской области отмечено снижение данного показателя на 3%.

3. Конечное использование

Динамика показателей **потребительского спроса** фиксирует сохранение кризисных настроений на потребительском рынке.

✓ Розничная торговля уже испытала на себе снижение доходов населения. Другим фактором, ограничившим торговлю, стал рост объема выданных ипотечных кредитов. Сокращение оборота розничной торговли составило 5,8% (в том числе продовольственными товарами – 1,6%, непродовольственными – 9,4%), в Вологодской области – 0,4% (при росте продаж продовольственных товаров на 3,9% оборот непродовольственных снизился на 8,1%; табл. 6). Платные услуги по-прежнему остаются наиболее пострадавшей отраслью потребительского рынка. В целом россиянам было оказано на 21,3% меньше платных услуг, вологжанам – на 14,3%.

✓ Объем выполненных строительных работ в целом по стране сократился на 0,4%, в Вологодской области спад более значителен (на 31,2%; табл. 7). Стабильность показателя

отчасти обеспечена ранним возобновлением строительных работ на крупных объектах во время эпидемиологических ограничений. Для сравнения, во вводе жилых домов отмечена негативная динамика: в целом по стране снижение показателя составило 12%, в Вологодской области – 38,9%. Текущее состояние этих индикаторов в регионе свидетельствует о временном характере улучшений в сфере производства строительных материалов в связи с проведением сезонных работ в рамках реализации нацпроектов «Безопасные и качественные автомобильные дороги» и «Жилье и городская среда».

В динамике **инвестиционной активности** отразилась предпринимательская неуверенность.

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	7 мес. 2020 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	102,0	101,8	101,9	104,4	94,2
ВО	104,4	103,9	102,7	106,7	99,6
РКа	101,8	102,3	101,5	105,7	99,7
РКо	100,2	100,2	100,1	100,2	98,9
МО	101,3	100,6	99,5	102,6	96,0
АО	100,2	100,2	100,0	99,8	97,3
Объем выданных ипотечных кредитов					
РФ	95,5	94,7	94,5	123,1	121,3
ВО	87,8	87,9	91,2	122,5	125,1

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	7 мес. 2020 г.
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	100,1	100,3	100,6	101,1	99,6
ВО	93,4	86,6	82,8	66,1	68,8
МО	90,2	99,1	89,8	75,3	81,8
РКа	65,8	71,4	65,4	126,9	122,7
АО	75,2	75,7	80,3	75,3	82,8
РКо	146,6	147,6	136,2	130,4	137,0
Ввод жилых домов					
РФ	107,0	106,9	106,2	98,7	88,0
ВО	114,8	109,7	109,0	50,0	61,1
АО	130,0	127,1	102,1	65,2	71,6
РКа	58,3	58,4	81,3	55,1	68,6
МО	92,6	87,5	105,7	70,0	76,6
РКо	143,0	147,0	91,5	23,1	41,6

❖ Спад инвестиций в основной капитал в стране в I полугодии составил 4% (табл. 8). Столь низкий показатель может быть связан с тем, что объем разрабатываемых производств, направленных на заполнение рыночных ниш, возникнувших в период эпидемиологических ограничений, уже исчерпан. В то же время к идее возобновления развития в обычном ритме инвесторы пока подходят с большой осторожностью, поскольку не ясно, какому потребителю в обозримой перспективе можно будет реализовать новый продукт. В Вологодской области инвестиции снизились на 1,1%. По этому показателю регион занял 45 место в стране.

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

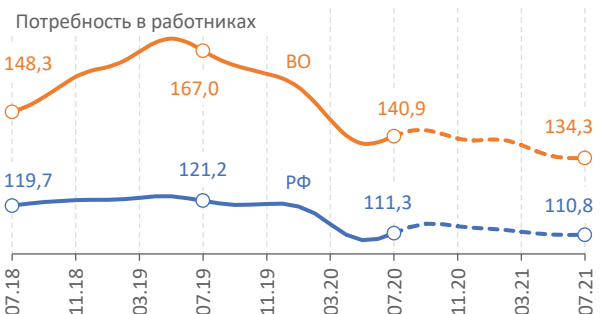
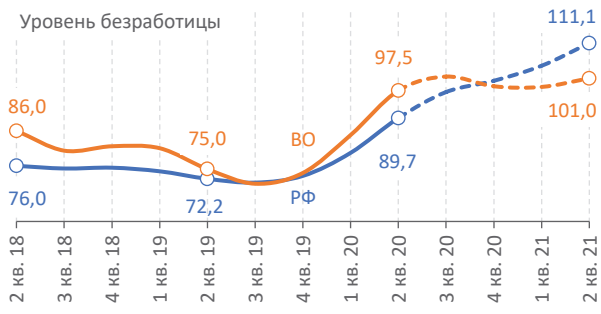
	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.
РФ	101,1	101,3	101,7	101,2	96,0
ВО	153,9	142,3	118,1	78,4	98,9
МО	88,8	93,3	93,6	124,2	101,6
РКа	84,5	82,6	79,0	91,9	101,3
АО	83,3	83,9	88,9	114,8	102,7
РКо	136,7	101,2	101,4	166,9	108,4

Одним из смягчающих факторов инвестиционной динамики в регионе станет подписанное 17 сентября 2020 года соглашение с Правительством Вологодской области о реконструкции фабрики Nestle по производству детских смесей в Вологде. В ходе его реализации планируется создать полностью локализованное производство, а вновь созданные производственные мощности будут нацелены на экспортные поставки.

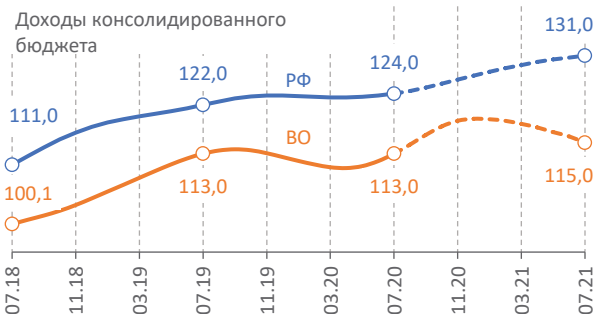
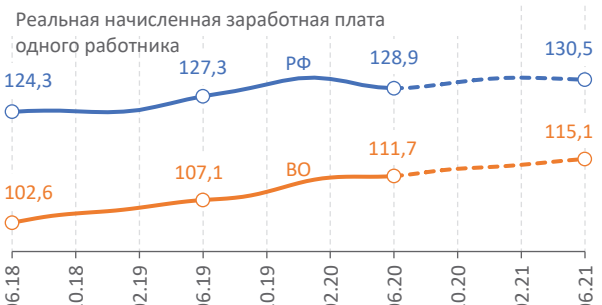
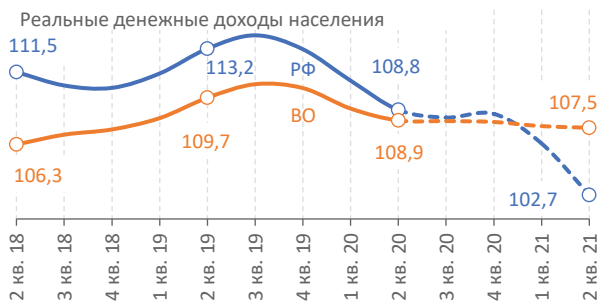
Представитель компании подчеркнул, что Россия для Nestle – это важный рынок, «но это и страна, где Nestle присутствует на очень долгий срок, долго и прочно». «Сегодня мы делаем очередной ключевой шаг, который показывает, что мы очень серьезно заинтересованы в развитии российского рынка и локализации производства нашей продукции здесь»¹¹.

¹¹ Nestle вложит 3,5 млрд рублей в реконструкцию и локализацию фабрики в Вологде. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9482419> (дата обращения 19.09.2020).

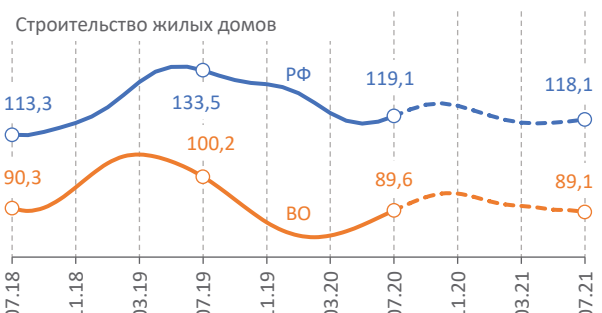
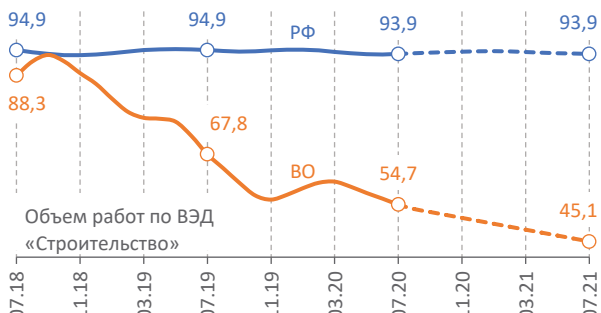
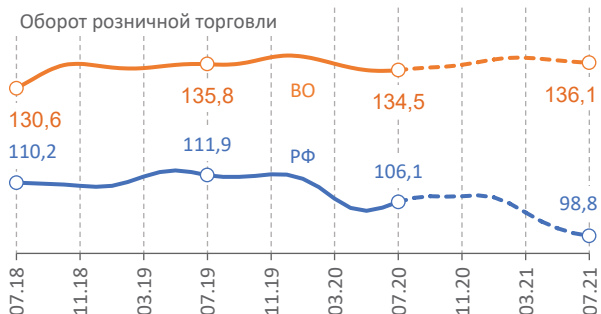
Тренды развития рынка труда в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

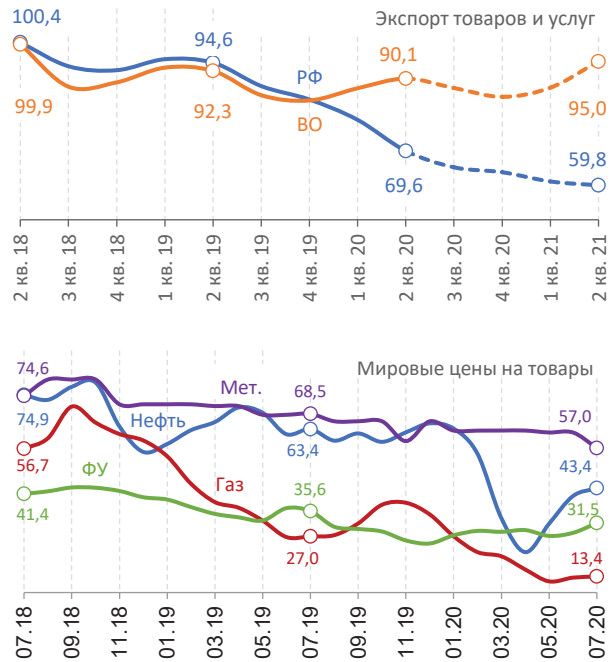
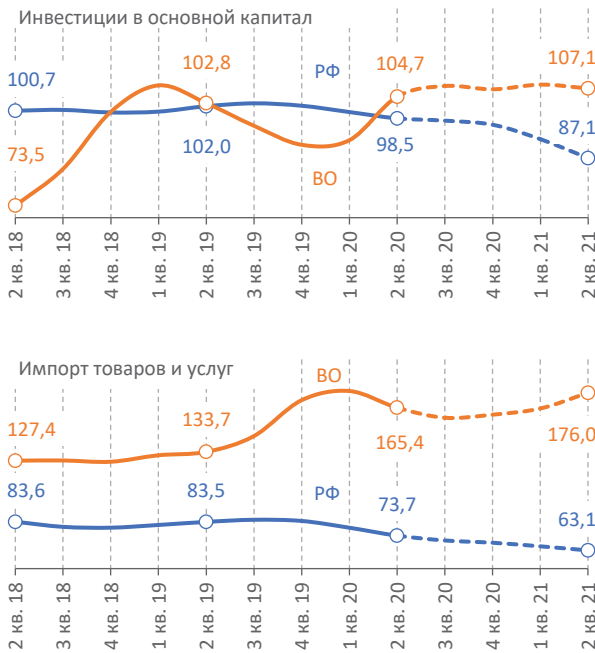
Тренды образования доходов в экономике в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды инвестиций и внешней торговли в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Во **внешнеторговом секторе** экономики отмечается тенденция к угасанию активности.

❏ Экспорт товаров из России под влиянием замедления развития мировой экономики снизился на 22,9% (табл. 9–11). Не последнюю роль сыграло и ускорившееся падение цен на мировых рынках: средние цены на нефть снизились на 36,1%, на природный газ – на 52,7%. Цены на ключевые товары Вологодской области снижались медленнее (на фосфатные удобрения – на 19,3%, на металлопрокат – на 11%), в результате чего сокращение экспорта в регионе оказалось менее ощутимым – в пределах 0,7%. Импорт в Россию уменьшился на 6,2%. В Вологодской области зафиксировано резкое ускорение роста импорта (+27,9%, годом ранее – 7,1%).

В июне 2020 года Всемирный банк опубликовал доклад «Перспективы мировой экономики». В нем последствия пандемии COVID-19 названы «мощнейшим шоком для мирового сообщества», который привел к негативным последствиям в экономике многих стран. Составители доклада ожидают, что спад в экономике развитых стран достигнет по итогам года 7%, а в мировой

экономике станет крупнейшим за последние десятилетия¹².

Таблица 9. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	97,0	95,7	94,0	85,5	77,1
ВО	87,6	94,1	91,6	96,0	99,3
МО	111,2	86,3	75,8	40,6	51,3
РКО	99,4	107,1	96,4	87,9	83,2
РКА	97,3	64,8	59,9	98,1	76,4
АО	85,3	102,0	106,7	164,8	109,1
Импорт товаров и услуг					
РФ	97,2	101,2	102,2	100,4	93,8
ВО	107,1	109,4	116,6	142,3	127,9
РКО	90,7	93,0	93,2	90,5	101,3
МО	52,7	64,0	74,0	90,5	101,1
РКА	153,1	126,8	117,9	187,7	64,1
АО	56,4	84,1	90,7	202,8	150,8
	7 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	7 мес. 2020 г.
Мировые цены на товары					
Нефть	91,1	88,6	89,8	81,1	63,9
Газ	70,5	63,8	62,5	50,2	47,3
Мет.	91,9	89,7	88,7	87,8	89,0
ФУ	90,3	85,4	79,5	76,4	80,7

¹² Economic Prospects. Pandemic, Recession: The Global Economy in Crisis. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения 19.09.2020).

**Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну
(на начало сентября соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	570	595	739	95,8	77,1
Лист оцинкованный	долл. США	643	643	864	100,0	74,4
Лист горячекатаный	долл. США	500	525	653	95,2	76,6
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	493	528	611	93,4	80,7
Конструкционные профили	долл. США	625	745	869	83,9	71,9
Сортовой прокат	долл. США	595	635	681	93,7	87,4

**Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало сентября соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	48395	52186	49821	92,7	97,1
Лист оцинкованный	руб.	61698	62878	62734	98,1	98,3
Лист горячекатаный	руб.	42541	45974	44330	92,5	96,0
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	38981	40961	46348	95,2	84,1
Балка и швеллер	руб.	48711	51243	51986	95,1	93,7
Круг	руб.	40499	42031	41981	96,4	96,5
Уголок	руб.	40977	43743	42452	93,7	96,5

Оценка последствий COVID-19 для экономики

Одним из опережающих экономических индикаторов, демонстрирующим предпринимательские настроения, является индекс предпринимательской уверенности (ИПУ). Этот показатель иллюстрирует состояние делового климата и дает примерное представление о предстоящих изменениях в национальной экономике. Его результаты основываются на балансах оценок фактически сложившихся уровней спроса, запасов готовой продукции, а также ожидаемого выпуска продукции. В августе 2020 года ИПУ в добывающей промышленности снизился на 2% относительно августа 2019 года, в обрабатывающей промышленности – на 3% (рис. 3). Наименьшая предпринимательская уверенность по-прежнему сохраняется в строительном сегменте.

По оценкам руководителей организаций спрос на продукцию (портфель заказов) в августе 2020 года снизился на 3% в добывающих и 5% в обрабатывающих производствах. В ближайшее время рост также не ожидается: руководители предприятий добывающей промышленности примерно одинаково негативно оценивают перспективы на 3 и 6 месяцев (-6 и -5% соответственно). Схожие настроения и в обрабатывающей промышленности – руководители готовятся к усугублению спада производства: 4% ожидают снижения выпуска в течение 3 месяцев, а 5% – ухудшения общей экономической ситуации в течение 6 месяцев.

В силу структуры экономики и занятости населения (высокая доля госсектора и промышленности) одним из последствий COVID-19 для экономики Вологодской обла-

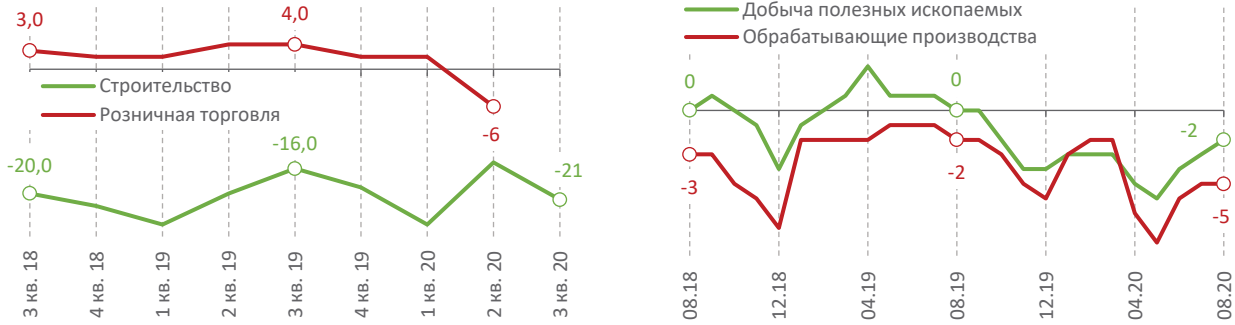

Рис. 3. Индекс предпринимательской уверенности, %

сти стало усиление зависимости ее развития от ситуации с бюджетным финансированием и ситуации на внешних и внутренних рынках сбыта металлургической и химической промышленности. Сложившееся положение дел усиливает стремление к переориентации промышленности региона на новые запросы рынка, одним из примеров которой можно назвать открытие производства рециркуляторов воздуха¹³. Заслуживает внимания и разработка производственной линии по выпуску тепловизоров на мощностях оптико-механического завода в Вологде, выступающая в качестве направления диверсифицированного применения оборонных технологий¹⁴.

В целом в январе – июле 2020 года экономика столкнулась с множеством вызовов. Ряд государств уже объявили о начале второй волны эпидемии коронавируса, мировая экономика восстанавливалась настолько осторожно, что цены на энергоносители продолжили падать, а вместе с ними и национальная валюта. Возникла и усиливается геополитическая нестабильность в Республике Беларусь, появилась угроза новых санкций со стороны США и Евросоюза. Комплекс этих угроз на уровне страны привел к сокращению производства и доходов всех участников экономической деятельности.

В целях экономического роста важными видятся поддержка ключевых отраслей

промышленности, последовательное стимулирование развития менее затратных в освоении производств «простых вещей», ориентированных на внутренний рынок, а также максимизация мероприятий, ставящих целью развитие потребительского рынка путем поддержки доходов населения.

Источники:

Ростат, Вологдастат,
Центральный банк Российской Федерации,
Федеральная таможенная служба,
Федеральное казначейство,
www.metaltorg.ru, metalinфо.ru,
www.indexmundi.com

Материалы подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

¹³ Вологодские разработчики обеспечат социальную сферу и промышленность региона рециркуляторами. URL: <https://35media.ru/news/2020/04/10/vologodskie-razrabotchiki-obespechat-socialnuyu-sferu-i-promyshlennost-regiona-recirkulyatorami> (дата обращения 19.09.2020).

¹⁴ Тепловизоры будут производить на оптико-механическом заводе в Вологде. URL: <https://35media.ru/news/2020/04/15/teplovizory-budut-proizvodit-na-optiko-mehanicheskom-zavode-v-vologde> (дата обращения 19.09.2020).

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В АВГУСТЕ 2020 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.11 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В июле – августе 2020 года ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

❖ В августе 2020 года по сравнению с февралем 2020 года оценки социального настроения жителей области ухудшились: соответствующий индекс уменьшился на 15 пунктов (со 140 до 125 п.; табл. 1). Ухудшение оценок произошло во всех социально-демографических категориях населения, наиболее существенное – в возрастной группе старше 55 лет (на 20 п., со 134 до 114 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное (на 18 п., со 145 до 127 п.) и высшее (на 16 п., со 143 до 127 п.) образование, в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 17 п.,

со 142 до 125 п.), а также в Череповце (на 25 п., со 141 до 116 п.).

❖ Оценки запаса терпения в среднем по региону за шесть последних месяцев также стали менее благоприятными: соответствующий индекс снизился на 3 пункта (со 156 до 153 п.). В разрезе социально-демографических групп населения наиболее значительное понижение индекса запаса терпения в феврале – августе 2020 года отмечалось среди жителей области в возрасте старше 55 лет (на 13 п., со 163 до 150 п.), среди лиц, имеющих высшее и незаконченное

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2020 года // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 163–172. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.11

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the social well-being of Vologda Oblast residents in August 2020. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 163–172. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.11

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
																	2019	2011
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,2	69,9	71,4	70,9	70,3	69,7	66,9	56,5	67,6	-2	+5	+4
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	23,1	24,5	23,5	23,4	24,0	25,0	26,7	32,0	25,8	+1	-3	-2
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	148,2	145,4	147,9	147,5	146,3	144,7	140,2	124,5	141,9	-4	+8	+6
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	77,0	78,0	76,8	77,8	78,4	75,2	72,6	76,5	-1	+2	+2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,3	17,2	16,5	16,2	17,2	16,7	18,9	19,6	17,5	0	+2	+4
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	160,8	159,8	161,3	160,6	160,6	161,7	156,3	153,0	158,9	-1	-1	-2

2007 год – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 год – последний год президентства Д.А. Медведева.
 2007, 2011, 2012, 2016, 2017, 2018, 2019 гг. – среднегодовые данные.
 * Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

высшее образование (на 5 п., со 161 до 156 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 4 п., со 155 до 151 п.), в Череповце (на 8 п., со 155 до 147 п.).

❖ В среднем за последние 6 опросов (июнь 2019 года – август 2020 года) оценки социального настроения несколько ниже показателей 2019 года (142 п. против 145 п.), ☉ а индекс запаса терпения примерно соответствует уровню 2019 года (159 п.).

❖ В динамике самооценок материального положения за период с февраля по август 2020 года произошли негативные изменения: размер фактического дохода снизился среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в 20%-ю категорию наименее обеспеченных – с 8082 до 6765 руб.; в 20%-ю категорию наиболее обеспеченных – с 28751 до 27463 руб.; табл. 2).

☉ В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2019 годом соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом по области существенно не изменилось (1,4 раза).

❖ В период с февраля по август 2020 года характер суждений об экономическом положении России и области ухудшился (табл. 3). Соответствующие индексы снизились на 6 и 4 пункта соответственно. В разрезе социально-демографических категорий населения негативные изменения в оценках экономической ситуации в стране наблюдались в возрастной группе от 30 до 55 лет (индекс снизился на 10 п., с 87 до 77 п.), среди лиц со средним специальным образованием (на 7 п., с 88 до 81 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 8 п., с 99 до 91 п.), в Волог-

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2019	2011	2007
Доход на одного члена семьи, руб.																	
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	6598	7792	7456	8398	7426	8641	8082	6765	7795	+3	+3890	+5709
60% средне-обеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	13245	14113	14109	14151	14349	14249	13961	13860	14113	0	+5688	+9480
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	27428	28267	28205	27211	28701	29147	28751	27463	28246	-21	+10609	+17028
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	14752	15686	15599	15616	15837	16110	15743	15163	15678	-8	+6315	+10238
Прожиточный минимум, руб.*	3765	6514	6563	10102	10511	10658	11042	10698	11391	11391	11091	11091	11767	11238	+196	+4724	+7473
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																	
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,6	0,7	0	+0,1	+0,1
60% средне-обеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,3	0	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,6	2,6	2,6	2,4	2,5	2,6	2,6	2,3	2,5	-0,1	-0,2	-0,5
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,3	1,4	0	0	0

* Данные о величине прожиточного минимума актуальны на момент проведения мониторинга. Источник: Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области: Постановление Правительства / Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

де (на 8 п., с 87 до 79 п.) и районах (на 8 п., с 92 до 84 п.). Об ухудшении экономики области чаще других заявляли жители среднего возраста (индекс снизился на 6 п., с 80 до 74 п.), представители 20%-й группы наиболее обеспеченных (на 10 п., с 97 до 87 п.), жители районов (на 6 п., с 80 до 74 п.).

❖ Оценки материального положения семьи в среднем по области стали менее благоприятными: индекс снизился на 5 пунктов. В разрезе социально-демографических групп населения ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе от 30 до 55 лет (индекс снизился на 10 п., с 84 до 74 п.), среди лиц со средним и неполным средним образованием (на 7 п., с 77 до 70 п.), жителей Вологды (на 6 п., с 75 до 69 п.).

⊙ За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2019 года характер суждений об экономике России и области не изменился: соответствующие индексы установились на отметке 87 и 77 пунктов. Индекс матери-

ального благополучия семьи сохранился на уровне 80 п.

❖ За период с февраля по август 2020 года характер суждений относительно ситуации в политической жизни России и региона ухудшился: соответствующие индексы снизились на 10 и 6 пунктов (табл. 4).

❖ Во всех социально-демографических категориях населения отмечается ухудшение оценок политической обстановки в стране и области. Наиболее существенные негативные тенденции фиксируются в возрастной группе от 30 до 55 лет (в стране – на 16 п., со 106 до 90 п.; в области – на 13 п., со 126 до 113 п.), среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (в стране – на 12 п., со 106 до 94 п.; в области – на 11 п., со 128 до 117 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (в стране – на 13 п., с 111 до 98 п.; в области – на 5 п., со 137 до 132 п.).

⊙ В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2019 годом характер суждений

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2019	2011	2007
Экономическое положение России																	
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	14,4	14,6	14,6	15,1	14,7	14,3	14,5	10,5	14,0	-1	+4	-7
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	43,9	44,6	46,8	44,4	41,9	44,8	44,9	43,7	44,4	0	-5	-5
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	27,2	26,1	24,7	25,1	26,2	27,8	28,3	30,7	27,1	+1	-1	+12
<i>Индекс</i>	<i>105,9</i>	<i>81,5</i>	<i>85,2</i>	<i>70,0</i>	<i>79,4</i>	<i>87,2</i>	<i>88,6</i>	<i>89,9</i>	<i>90,0</i>	<i>88,5</i>	<i>86,5</i>	<i>86,2</i>	<i>79,8</i>	<i>86,8</i>	<i>-2</i>	<i>+5</i>	<i>-19</i>
Экономическое положение области																	
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	11,8	11,5	11,6	11,5	12,1	11,9	12,5	10,7	11,7	0	+1	-11
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	39,2	41,3	42,7	42,1	40,3	39,9	39,9	38,7	40,6	-1	-8	-9
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	36,9	34,9	35,2	33,5	32,1	34,8	34,5	36,9	34,5	0	+4	+20
<i>Индекс</i>	<i>108,3</i>	<i>80,2</i>	<i>80,5</i>	<i>60,5</i>	<i>70,0</i>	<i>74,9</i>	<i>76,6</i>	<i>76,4</i>	<i>78,0</i>	<i>80,0</i>	<i>77,1</i>	<i>78,0</i>	<i>73,8</i>	<i>77,2</i>	<i>+1</i>	<i>-3</i>	<i>-31</i>
Материальное положение семьи																	
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,8	10,2	10,5	9,5	9,7	10,0	10,1	9,1	9,8	0	0	-5
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	48,7	50,1	51,5	48,3	50,0	50,0	47,8	44,5	48,7	-1	-2	-4
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	30,2	29,7	29,5	29,5	29,1	29,1	30,5	33,9	30,3	+1	+1	+8
<i>Индекс</i>	<i>92,5</i>	<i>79,8</i>	<i>82,7</i>	<i>76,7</i>	<i>78,8</i>	<i>81,6</i>	<i>80,5</i>	<i>81,0</i>	<i>80,0</i>	<i>80,6</i>	<i>80,9</i>	<i>79,6</i>	<i>75,2</i>	<i>79,6</i>	<i>-1</i>	<i>0</i>	<i>-13</i>

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Февр. 2020	Авг. 2020	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2019	2011	2007
В России																	
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	40,4	45,0	45,9	46,5	46,6	46,5	44,1	39,3	44,8	0	+1	-4
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	45,6	41,6	40,8	41,1	38,8	40,5	39,5	43,9	40,8	-1	+3	+7
<i>Индекс</i>	<i>114,3</i>	<i>106,3</i>	<i>96,6</i>	<i>69,5</i>	<i>84,6</i>	<i>94,8</i>	<i>103,4</i>	<i>105,1</i>	<i>105,4</i>	<i>107,8</i>	<i>106,0</i>	<i>104,6</i>	<i>95,4</i>	<i>104,1</i>	<i>+1</i>	<i>-2</i>	<i>-10</i>
В области																	
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	54,9	58,0	59,3	60,1	59,3	57,9	56,6	52,9	57,7	0	+6	-2
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	33,3	31,5	30,6	29,4	29,7	31,5	31,3	33,4	31,0	-1	+5	+6
<i>Индекс</i>	<i>135,4</i>	<i>125,3</i>	<i>120,0</i>	<i>104,7</i>	<i>118,2</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>128,7</i>	<i>130,7</i>	<i>129,6</i>	<i>126,4</i>	<i>125,3</i>	<i>119,3</i>	<i>126,7</i>	<i>0</i>	<i>+1</i>	<i>-9</i>

о политической ситуации в стране и регионе не изменился: индекс оценки политической

обстановки в России сохранился на уровне 104 пунктов, области – 127 пунктов.

Резюме

Итоги социологических опросов, проведенных ВолНИЦ РАН, свидетельствуют о том, что за период с февраля по август 2020 года в социальном самочувствии жителей Вологодской области произошли негативные изменения:

❖ – ухудшились показатели социального настроения (индекс снизился на 15 п., со 140 до 125 п.);

– менее благоприятными стали оценки экономического положения России (на 6 п., с 86 до 80 п.) и области (на 4 п., с 78 до 74 п.);

– снизились оценки материального положения семьи (на 5 п., с 80 до 75 п.);

– ухудшился характер суждений о политической обстановке в России (на 10 п., со 105 до 95 п.) и регионе (на 6 п., со 125 до 119 п.).

❖ Негативные тенденции наблюдались и в большинстве социально-демографических категорий населения. Прежде всего обращает на себя внимание следующее:

– в возрастной группе от 30 до 55 лет снизились индексы социального настроения (на 16 п.), оценки экономической ситуации в стране (на 10 п.) и области (на 6 п.), политической обстановки в России (на 17 п.) и регионе (на 13 п.);

– среди жителей области, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, ухудшились индексы социального настроения (на 16 п.), запаса терпения (на 5 п.), оценки экономической ситуации в России (на 5 п.) и области (на 5 п.), политической обстановки в стране и регионе (на 12 и 11 п. соответственно);

– в 60%-й группе среднеобеспеченных снизились индексы социального настроения (на 17 п.), запаса терпения (на 4 п.), экономической ситуации в России (на 7 п.) и области (на 4 п.), политического положения в России и регионе (на 8 и 7 п. соответственно);

– в 20%-й группе наиболее обеспеченных ухудшились показатели экономического положения России и региона (на 8 и 10 п.),

политической ситуации в стране и области (на 13 и 5 п.);

– в Вологде снизились индексы социального настроения (на 16 п.), экономического положения России и региона (на 8 и 4 п.), политической ситуации в стране и области (на 7 и 5 п.);

– в Череповце ухудшились показатели социального настроения (на 11 п.), экономического положения России и региона (на 8 и 5 п.), политической ситуации в стране и области (на 11 и 5 п.).

Существенное ухудшение социального восприятия и самочувствия жителей региона, которое отмечается в феврале – августе 2020 года, происходит на фоне событий, связанных с пандемией коронавируса, имеющих ряд серьезных экономических, политических, социальных последствий. Изменение привычного образа жизни, снижение потребительской активности, сокращение социальных контактов и возможностей проведения досуга, неопределенность перспектив негативным образом сказались на настроениях людей.

Пандемия нанесла определенный ущерб материальному положению населения. По данным официальной статистики, во 2 квартале 2020 года по отношению к предыдущему периоду реальная начисленная заработная плата в Вологодской области составила 97,5%, оборот розничной торговли – 94,8%¹. Эти данные коррелируют и с результатами мониторинга общественного мнения: в период с февраля по август 2020 года размер фактического дохода, по оценкам респондентов, снизился с 15743 до 15143 руб., менее благоприятными стали и потребительские настроения (соответствующий индекс уменьшился на 5 п., с 91 до 86 п.).

Негативное влияние на социальное самочувствие жителей региона оказали также происходящие в стране и мире общественно-политические процессы, а именно протестные акции и массовые беспорядки в России (Ненецкий автономный округ, Хабаровский край) и других государствах

¹ Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – июле 2020 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2020. С. 30, 71.

(США, Беларусь). Подобные события вселяют определенные опасения относительно возможности возникновения акций протеста и в других регионах страны. Не случайно, по данным социологических измерений, в феврале – августе 2020 года каждый четвертый житель Вологодской области указывал на вероятность массовых выступлений, а каждый пятый – на возможность участия в них.

В связи с этим дальнейшая динамика общественного мнения будет во многом зависеть от эффективности мероприятий властей по предотвращению социально-экономических последствий распространения коронавирусной инфекции, а также эффективности

государственных мер социальной поддержки населения в условиях пандемии.

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в октябре 2020 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

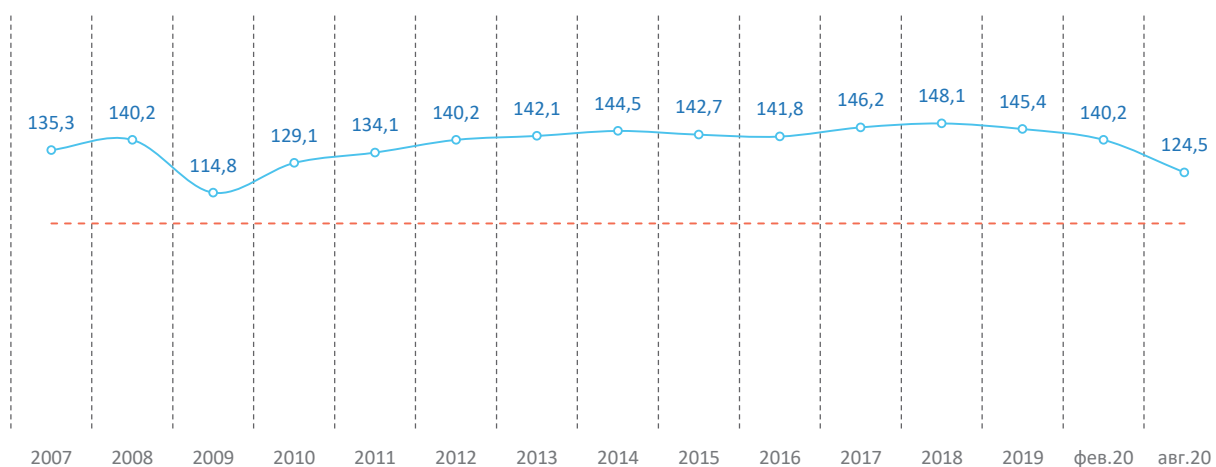

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

С февраля по август 2020 года индекс социального настроения жителей Вологодской области снизился на 15 пунктов (со 140 до 125 п.). Это самый низкий показатель за период с 2010 года.

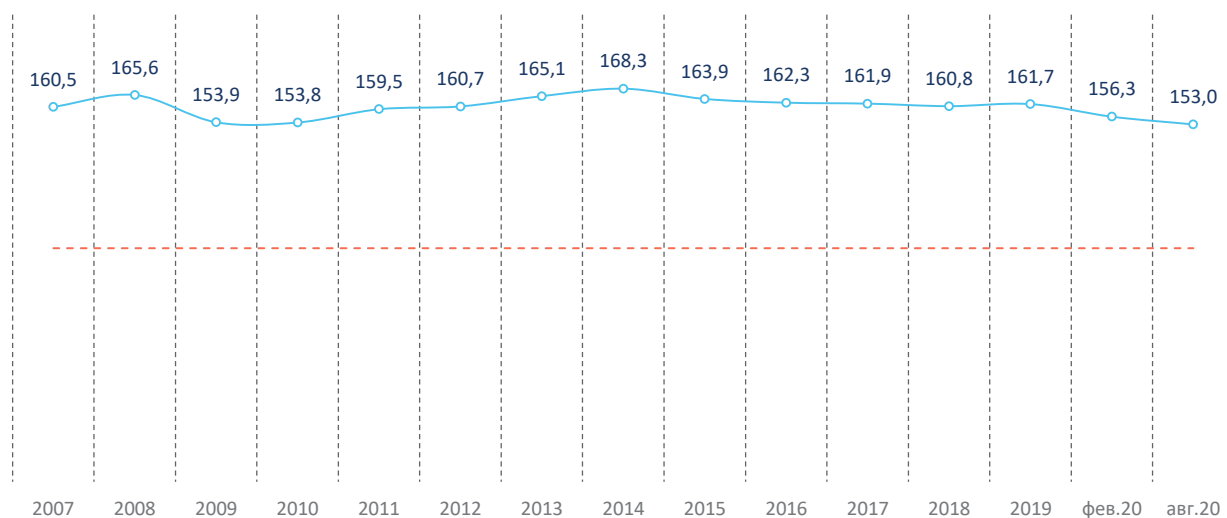

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В августе 2020 года индекс запаса терпения жителей Вологодской области составил 153 пункта, что является наименьшим значением за представленный период.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- - -).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

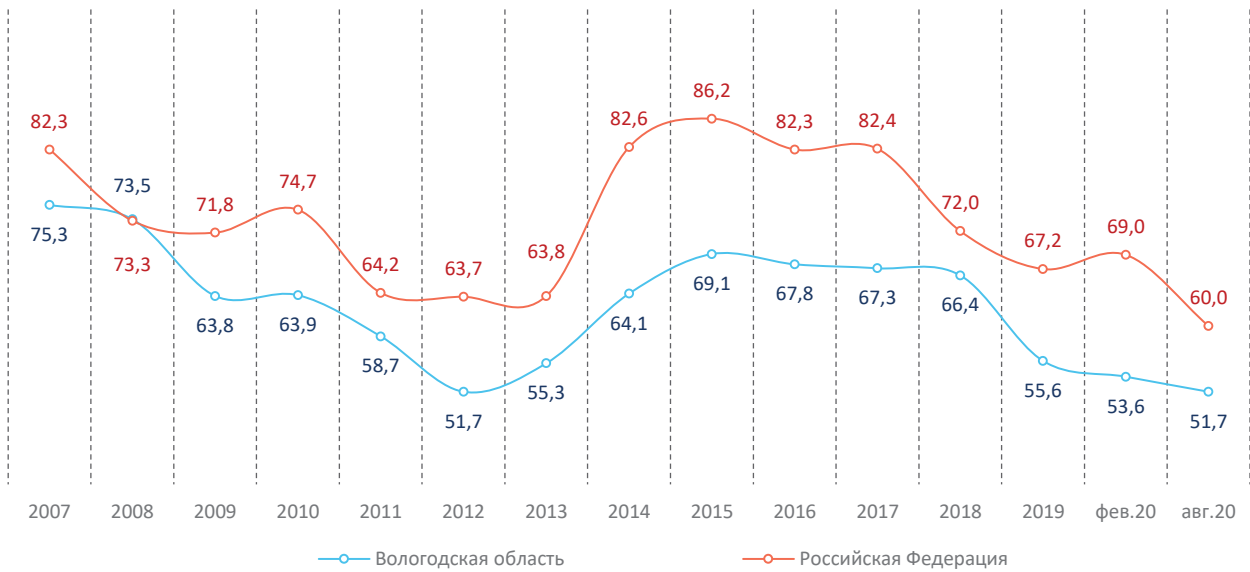

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных*

* Приведены данные Левада-Центра за июль 2020 года.

В августе 2020 года по сравнению с февралем в Вологодской области не наблюдается существенных изменений в оценке населения деятельности Президента РФ. Данный показатель находится на уровне 54–52%. В целом по России с февраля по июль 2020 года уровень одобрения работы главы государства снизился на 9 п. п. (с 69 до 60%).

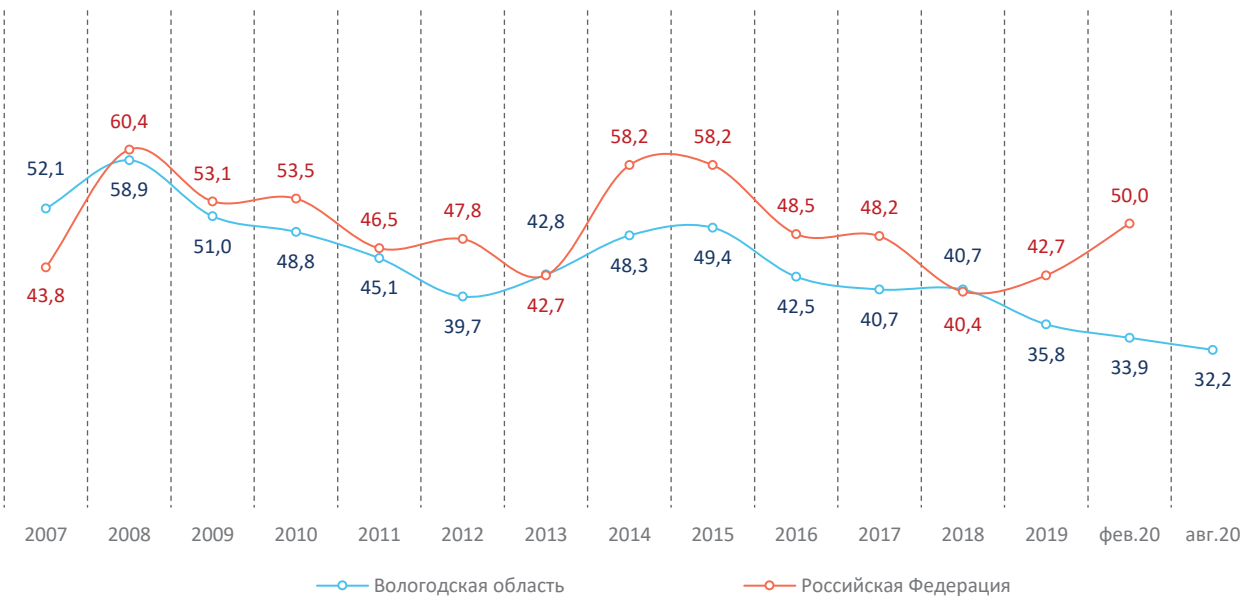

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В феврале и августе 2020 года показатель одобрения жителями Вологодской области деятельности Правительства РФ составляет 34–32%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНИЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра (<http://www.levada.ru>).

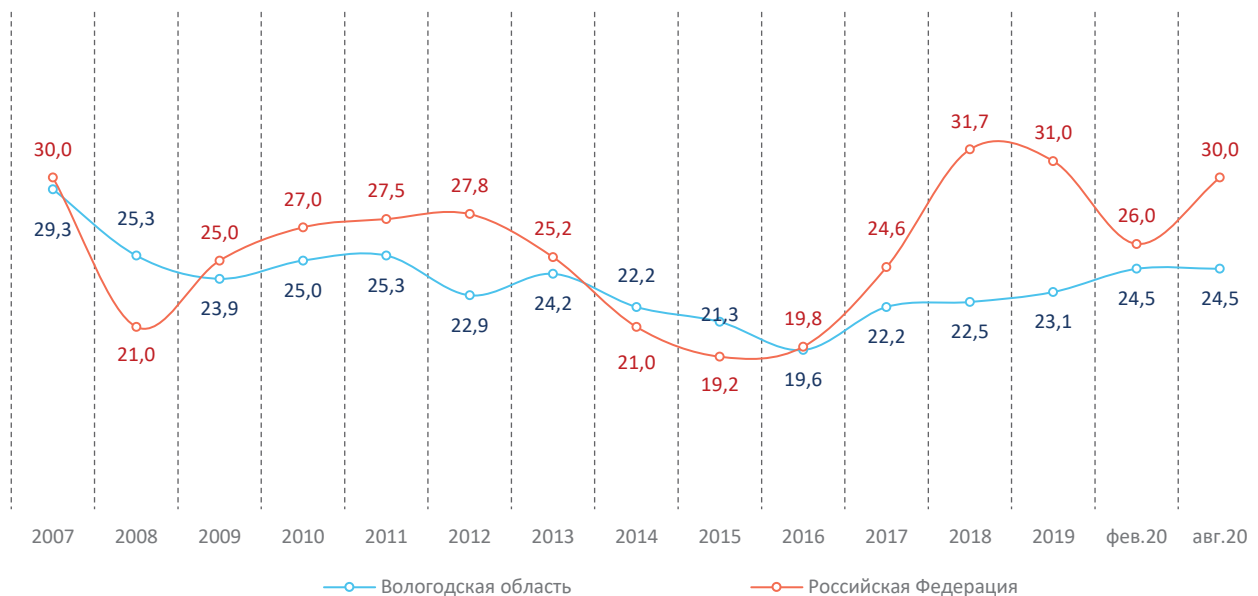

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных*
* Приведены данные Левада-Центра за июль 2020 года.

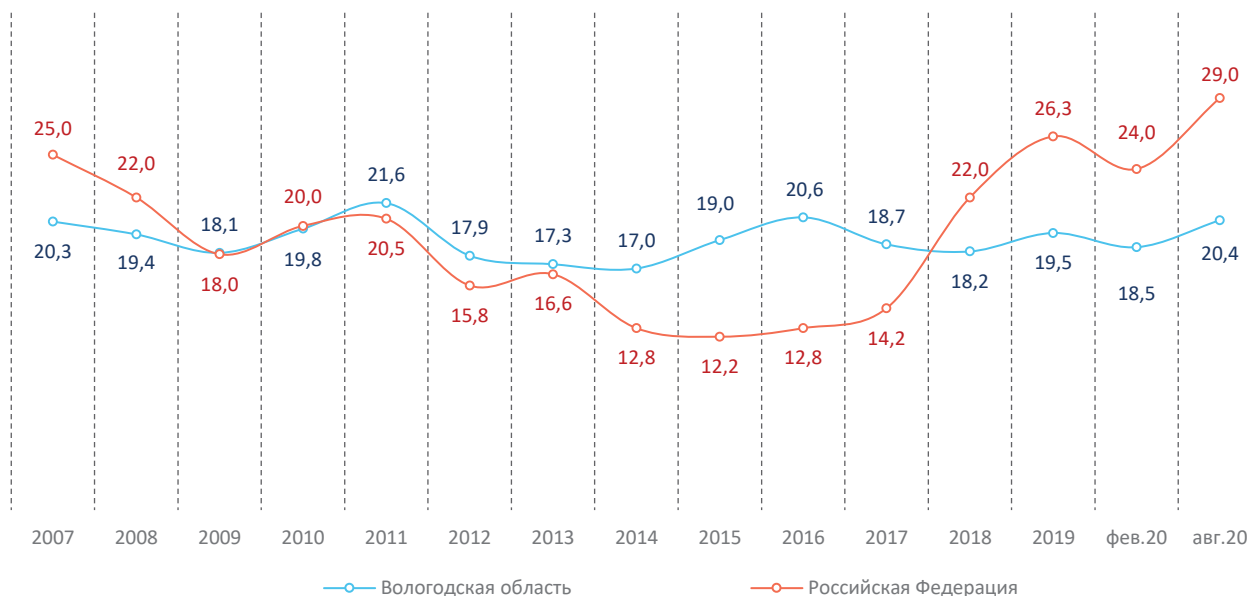

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В августе 2020 года доля населения Вологодской области, указывающего на вероятность протестных выступлений и на возможность своего участия в них, не изменилась и осталась на уровне февральских значений (25 и 19–20% соответственно). В целом по России с февраля по июль 2020 года оценки уровня социальной напряженности выросли: доля жителей России, кто не исключает вероятность акций протеста, на 4 п. п. (с 26 до 30%), а выразивших готовность принять в них участие – на 5 п. п. (с 24 до 29%).

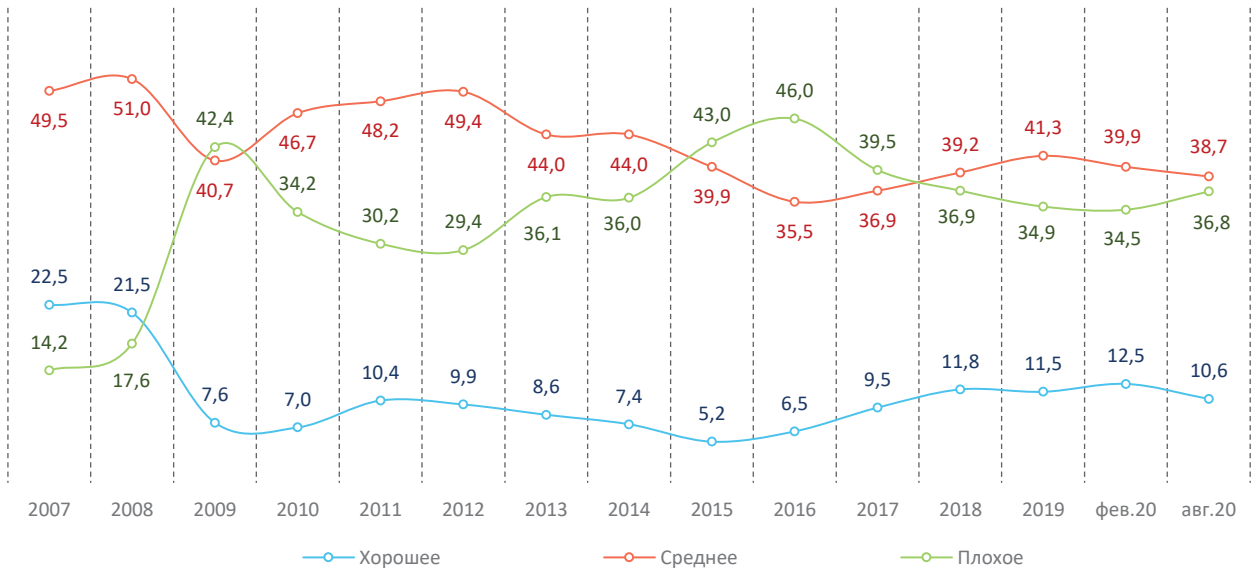

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В августе 2020 года по сравнению с февралем не произошло существенных изменений в оценочных характеристиках экономического положения региона. Доля отрицательных суждений составляет 35–37%, нейтральных – 40–39%, положительных – 13–11%.

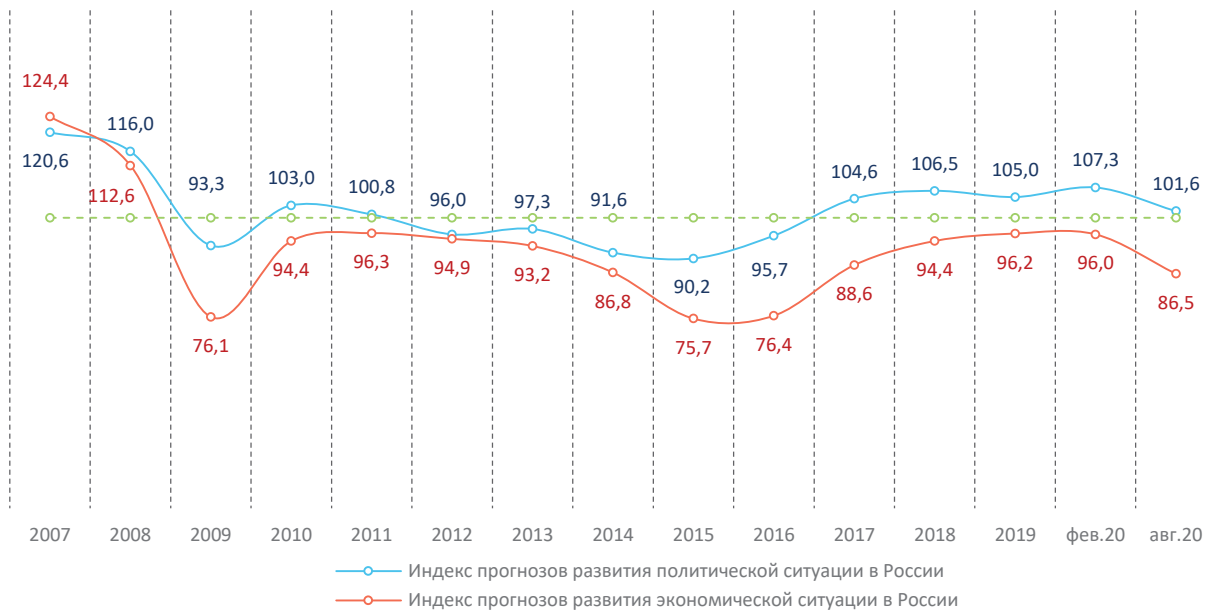

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России, пунктов*

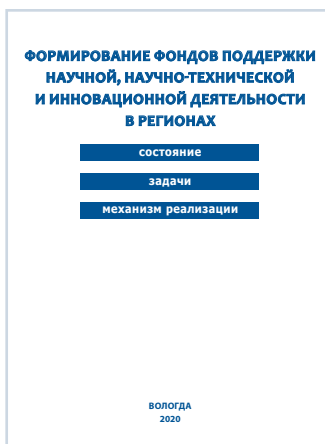
В августе 2020 года по сравнению с февралем значения индексов прогнозов развития политической и экономической ситуации в России претерпели негативные изменения. Индекс прогноза развития политической ситуации снизился на 5 пунктов (со 107 до 102 п.), экономической – на 9 пунктов (с 96 до 87 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности: механизм реализации проекта: науч.-аналит. издание о втором этапе исследований / Е.А. Мазиллов [и др.]; под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолнЦ РАН, 2020. 40 с.

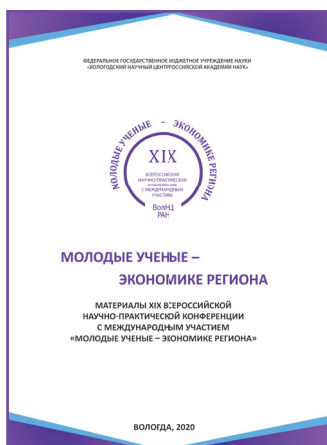
В издании представлены результаты второго этапа исследований. Обоснована необходимость создания организационно-правовых условий стимулирования прикладных исследований и разработок на региональном уровне. Сделано сравнение объемов затрат на исследования и разработки в регионах РФ и федеральных землях Германии, которое показало значительное отставание России и неравномерность финансирования ее территорий. Отмечено, что одним из действенных и легитимных методов активизации финансирования науки в регионах России может стать создание региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. На первом этапе исследований (2019 год) была выполнена классификация регионов по фактической доле и фактическим внутренним затратам на исследования и разработки в ВРП. Приведены данные и составлены карты субъектов России, демонстрирующие изменение объемов затрат на исследования и разработки в случае отчисления денежных средств от выручки промышленных организаций в размере 1 и 1,5%. На втором этапе актуализированы расчеты, показывающие, что формирование региональных фондов позволит увеличить внутренние объемы затрат на исследования и разработки на душу населения в среднем по субъектам РФ в объеме до 2,55 раза; на материалах Вологодской области апробированы предложения, убедительно доказывающие действенность таких мер, как значительное увеличение средств на поддержку научных исследований и разработок, при сохранении фактически достигнутого уровня рентабельности коммерческих компаний. Разработаны проект условий наполнения Регионального фонда научной, научно-технической и инновационной деятельности и система управления таким фондом. Сделаны выводы о том, что создание фондов позволит принципиально расширить возможности регионов в финансировании актуальных для них исследований и разработок, стимулировании инновационной деятельности.

Аграрная наука на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы: мат-лы III науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Вологда – Молочное, 28 февраля 2020 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 429 с.

Сборник составлен по материалам III научно-практической конференции с международным участием «Аграрная наука на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы», проходившей в городе Вологде 28 февраля 2020 года. Сборник содержит 81 статью, подготовленную научными сотрудниками и преподавателями НИИ и университетов России, Беларуси, Германии. В публикуемых материалах представлены результаты исследований в области разведения, генетики, селекции, воспроизводства, технологии содержания, кормления сельскохозяйственных животных, кормопроизводства и механизации сельского хозяйства, а также касающиеся управления и экономики АПК, кадрового обеспечения аграрного сектора экономики.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей сельскохозяйственных учебных заведений, аспирантов, студентов и специалистов-практиков сельского хозяйства.

Молодые ученые – экономике региона: мат-лы XIX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Вологда, 13 декабря 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 359 с.

В сборнике опубликованы материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Молодые ученые – экономике региона», состоявшейся в 2019 году. Эта конференция проходит в Вологодском научном центре Российской академии наук ежегодно. Ее цель – создание дискуссионной площадки для обсуждения молодыми учеными результатов исследований по проблемам социально-экономического развития регионов.

Сборник адресован студентам, аспирантам, преподавателям высших учебных заведений экономического профиля, а также всем, кто интересуется проблемами развития региональной экономики.

Молодые ученые – экономике: сб. науч. тр. по итогам конкурса науч.-исслед. работ молодых ученых. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. Вып. 19. 143 с.

В Вологодском научном центре РАН ежегодно проводится конкурс научно-исследовательских работ среди молодых ученых в области экономики. Мероприятие организовано в рамках научных школ «Проблемы комплексного исследования региональных экономических и социальных процессов» (руководитель – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор В.А. Ильин), «Проблемы социально-демографического развития территорий» (руководитель – доктор экономических наук, доцент А.А. Шабунова), «Теория и методологии управления устойчивым социально-экономическим развитием региональных систем» (руководитель – доктор экономических наук, профессор Т.В. Ускова). Научным руководителем конкурса является заместитель директора по научной работе доктор экономических наук, профессор Т.В. Ускова.

В очередном сборнике публикуются работы победителей конкурса научных работ молодежи по вопросам социально-экономического развития территорий, который проходил в 2019 году.

Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям учебных заведений экономического профиля, а также всем, кто интересуется проблемами развития региональной экономики.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (ptd@volnc.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.09.2020.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20.93. Тираж 500 экз. Заказ № 160
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru